

Б. Ф. ЕГОРОВ

ПЕТРАШЕВЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия
«Страницы истории нашей Родины»

Б. Ф. ЕГОРОВ

ПЕТРАШЕВЦЫ

Ленинград
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1988

Известный историк русской общественной мысли XIX в. профессор Б. Ф. Егоров в своей новой книге «Петрашевцы» на основе малоизвестных архивных материалов и документов рассматривает историю кружков русских утопических социалистов 1840-х гг., вводит читателя в круг друзей и врагов петрашевцев.

В приложении публикуется около 60 петербургских адресов петрашевцев: ценный материал для историков, краеведов, экскурсоводов, которым и адресуется эта книга, равно как и всем интересующимся отечественной историей.

Ответственный редактор:

В. Г. ЧЕРНУХА

Рецензенты:

В. Н. ГИНЕВ и С. А. РЕЙСЕР

Е $\frac{0505010000-508}{054(02)-88}$ 14-88НП

© Издательство «Наука», 1988 г.

ISBN 5-02-027208-6

Петрашевцы менее известны, чем декабристы, однако читатель, интересующийся отечественной историей, имеет некоторое представление об этой группе деятелей: знает имена, знает, что кружок Петрашевского занимался социалистической пропагандой и был разгромлен царским правительством в 1849 г. Но все разнообразие кружков петрашевцев (их было по крайней мере четыре) и ярких, талантливых личностей, непохожих друг на друга (а их несколько десятков), сложные взаимосвязи между кружками и между отдельными лицами, место и значение кружков петрашевцев в истории русского и мирового общественного движения — эти и им подобные аспекты оказываются, как правило, достоянием узкого круга специалистов.

Задача предлагаемой книги — дать широким слоям читателей относительно подробный очерк деятельности петрашевцев на фоне жизни России сороковых годов прошлого столетия и истории западно-европейских социалистических учений. Некоторые материалы и оценки впервые вводятся в научный оборот (см., например, далее характеристики участников группы П. Г. Шапошникова), но в целом автору можно было опираться на достаточно большой и содержательный круг публикаций и исследований, имеющий за собой более чем вековую историю.

Изучение жизни и деятельности петрашевцев началось чуть ли не сразу после их арестов: уже в 1851 г. Герцен вкратце рассказал о них в известной книге «О развитии революционных идей в России» и тогда же поручил эмигранту, бывшему петрашевцу В. А. Энгельсону написать для французского публициста и историка Ж. Мишле очерк о кружке Петрашевского. Заметка Энгельсона пролежала в архиве Мишле свыше полувека и была впервые опубликована в париж-

ском журнале «Revue politique et litteraire. Revue bleu» (1908, № 13, 14). Так как она в публикации была приписана Герцену, то вошла в его собрание сочинений под заглавием «Петрашевский»;¹ лишь в 1930-х годах ошибка была исправлена и на основании переписки Герцена с Энгельсоном восстановлено авторство последнего.²

В конце 50-х и 60-х годах Герцен много материалов о петрашевцах (и статей самих петрашевцев) опубликовал в «Колоколе» и «Полярной звезде».³

С конца 1860-х годов и в России стали появляться сведения об их жизни и деятельности: некролог Петрашевского (1867), Толля (1867), Дурова (1869), воспоминания (в том числе известный очерк Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» 1873 г.), научное исследование, включенное в труд А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов» (Вестник Европы, 1873, № 7), роман петрашевца А. Пальма «Алексей Слободин» (СПб., 1873) — беллетризованное описание кружка Петрашевского.

Но лишь в 1907 г. В. М. Саблину удалось издать в России первый сборник материалов «Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы» (издание составителя, Москва), куда вошли некоторые бумаги следственной комиссии, записки и речи М. В. Петрашевского, А. В. Ханыкова, Д. Д. Ахшарумова, рассказ Н. П. Григорьева «Солдатская беседа».

---

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. 6. С. 487—502; русский перевод там же. С. 502—519.

² См.: Энгельсон В. Статьи, прокламации, письма. М., 1934. С. 25—27.

³ Юстиция и Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский // Колокол. 1859. 1 авг. С. 399—403; Необходимое приложение к прошениям г. Буташевича-Петрашевского // Там же. 1859. 15 авг. С. 410—414; 1 сент. С. 418—421; 15 сент. С. 426—428; 1 окт. С. 435—438; Тиранство сибирского Муравьева // Там же. 1860. 1 окт. С. 688; Просьба М. В. Петрашевского е. в. господину министру внутренних дел // Там же. 1861. 15 февр. С. 770—775; 1861. 1 марта. С. 782—783; Высочайше подтвержденный 19 декабря 1849 года доклад генерал-аудиториата о тит. сов. Буташевиче-Петрашевском и других лицах // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. 1861. Кн. 2. С. 265—327; <Львов Ф. Н.> Львов и Гагарин // Колокол. 1862. 1 авг. с. 1161; Отрывок из мнения действительного статского советника <И. П.> Липранди <. . .> Приложения // Полярная звезда. 1862. Кн. 7, вып. 1. С. 26—90; и др.

Хотя уже вскоре после смерти Николая I кто-то осмеливался тайком копировать секретные документы следствия и суда и пересылать их Герцену (по разысканиям Н. Я. Эйдельмана, это был, скорее всего, ученый-архивист А. Н. Афанасьев⁴), но впервые открыто работать в секретных архивах было разрешено после 1905 г. В. И. Семевскому, замечательному историку, создавшему целую серию статей о петрашевцах; смерть в 1916 г. помешала довести ему до конца задуманное многотомное исследование. В 1922 г. в Москве в издательстве «Задруга» вышла в свет лишь первая часть его труда «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы», подготовленная к печати В. В. Водовозовым. В остальные тома и части должны были войти статьи Семевского, опубликованные в разных дореволюционных журналах и сборниках.⁵ Собрание всех этих работ Семевского — наиболее фундаментальное исследование о петрашевцах, до сих пор по обилию материала никем не превзойденное. Его отличает прекрасное знание архивных и печатных источников, умение изобразить широкую картину общественного движения эпохи, скрупулезно обрисовать отдельных деятелей. Семевский принципиально отказывался от социально-поли-

---

⁴ См.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 23—24, 219—220.

⁵ *Сенсимонисты и фурьеристы в России в царствование императора Николая I // Книга для чтения по истории нового времени.* М., 1914. Т. 4, ч. 2. С. 340—384; *Петрашевцы и крестьянский вопрос // Великая реформа.* М., 1911. Т. 3. С. 205—220; *Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях // Голос минувшего.* 1917. № 2. С. 138—163; М. В. Буташевич-Петрашевский: *Биографический очерк преимущественно по неизданным материалам // Там же.* 1913. № 11. С. 66—94; № 12. С. 78—116; *М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Там же.* 1915. № 1. С. 66—87; № 3. С. 18—57; № 5. С. 43—84; *Петрашевцы* С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев // Там же. 1915. № 11. С. 5—43; № 12. С. 35—75; *Петрашевцы.* Кружок Н. С. Кашкина // Там же. 1916. № 2. С. 41—61; № 3. С. 48—68; № 4. С. 174—192; *Петрашевцы* А. П. Беклемишев и К. И. Тимковский: *По неизданным источникам // Вестник Европы.* 1916. № 11. С. 57—103; *Петрашевцы.* Студенты Толстов и Г. П. Данилевский, мещанин П. Г. Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин // *Голос минувшего.* 1916. № 11. С. 5—28; № 12. С. 97—118; М. Е. Салтыков-петрашевец // *Русские записки.* 1917. № 1. С. 21—50; *Следствие и суд по делу петрашевцев: По неизданным материалам // Там же.* 1916. № 9. С. 40—68; № 10. С. 29—64; № 11. С. 18—51.

тических анализов и оценок, но этот недостаток компенсируется честным, четким преподнесением читателю максимально полного фактического материала, так что методологически подкованный читатель сам может сделать соответствующие выводы. Отдельные ошибки и неточности, встречающиеся в работах Семевского, связаны с незнанием фактов и текстов, которые будут обнаружены позднее, уже в советское время.

Октябрьская революция широко открыла доступ в царские архивы. Под редакцией П. Е. Щеголева вышел трехтомный сборник «Петрашевцы» (М.; Л., 1926—1928), куда включены избранные воспоминания (1-й том), статьи петрашевцев (2-й том), материалы следствия и суда (2-й и 3-й тома). Относительно подробная библиография, составленная В. Р. Лейкиной-Свирской (3-й том), расширяла первый советский указатель Г. Л. Бешкина «Литература о петрашевцах» (Вестник Социалистической академии, 1923, кн. 6.). Позднее было напечатано трехтомное «Дело петрашевцев» (М.; Л., 1937—1951), содержащее впервые опубликованные следственные дела 30 арестованных и доносительные реплики П. Д. Антонелли. Все три тома подготовлены к печати В. Р. Лейкиной-Свирской под общей редакцией В. А. Десницкого (т. 1, 2) и С. Н. Валка (т. 3). Отдельно опубликованы следственные дела братьев Достоевских.⁶

Литературовед В. Л. Комарович проделал большую работу, выискивая в изданиях XIX в. стихотворения петрашевцев. Под его редакцией они впервые были собраны в сборнике «Поэты-петрашевцы» (Л., 1940; Большая серия «Библиотеки поэта»; 2-е изд. Л., 1957). Художественная проза петрашевцев до сих пор не собрана воедино.

В объемистом сборнике «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» (М., 1953), подготовленном М. Я. Поляковым, опубликованы все основные статьи ведущих петрашевцев, а также многие их письма; некоторые материалы (например, письма Н. А. Спешнева о философии) были здесь обнаружены

---

⁶ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.; Л., 1936; 2-е изд. М., 1971; Следственное дело М. М. Достоевского-петрашевца // Достоевский. Материалы и исследования. Л. 1974. 1. С. 254—265.

ваны впервые. В сборнике полностью перепечатан 2-й выпуск «Карманного словаря иностранных слов...» (1846), изданного Петрашевским.

12-томная «Библиотека революционных мемуаров „Из искры возгорится пламя“» (Лениздат) включила в себя и том петрашевцев: «Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге» (Л., 1984; составитель Б. Ф. Егоров).

В хрестоматии «Утопический социализм в России» (М., 1985; составители А. И. Володин, Б. М. Шахматов) имеются избранные тексты М. В. Петрашевского, В. А. Милютина, А. В. Ханькова, Д. Д. Ахшарумова, прокомментированные А. И. Володиным.

В серии «Научно-атеистическая библиотека», выпускаемой издательством «Мысль», вышел сборник «Петрашевцы об атеизме, религии и церкви» (М., 1986, составитель, автор предисловия и примечаний Ф. Г. Никитина, ответственный редактор В. Р. Лейкина-Свирская), содержащий основные труды петрашевцев на религиозные темы.

После книги Семевского опубликовано немало книг и статей о петрашевцах. Наиболее известны труды В. Р. Лейкиной-Свирской. Первая ее книга — «Петрашевцы» — появилась в Москве в 1924 г. Это очень сжатый (на 30 страницах) очерк деятельности кружков петрашевцев, за которым следуют две монографические главы (о Спешневем и Петрашевском) и приложения, из которых особенно ценен «Биографический алфавит петрашевцев» (63 человека). Вторая книга того же автора под тем же заглавием (М., 1965) — не перепечатка и не переделка, а совершенно самостоятельный труд, более подробный, чем первый (здесь — 160 страниц авторского текста). Главы, построенные по хронологическому принципу (история кружков), сочетаются с тематическими (политические взгляды, атеизм, социализм и т. д.). Наиболее обстоятельный труд В. Р. Лейкиной-Свирской, ее докторская диссертация «Петрашевцы и общественное движение 40-х годов XIX в.» (Л., 1956), остается неопубликованным и лишь частично отражен в книгах и статьях.⁷

---

⁷ См.: Лейкина-Свирская В. Р. 1) Петрашевец Н. А. Момбелли // Былое. 1924. № 26. С. 61—70; 2) Революционная практика петрашевцев // Исторические записки. 1954. Т. 47.

Достоинства серьезных работ известного историка (обилие фактов, их систематизация и социально-политическое осмысление), к сожалению, умяляются встречающимися ошибками⁸ и, что еще существеннее, частыми попытками обходить сложные и противоречивые проблемы (например, отношение петрашевцев к революции и к крестьянскому бунту), заменяя их весьма односторонней (иногда попросту неверной) трактовкой вытянутых из контекста цитат. В книге «Петрашевцы» (М., 1965) говорится, что петрашевцы высказывали мысль «о плодотворности революционной агитации в среде старообрядцев», а далее цитируются суждения Петрашевского об «ужасной» Жакерии, о пугачевском бунте как порождении старообрядчества и т. п. (с. 104; ср. 111). Из такого изложения можно вывести, что и Петрашевский ратовал за революционную агитацию среди раскольников. На самом же деле он и вообще-то весьма сдержанно относился к агитации за немедленное восстание и к народному бунту, да и здесь конкретно он имел в виду совсем другое: он предлагал правительству прекратить преследование старообрядцев, предоставить им все права — и пугал власти их недовольством, возможным бунтом (см. Дело петрашевцев. I, с. 42). В той же книге отпочкование от кружка Петрашевского параллельных групп трактуется как «назревшая потребность петрашевцев в революционной активности» (с. 132). Но все известные нам кружки были менее революционны и образовались совсем по другим причинам (см. ниже гл. 6). В статье «Революционная практика петрашевцев» В. Р. Лейкина-Свирская для доказательства революционных настроений Петрашевского, Дурова, Пальма, Ястржембского использует в качестве исторического документа роман

С. 181—223; 3) О характере кружков петрашевцев // Вопросы истории. 1956. № 4. С. 96—106; 4) Формирование разночинской интеллигенции в России в 40-х годах XIX в. // История СССР. 1958. № 1. С. 83—104; 5) Утопический социализм петрашевцев // История социалистических учений. М., 1964. С. 399—441; 6) Петрашевец Н. А. Спешнев в свете новых материалов // История СССР. 1978. № 4. С. 128—140.

⁸ Например, в книге «Петрашевцы» (М., 1965) утверждается: «В приговоре замысел устройства типографии был вообще опущен и не инкриминировался ни Спешневу, ни Филиппову» (С. 139). — Еще как инкриминировался! (См. Петрашевцы. М.; Л., 1928. 3. С. 77, 199).

П. М. Ковалевского «Итоги жизни» (см. с. 196)! Подобные натяжки нередки, однако выводы автора в книге «Петрашевцы» (1965) свидетельствуют скорее о торжестве историзма, чем о желании подвести всю совокупность фактов под сложившуюся революционно-демократическую систему.⁹ Выводы значительно осторожнее отдельных частных выпрямлений: петрашевцы «подходили к пониманию необходимости насильственного изменения общественных отношений» (с. 162): Воистину *подходили*, но не успели подойти. . . , — это сделали пятидесятники.

Лучшими советскими книгами о петрашевцах следует назвать труды А. Ф. Возного, которые отличаются юридической четкостью, нетерпимостью к фальши и передержкам,¹⁰ свежестью и нестандартностью подхода к материалу. Первой его книгой было учебное пособие, изданное Киевской высшей школой МВД: «Полицейский сыск и кружок петрашевцев» (1976), а недавно издательство «Наукова думка» выпустило значительно

---

⁹ Увы, в нашей исследовательской литературе еще часто прямолинейно причисляют петрашевцев к последовательным революционным демократам; этим грешат работы В. Е. Евграфова, Ф. Г. Никитиной, К. И. Абрамова, Г. Я. Сергиенко и др. Иные, например В. А. Дьяков в книге «Освободительное движение в России 1825—1861 гг.» (М., 1979), склонны сближать петрашевцев с декабристами, именуя их «дворянскими революционерами», стоящими у «истоков» революционной демократии (с. 119—123). И. А. Федосов в обстоятельной книге «Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки)» (М., 1958), добрая половина которой посвящена петрашевцам, допускает другие «выпрямления», в частности утверждая, что «Петрашевский проявлял колебания в сторону либерализма» (с. 366). Вот уж чему чужд был Петрашевский! Он мог в вопросах тактики проявлять осторожность, уклончивость, но никоим образом не либерализм.

¹⁰ В его книгах неоднократно, например, критикуется статья В. Д. Лазуренко «Государственно-правовые взгляды М. В. Петрашевского» (Советское государство и право. 1971. № 11. С. 110—115), а также труды Я. Д. Дмитерко, Г. Я. Сергиенко и др. У А. Ф. Возного мы обнаружили всего несколько незначительных ошибок, например якобы агенты И. П. Липранди покупали табачную лавку Петра Шапошникова, расположенную в доме Петрашевского (1976. С. 42—43; 1985. С. 74). На самом деле эта лавка помещалась на Большом проспекте Петроградской стороны, а в доме Петрашевского в Коломне агенты связали помещение под свою собственную лавку без сделки с Шапошниковым.

переработанный и дополненный вариант: «Петрашевский и царская тайная полиция» (Киев, 1985).

Мне очень хотелось бы выразить глубокую благодарность А. Ф. Возному, недавно безвременно ушедшему из жизни, за ценные замечания, сделанные им на рукописи этой книги.

Литературно-эстетическим аспектам деятельности петрашевцев посвящена ценная книга Т. И. Усакиной «Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века» (Саратов, 1965) с отдельными главами о Салтыкове и о связях с петрашевцами Белинского, Герцена, Чернышевского.¹¹

Из многочисленных статей и глав в книгах следует выделить работы последних десятилетий, посвященные социально-политическим, экономическим и философским воззрениям петрашевцев,¹² их историческим взглядам,¹³ общественно-научной деятельности,¹⁴ идейным и личным связям с украинскими и польскими революционерами,¹⁵ жизни и деятельности петрашевцев в Сибири.¹⁶

---

¹¹ См. также статьи: *Зельдович М. Г.* К характеристике литературно-эстетических взглядов М. В. Петрашевского // Труды филолог. ф-та Харьк. гос. ун-та. 1956. Т. 3. С. 235—259; *Деркач С. С.* О литературно-эстетических взглядах петрашевцев // Вестник ЛГУ. 1957. № 14. С. 77—93.

¹² *Минаева Н. В.* Идеи утопического социализма во взглядах петрашевцев // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. 1957. Т. 78. С. 77—127; *Мартыновская В. С.* Социально-экономические воззрения петрашевцев // История русской экономической мысли. М., 1958. Т. 1, ч. 2. С. 286—324; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX веков. Л., 1970. Гл.: Общество петрашевцев. С. 314—333; *Малинин В. А.* История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х годов XIX в.) М., 1977. С. 127—155; *Богатов В. В.* Идеи утопического социализма в трудах петрашевцев // История русского утопического социализма XIX века. М., 1985. С. 27—51. Из более старых работ см.: *Левитов А. М.* Вопросы политической экономии в кружках петрашевцев // Ученые записки Ростовского-н/Д. фин.-экон. ин-та. 1941. Т. 1. С. 20—76.

¹³ См.: *Иллерицкий В. Е.* Исторические взгляды петрашевцев // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 29—42.

¹⁴ *Вальская Б. А.* Петрашевцы в Русском географическом обществе // Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: Новая серия. Л., 1977. Т. 104. С. 54—65.

¹⁵ *Фруменков Г. Г.* Польский вопрос во взглядах петрашевцев // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 3. С. 47—51; *Бортников А. И.* Петрашевцы и польское национально-освободительное движение // Из истории револю-

Из зарубежных трудов наибольшую ценность представляет книга польской исследовательницы Виктории Сливовской.¹⁷ Автор много лет работала в советских библиотеках и архивохранилищах, прекрасно изучила все материалы о петрашевцах и их окружении, ее книга насыщена малоизвестными фактами, почерпнутыми из забытых или неопубликованных (архивных) источников. Особенно ценны сведения о польской радикальной молодежи 40-х годов (в том числе петербургской и московской) и широкое использование польской литературы (мемуарной, научной) о радикальных деятелях середины XIX в. И методологически книга Сливовской безукоризненна: автор не обходит острых углов и сложных противоречий, а раскрывает их, объясняя соответствующими историческими причинами.

Менее самостоятельны работы, опубликованные в англоязычных странах. Так, статья Н. Рязановского «Фурьеризм в России: оценка петрашевцев»¹⁸ довольно конспективна и одностороння, без новых фактов и идейных открытий, без обстоятельного исследования своеобразия петрашевцев. Статья Ф. Каплана «Русский фурьеризм 1840-х гг.: контраст герценовскому западничеству»,¹⁹ наоборот, претендует на оригинальность (по мнению автора, в отличие от Герцена и славянофилов, представляющих собой антибюрократическое дворянство, петрашевцы со своим фурьеризмом принадлежали к петербургской бюрократии, и сама утопия у них была бюрократическая), но фактически здесь проявляется вариант вульгарно-социологической трактовки русской общественной мысли, исходящей из школы

ционного движения польского народа. М., 1964. С. 41—51; Дьяков В. А. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов // Советское славяноведение. 1971. № 5. С. 46—57. — Из старых работ сохраняет научную ценность статья: Дорошкевич Ол. Шевченко й петрашевці в 40-х гг. // Шевченко та його доба. Київ, 1927. Т. 2. С. 23—43.

¹⁸ См.: Дулов А. В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Иркутск, 1965. С. 23.

¹⁷ *Sliwowska W. Sprawa pietraszewców. Warszawa, 1964.*

¹⁹ *Riasanovsky N. Fourierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy // American Slavic and East European Review, 1953. № 3. P. 289—302.*

¹⁹ *Kaplan F. Russian Fourierism of 1840's: A Contrast to Hertsen's Westernism // Ibid. 1958. № 2. P. 161—172.*

М. Н. Покровского, рассматривавшей петрашевцев как представителей интересов развивающегося капитализма.²⁰ И там, и здесь вся сложность и многоаспектность мировоззрения петрашевцев сужается до капитализма и бюрократизма.

Самый крупный труд на английском языке — книга Джона Эванса «Кружок Петрашевского».²¹ Автор, видимо, не работал в архивах, не знает многих статей советских ученых, не знает книги В. Сливовской. Но это еще не большая беда, хуже то, что этот труд лишен самостоятельной концепции. В. М. Шевырин уже отмечал в своей рецензии на него,²² что автор в общем повторяет старые схемы своих западных учителей о Петрашевском как противнике революции, о либеральном характере кружка и т. д. Следует еще добавить, что в книге Эванса много фактических ошибок и неточностей: Петрашевский, по Эвансу, родился в марте, а не в ноябре (с. 15); утверждение, что группа инакомыслящих (Кашкин, Ахшарумов, братья Дебу) покинула кружок Петрашевского в октябре 1848 г., чтобы образовать кружок Кашкина (с. 60), — сплошная путаница, ибо Кашкин вообще тогда не был знаком с Петрашевским, а другие не покидали кружка Петрашевского, и т. д. Все эти недостатки сильно снижают ценность труда, рассчитанного на широкие круги интересующихся русской культурой и историей.

А самая серьезная и творческая работа на английском языке — статья Дж. Седдона «Петрашевцы: переоценка»,²³ где в самом деле сделана попытка показать национальное своеобразие воззрений петрашевцев, особенно в свете их отношения к крестьянству, к общине, и раскрыть сходство и отличие их идей в сравнении со взглядами Белинского и Герцена и с позднейшими принципами народников.

В Советском Союзе за последние десятилетия появилось немало книг и об отдельных петрашевцах, боль-

---

²⁰ См., например: *Райский Л.* Социальные воззрения петрашевцев: Очерки из истории утопического социализма в России. Л., 1927.

²¹ *Evans J. L.* The Petraševskij Circle. 1845—1849. The Hague, Paris. Mouton, 1974.

²² Вопросы истории. 1975. № 11. С. 189—191.

²³ *Seddon J. H.* The Petrashevtsy: A Reappraisal // *Slavic Review*. 1984. № 3. P. 434—452.

шинство из них — научно-популярного или даже беллетризованного характера.²⁴

Таким образом, может сложиться впечатление, что тема «петрашевцы» уже достаточно основательно изучена. Но это не совсем так. Нередко встречающаяся путаница в академических трудах и в школьных учебниках свидетельствует, что до основательности нам еще далеко.²⁵

Многие материалы о петрашевцах, обширные архивы,²⁶ рукописи и письма ведущих деятелей кружков

---

²⁴ Прокофьев В. П. Петрашевский : Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1962; Кокин Л. М. Зову живых. Повесть о Михаиле Петрашевском : Серия «Пламенные революционеры». М., 1977; 2-е изд. М., 1981; Пустильник Л. С. Жизнь и творчество А. Н. Плещеева. М., 1981; Тхоржевский С. С. Портреты пером : Исторические повести. Л., 1984 (главы о Баласогло и Пальме). См. также науч.-попул. кн. на укр. яз.: Буцик А. К. Петрашевці (Київ, 1962). Более академичны книги: Зиневич Н. А. Ф. Г. Толль (1823—1867): Очерк жизни и творчества. М., 1964; Порох И. В. История в человеке. Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40—80 годов XIX в. Саратов, 1971. — См. также упомянутые выше статьи В. Р. Лейкиной-Свирской о Спешневе и Момбелли и биографический очерк о Черносивитове: Чулков Г. Рафаил Черносивитов // Каторга и ссылка. 1930. № 3. С. 80—96.

²⁵ Некоторые примеры уже приводились выше. Еще один, особенно тревожный из-за миллионов тиражей книг для школы. Авторы учебника «История Украинской ССР» для 7—8 классов средней школы (2-е изд. Киев, 1984) В. Г. Сарбей, Г. Я. Сергиенко, В. А. Смолий пишут: «После ареста весной 1847 г. . . . членов Кирилло-Мефодиевского общества . . . сорвались попытки установить деловые контакты между кирилло-мефодиевцами и революционным обществом петрашевцев, программа которого вам известна . . . Через год после кирилло-мефодиевцев жандармы арестовали и большинство петрашевцев» (С. 124). В этом небольшом абзаце нагромождено чуть ли не пять ошибок: никакие попытки установить контакты между группами неизвестны; нельзя называть все общество петрашевцев революционным; у общества не было программы, поэтому она никак не может быть известна учащимся; арестованы были петрашевцы через два года, а не через год после разгрома кирилло-мефодиевского кружка.

²⁶ Материалы слежки, арестов, судебного процесса, а частично и документы о последующей судьбе петрашевцев см.: ЦГВИА, СССР, д. Аудиторiatского департамента Военного министерства, ф. 801, оп. 84/28, № 55 (122 части этого дела описаны: Петрашевцы. . . 3. С. 365—368); ЦГАОР СССР, д. I экспедиция III отделения собственной его императорского величества канцелярии, ф. 109, оп. 1849, № 214 (146 частей этого дела описаны: Петрашевцы. . . 3. С. 362—365). Немало ценных

еще ждут своих исследователей: можно для примера указать на два больших архива Спешнева (в ЦГАОР СССР и в Иркутском областном архиве), сданные его внуками уже в советское время, на рукописи Баласогло в архиве Русского географического общества (Ленинград), на письма Кашкина и Дурова в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, на письма Кашкина и И. Дебу в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Предлагаемая читателю книга лишь частично включила все эти материалы.

Книга строится главным образом по хронологическому принципу; в заключительной главе обобщаются сведения о мировоззрении петрашевцев.

При цитировании рукописных и печатных источников пунктуация приближается к современной, а разноречивой в написании фамилий устраняется унификацией: всюду пишется *Баласогло* (хотя встречались: Болосоглу, Балас-оглы и др.), *Петрашевский* (хотя имело место: Петрушевский, Петрошевский), *Кузмин* (поскольку так писали свою фамилию братья Кузмины) и т. д.

Курсивные выделения в цитатах принадлежат цитируемым авторам.

Даты событий внутри России указываются по старому стилю, за границей — по новому.

документов еще находятся в фондах В. И. Семевского (в ЦГАОР СССР и в Архиве АН СССР в Москве), в фондах ЦГИА СССР в Ленинграде (роспись фондов, содержащих материалы петрашевцев и о петрашевцах, см. в указанной книге В. Сливовской, с. 276—278), в рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и т. д.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
ПОСЛЕ 1825 г.

После расправы царского правительства над декабристами в 1825—1826 гг. наступила жестокая реакция. Николай I надеялся репрессивными мерами подавить любое оппозиционное движение в стране. Император торжественно заявил своему брату Михаилу после восстания декабристов: «Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни».¹

Для усиления обычной полицейской деятельности был создан еще один орган — III отделение «собственной его императорского величества канцелярии», которому был придан корпус жандармов.

Николай I мечтал превратить страну в чиновничье-военную машину, своего рода грандиозную казарму, где каждый человек должен знать «свой шесток» в четкой многослойной иерархии (причем обязан был навсегда остаться сословно «прикрепленным»: царь не поощрял вольные занятия и переход в другое сословие), беспрекословно исполнять приказания высших инстанций и не «смечь свои суждения иметь». Все социальные, административные и т. п. изменения могли совершаться лишь по предначертаниям царя (иногда с помощью любимых министров или опять-таки созданных царем секретных комитетов). Даже дворянам не разрешалось обсуждать интересующие их вопросы, например систему крепостного права. Попытки некоторых журналистов печатать самостоятельные проблемные статьи заканчивались весьма плачевно — запрещением журнала. Так в 1832 г. был закрыт «Европеец» И. В. Киреевского, в 1834 — «Московский телеграф»

---

¹ Шильдер Н. К. Император Николай I: Его жизнь и царствование, СПб., 1903. Т. 1. С. 315.

Н. А. Полевого, в 1836 — «Телескоп» Н. И. Надеждина.

В страхе перед европейскими радикальными движениями Николай I сильно ограничил культурные связи России и Западной Европы, ограничил поездки русских людей за границу и ввоз в страну книг и периодических изданий; в университете к концу царствования Николая I были закрыты кафедры философии (преподавание основ философии было поручено священникам).

Опасаясь проникновения в учебные заведения представителей низших сословий, правительство постоянно вводило различные ограничения и запреты. Например, в 1827 г. был запрещен прием крепостных крестьян в средние и высшие учебные заведения, в 1848 г. ограничили количество студентов в каждом университете (не более 300 человек) и т. п. Некоторые учебные заведения были вообще исключительно дворянскими (Дворянский институт, лицеи, училище правоведения, пажеские и кадетские корпуса и т. д.), но и двери гимназий и университетов предполагалось открывать преимущественно дворянским детям.

С другой стороны, николаевское правительство, не очень уверенное и в дворянстве (ведь декабристы были почти все дворянами!), требовало обучать и воспитывать молодежь в духе «триединой» формулы, придуманной министром народного просвещения графом С. С. Уваровым: «православие, самодержавие, народность» (третий член формулы был введен для придания официальному курсу видимости опоры на народ).

Разгром декабристов и все репрессивные и реакционные меры правительства, конечно, ослабили антисамодержавное и антикрепостническое движение в России, но не смогли уничтожить полностью. Прежде всего не были спокойны народные массы, стихийные восстания возникали постоянно: разрозненные выступления крестьян против помещиков, бунты в городе и деревне в 1830—1831 гг. в связи с эпидемиями холеры, волнения в армии и флоте, крупное восстание в новгородских («аракчеевских») военных поселениях в 1831 г., восстания горнозаводских рабочих на Урале и т. д.

Все эти выступления царское правительство беспощадно подавляло: в каждой губернии имелись значительные воинские части, немедленно бросаемые на

ликвидацию бунтов. С середины 30-х по начало 40-х годов в России происходит некоторый спад народных волнений, но с 1841—1842 гг. количество и размах крестьянских восстаний возрастает очень заметно — всего за десятилетие 351 бунт против 143 в 30-х гг. Особенно беспокойным стал 1848 г.: европейским революциям первой половины 1848 г. сопутствовали в России тяжелая летняя эпидемия холеры, унесшая 700 тыс. человеческих жизней, и страшный осенний неурожай; крестьянские волнения прокатились по всей стране, их было в этом году 70 (против 48 в 1847 г.). Так что никакие репрессии не могли задавить и уничтожить стихийные протесты народных масс, однако в тех условиях подобные выступления были обречены.

На этом фоне оказывались еще более заметными и пороки самодержавно-крепостнического строя — все мыслящие и честные люди России их ясно видели. Продолжали возникать подпольные группы молодежи, особенно в студенческой среде. Только в Московском университете в конце 20-х и начале 30-х годов организовалось по крайней мере три нелегальных политических кружка: братьев Критских, Сунгурова, Герцена и Огарева. Участников кружков правительство Николая I жестоко наказало, отправив молодых людей в тюрьмы, на каторгу, в ссылку, в солдаты.

Правительство смертельно боялось любого оппозиционного проявления, и неизвестно еще, кого оно больше боялось: народных движений или подпольных кружков в среде образованных сословий. Николай I, пожалуй, последних боялся сильнее: слишком близка еще была память о декабристах. И, видимо, даже наличие громадной военной силы не успокаивало.

А основной трудностью для недовольных самодержавно-крепостническим строем было отсутствие массовости, широты протеста, как и отсутствие ясных целей, всеобъединяющих идей. То, что в стране было очень плохо, это почти все понимали достаточно ясно, но на одном отрицании невозможно создать действенной и массовой идеологии.

Теория и практика революционного движения после декабристского поражения оказались в кризисном состоянии. С одной стороны, глубокие пушкинские мысли о провале любых политических начинаний без опоры на народное мнение («Борис Годунов») и, с другой —

об ограниченности «бессмысленного и беспощадного» крестьянского бунта («Капитанская дочка») не были индивидуальной догадкой гениального человека — они носились в воздухе: к ним уже подходили декабристы, позднее об этом думали и писали Белинский и Герцен. Однако никто еще не знал, как соединить эти трагически расходившиеся группы (инициаторов борьбы и народ), как создать целостную идеологию, куда вошли бы и стратегия и тактика социально-политического движения.

При таком мировоззренческом кризисе, усиленном к тому же общественно-политическим застоем в стране (особенно сказавшимся во второй половине 30-х — начале 40-х годов), создавалась наиболее благоприятная почва для распространения *утопий*, т. е. теорий, конструирующих идеальный общественно-политический строй (или какие-либо его частные сферы: экономическую, техническую, воспитательную и т. п.) не на основе научного изучения реальных возможностей развития, а по принципу долженствования: какой, с точки зрения автора, должна быть идеальная система. Существует много классификаций утопий:² ретроспективные и футурологические, утопии бегства и утопии реконструкции, позитивные системы и, в противовес им, антиутопии (утопии-предостережения, изображающие не идеальное общество, а, наоборот — антиидеальное, ужасное: такая утопия действует, по мнению их авторов, от противного, предостерегая от ошибочных социально-политических путей).

Утопии и антиутопии создавались и прогрессивными деятелями, и реакционерами (антиутопии — чаще всего последними, но не обязательно ими); были в истории культуры периоды, когда в определенном регионе утопии разных направлений распространялись необычайно широко и разнообразно.

Нет единой точки зрения на причины такой интенсификации. Немецкий философ Людвиг Штейн в труде «Социальный вопрос с философской точки зрения» (1897; русский перевод — М., 1899) считал, что утопии возникают в кризисные периоды, когда в обществе созревают

---

² См.: Шестаков В. П. Понятие утопии и современные концепции утопического // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 151—158.

новые отношения, поэтому утопии оказываются как бы первыми вестниками новых явлений, переворотов или реформ в социально-политической, религиозной, экономической и т. п. областях. Следует, однако, уточнить: не столько в моменты кризисов, сколько в преддверии их. Ведь непосредственно в переломные периоды, в эпохи сдвигов и реформ мыслителям и деятелям представляются широкие возможности участвовать в перестройке реальной жизни, и они вместе со своим обществом не нуждаются в утопиях, да им просто и некогда этим заниматься. Утопии же не менее (если не более) часто возникают в консервативные периоды жизни общества, в обстановке социально-политической стагнации, окостенения, когда старый мир начинает гнить и давать трещины, но еще не видны реальные пути переустройства этого мира; известно также немало случаев, когда авторы создавали свои утопии, находясь в тюремном заключении, т. е. тоже оказывались в это время лишенными непосредственной общественной деятельности. Вспомним суждение В. И. Ленина в статье «Две утопии» (1912): «Чем меньше свободы в стране, чем скуднее проявления открытой борьбы классов, чем ниже уровень просвещения *масс*, — тем легче возникают обыкновенно политические утопии и тем дольше они держатся».³ В обездоленной России издавна поэтому создавались и бытовали разного рода утопии. В XVII—XVIII вв. широко распространялись народные утопические легенды.⁴ К XVIII в. относится появление первых утопий, созданных писателями и учеными: «Путешествие в землю Офирскую» кн. М. М. Щербатова (середина 1780-х гг.), глава «Хотилов» в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790) и др. Возникали утопии и в начале XIX в., главным образом в декабристских и в околodeкабристских кругах: «Сон» А. Д. Улыбышева (1819), «Европейские письма» (1820) и «Земля безглавцев» (1824) В. К. Кюхельбекера (вторая повесть его — антиутопия), «Правдоподобные небылицы, или

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 117.

⁴ См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967; Клибанов А. И. 1) Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977; 2) Народная социальная утопия в России: XIX век. М., 1978.

Странствование по свету в двадцать девятом веке» Ф. В. Булгарина (1824). М. П. Алексеев убедительно доказал, что в атмосфере общения с русскими писателями А. Мицкевич также начал писать свою утопическую повесть.⁵

Первым значительным утопистом после декабристской эпохи стал П. Я. Чаадаев, трагическая фигура в истории русской общественной мысли. Относительно случайно оказавшийся не замешанным в деле декабристов, он мучительно раздумывал о судьбе родины, и в цикле «Философических писем» (начало 30-х гг.) подробно развил свои утопические идеи. Чаадаев резко отрицательно относился к историческому прошлому и к современному состоянию России, а в качестве идеала противопоставлял ей историю и культуру западноевропейских народов; чрезвычайно большое место отводил религии, как главенствующей области духовной жизни человека, и изображал католичество как идеал; тем самым утопия Чаадаева приобретала религиозный оттенок.

Радикальная русская молодежь больше всего оценила в «Философическом письме» (было напечатано в 1836 г. лишь первое из цикла) негативную часть, резкую критику прошлого и настоящего самодержавной России. На эту же сторону обратило внимание и правительство, только совсем с другой точки зрения: Николай I приказал закрыть журнал «Телескоп», где было опубликовано «Письмо», издателя профессора Н. И. Надеждина сослать на дальний Север, а Чаадаева объявить сумасшедшим.

Переход ко второй половине николаевского царствования, конец 30-х и начало 40-х годов, создавал особенно благоприятную почву для широкого распространения утопических мечтаний: внутренний террор почти полностью ликвидировал в стране политическое оппозиционное движение, и Россия затихла в ожидании будущих перемен, да и в Европе наблюдалось относительное спокойствие после известных революционных бурь 20-х—начала 30-х годов. Именно в конце 30-х и

---

⁵ Алексеев М. П. Замыслы «Истории будущего» Мицкевича и русская утопическая мысль 20—30-х годов XIX века // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 309—319.

40-х годов возникают в России и наиболее радикальные идеи утопического социализма (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, петрашевцы), и в противовес им консервативные утопии разных оттенков (славянофилы,⁶ Гоголь,⁷ и сложные, смешанные системы (деятели Кирилло-Мефодиевского братства на Украине,⁸ Ап. Григорьев,⁹ Вал. Майков¹⁰), и просветительски-технократические утопии (кн. В. Ф. Одоевский¹¹).

Следует учесть мощное воздействие на русскую общественную мысль 1830—40-х годов идей европейского утопического социализма (и в смысле влияния, и в смысле отталкивания). Они были в эти годы весьма популярны и в странах Западной Европы, особенно на своей родине — во Франции.

После смерти Анри де Сен-Симона (1760—1825), самого раннего вождя утопического социализма XIX в., его произведения и его принципы широко популяризировались учениками, организаторами сенсимонистских журналов и обществ. Сенсимонисты создавали в Париже и во французской провинции трудовые коммуны, кооперативные мастерские, которые, правда, недолго просуществовали из-за идейных и материальных трудностей внутри самих организаций и из-за репрессий со стороны государства, но они сыграли большую роль в пропаганде идеалов утопического социализма (общественная собственность, коллективный труд, справедливое распределение доходов, социальное равенство всех членов, в том числе и женщин и т. п.).

Шарль Фурье (1772—1837), второй великий французский утопист, отличался острым критическим умом,

---

⁶ Наиболее обстоятельное исследование на эту тему — монография польского исследователя А. Валицкого: *Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii*. Warszawa, 1964.

⁷ Социально-политические аспекты гоголевской утопии рассмотрены в кн.: *Гиппиус В. Гоголь*. Л., 1924. С. 175—184.

⁸ См.: *Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847)*. М., 1956.

⁹ См.: *Егоров В. Ф. Аполлон Григорьев — критик // Ученые записки Тартуского гос. ун-та*. 1960. Вып. 98. С. 194—215; 1961. Вып. 104. С. 58—83.

¹⁰ См.: *Усакина Т. И. Указ. соч.* С. 41—62; *Малинин В. А. Указ. соч.* С. 151—155.

¹¹ См.: *Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма*. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 178—202; *Михайловская Н. М. Утопические повести В. Ф. Одоевского // Русская литература*. 1980. № 4. С. 135—140.

он в своих произведениях глубоко раскрыл противоречия и пороки феодальных и капиталистических систем; впрочем, он резко критиковал и своих предшественников-утопистов: например, сенсимонистов за то, что они преувеличивали роль религии. Сам же Фурье ратовал за демократическую организацию больших коммун (фаланг), где, однако, преобладало бы значительное разделение труда исходя из вкусов, способностей членов и нужд общества и где сохранялась бы личная собственность и даже личный капитал. Но главное — Фурье обещал интересный и свободный труд, большие выгоды всех и каждого благодаря разумной и справедливой организации коллективного хозяйства, счастье и мир на земле, так как все человечество, по его мысли, на конкретных примерах должно понять преимущества социалистической жизни и всюду организует фаланги-общины.

Страстная пропаганда Фурье и его учеников во главе с В. Консидераном возымела действие: нашлось немало желающих участвовать в социалистических общинах (даже и состоятельных лиц оказалось немало), были закуплены участки во Франции и в Соединенных Штатах Америки, были построены фаланстеры (домашние дворцы для совместного проживания). Правда, большинство этих общин распалось через несколько лет: от неумелого ведения хозяйства, от притока любителей поживиться на чужой счет, от враждебного окружения. . . Но значение фурьеристских фаланг для пропаганды социалистических идей оказалось очень велико.¹²

Идеи утопического социализма стали проникать и в Россию.¹³

---

¹² Подробнее см.: *Зильберфарб И. И.* Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964; *Володин А. И.* Утопия и история. М., 1976.

¹³ См.: *Сакулин П. Н.* Русская литература и социализм. Ч. 1: Ранний русский социализм. 2-е изд. М., 1924; *Левин Ш. М.* К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 217—257; *Зильберфарб И. И.* Идеи Фурье в России в 30—40-х годах XIX века // Там же. Т. 27. С. 240—265; *Володин А. И.* Начало социалистической мысли в России. М., 1966; *Орлик О. В.* Русская общественная мысль 30—40-х годов XIX в. и европейский утопический социализм // Исторические записки. 1968. Т. 82. С. 204—231.

Кажется, самой первой интеллектуальной группой, заинтересовавшейся в последекабристское время идеями утопистов, был пушкинский круг. В пушкинской библиотеке были три книги об учении Сен-Симона.¹⁴ Чрезвычайно интересно письмо Чаадаева к Пушкину от 18 сентября 1831 г. по поводу последствий французской революции: «. . . у меня наворачиваются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества (. . .). Но смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может, на первых порах это будет нечто, подобное той политической религии, которую в настоящее время производит С.-Симон в Париже или тому католицизму нового рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего. . .».¹⁵

«Католицизм нового рода» здесь — несомненно движение, возглавляемое аббатом Ламенне, который три года спустя после приведенного письма Чаадаева опубликует свою знаменитую книгу «Слово верующего», оказавшую большое влияние на петрашевцев в следующем десятилетии («Слово», укоренившееся в русской переводческой традиции, не совсем точно переводит начало заглавия книги Ламенне — *Paroles*, т. е. «слова», «речи»). Ф. Г. Никитина недавно обнаружила в бумагах, отобранных у петрашевца Н. А. Мордвинова в 1855 г., вновь арестованного тогда за пропаганду, полный перевод на русский язык книги Ламенне, сделанный Мордвиновым и Плещеевым (Ф. Г. Никитина на основании других данных убедительно доказывает, что отсутствующее в рукописи введение, очевидно, было переведено третьим участником — А. П. Милюковым: об этом тексте неоднократно упоминалось в процессе петрашевцев).¹⁶

Запомним пути общественного развития, прогнозируемые Чаадаевым: оба они сводятся к христиан-

---

¹⁴ См.: *Гроссман Л.* Пушкин и сенсимонизм // *Красная новь*. 1936. № 6. С. 157—168.

¹⁵ *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. М., 1914. Т. 2. С. 180 (пер.; фр. подлинник: Т. 1. С. 164—165). См. также новейшие работы о мыслителе: *Лазарев В. В.* Чаадаев. М., 1986; *Тарасов Б.* Чаадаев. М., 1986 // *Жизнь замечательных людей*.

¹⁶ *Никитина Ф. Н.* Петрашевцы и Ламенне // *Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1978. 3. С. 256—258.

скому социализму. Не меньший интерес, чем письмо Чаадаева, представляет для нас статья А. Мицкевича, написанная во Франции под впечатлением известия о смерти великого русского поэта, — «Пушкин и литературное движение в России». В этой статье Мицкевич так характеризовал последекабристский период в творчестве Пушкина: «Что творилось в его душе? Проникалась ли она в тиши тем духом, который вдохновлял творения Манцони или Пеллико . . .? А может быть, его воображение было возбуждено идеями в духе Сен-Симона или Фурье? Не знаю. В его стихотворениях и в разговорах можно было приметить следы обоих этих стремлений».¹⁷

Манцони и Пеллико — известные итальянские романтики, чьи произведения отличались религиозными настроениями, христианским смирением, сосредоточенным анализом состояния уединенного человека и т. п. Отдельные черты такого рода можно найти в творчестве позднего Пушкина, особенно в стихотворениях 1836 г., но идеи в духе Сен-Симона или Фурье трудно обнаружить у русского поэта. Возможно, Мицкевич имел в виду свои разговоры с Пушкиным о гармоническом обществе будущего, о том времени, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Во всяком случае, указание Мицкевича является важным свидетельством «следов» интересов, проявляющихся в пушкинском окружении к идеям французских утопических социалистов.

Но особенно увлекалась этими идеями радикальная русская молодежь. В студенческом кружке Герцена и Огарева в тот же период учение Сен-Симона было самым почитаемым. Несколько позже они стали изучать и труды Фурье. Как отметил Огарев в своей более поздней «Исповеди лишнего человека» (1864),

Ученики Фурье и Сен-Симона,
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобождению,
Основою положим социализм.

В. Г. Белинский в 1836 г. в черновом варианте статьи об «Опыте системы нравственной философии» А. Дроздова (редактор «Телескопа» Н. И. Надеждин

¹⁷ Мицкевич Адам. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 96.

сильно сократил статью; рукопись лишь недавно обнаружена И. Т. Трофимовым) истолковал учение Фихте как своеобразную предтечу утопического социализма: «Фихте сказал, что государство, как все человеческие постановления, стремится к собственному уничтожению и что цель всех законов. . . — сделать ненужными все законы. . . Да, оно наступит, это время, царства Божия, когда не будет ни бедного, ни богатого, ни раба, ни господина. . . когда все люди признают друг в друге своих братьев во Христе. . .».¹⁸

В начале 40-х годов социалистическая литература хлынула в Россию уже массовым потоком.

К идеям великих утопистов очень сочувственно отнесся Белинский. Он переходил тогда из гегелевской идеалистической сферы в область конкретных проблем русской жизни, становился на позиции революционного демократизма. В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. он торжественно объявил: «. . . я теперь в новой крайности — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия. . .».¹⁹ Правда, Белинский и Герцен с самого начала неодобрительно воспринимали утопические крайности Фурье (главным образом, мелочную регламентацию быта). Замечательны в этом отношении дневниковые записи Герцена от 24 марта 1844 г.: «. . . у сенсимонистов и фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но чего-то недостает. У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании». И от 26 июня того же года: «В широком, светлом фаланстере их тесновато».²⁰ Во второй половине 40-х годов, когда Белинский и Герцен сами с большим трудом стали освобождаться от утопических принципов, они начали критиковать и позитивную программу утопических социалистов, усматривая в ней беспочвенное фантазирование, отсутствие реалистического подхода к исторической и объективной действительности. Фактически они уже освобождались от романтической идеологии долженствования (конструирование жизни, какую она должна быть по

---

¹⁸ Русская литература. 1969. № 3. С. 144.

¹⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 66.

²⁰ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 345, 361.

субъективным представлениям мыслителей) и пытались искать какие-то реальные основы для создания теории и практики социализма.

В письмах 1847—1848 гг. Белинский чрезвычайно резко, даже грубо, обрушивается на утопических социалистов за беспочвенность, кабинетное теоретизирование. Герцен более мягок, но в целом и его оценка убийственна. В эпилоге к известной книге «О развитии революционных идей в России» (1850) он пишет о западных и русских фурьеристах: «Фаланстер — не что иное, как русская община и рабочая казарма, военное поселение на гражданский лад, полк фабричных. Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот».²¹

В подчеркивании «казарменного» характера идеалов радикальных утопистов Герцен не был одинок. Позднее Маркс и Энгельс в статье «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих» (1873) будут резко говорить о «казарменном коммунизме» М. Бакунина.²²

Петрашевский со своим окружением менее критически подошел к фурьеризму. Выступая против мелочной регламентации быта и фантастической космогонии Фурье, петрашевцы многие утопические идеи его, в том числе и «казарменные», воспринимали вполне сочувственно. Однако общественно-политическое своеобразие русской жизни не могло не наложить на их взгляды самобытного оттенка. Об этом еще пойдет речь в нашей книге.

Обозревая русские утопии 30—40-х годов, следует учитывать, что далеко не все из них были социалистическими, скорее наоборот — их большинство из-за тогдашней расстановки общественных сил было несоциалистическим или даже антисоциалистическим — незнание этого может внести путаницу в понимание сложной ситуации. Особенно далеко в идеализации патриархальности пошел Гоголь. Великий писатель

---

²¹ Там же. 1956. Т. 7. С. 253 (пер.; фр. подлинник — с. 123).

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 414.

оказался весьма консервативным мыслителем: он начал было рисовать художественные картины идеального жизненного устройства и идеальных человеческих характеров во 2-й и 3-й частях «Мертвых душ», но затем отодвинул работу над романом-поэмой ради создания глубоко консервативной утопии, получившей название «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Именно эта книга послужила поводом для замечательного письма Белинского к Гоголю. Воспринимая Белинского чуть ли не фюреристом, Гоголь в черновике ответа на письмо Белинского так оспаривал понятие цивилизации как идеала: «Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации», которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен (фаланстерист. — Б.Е.), и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала. . .».²³

Даже в идеях умеренного западника П. В. Анненкова по поводу «равенства и справедливости» Гоголь усмотрел опасный социалистический дух и выразил глубокий скепсис относительно практического осуществления этих принципов в России: «Целая бездна между этими словами и применениями их к делу. Если вы станете действовать и проповедывать, то прежде всего заметят в ваших руках эти заздравные кубки, до которых такой охотник русский человек, и перепьются все, прежде чем узнают, из-за чего было пьянство».²⁴

Скепсис по поводу чужих идеалов, однако, не мешал Гоголю самому проповедовать со страстью свои собственные утопические принципы и подымать в их честь заздравные кубки. . .

Не менее грандиозную консервативную утопию создавали в течение 40-х годов славянофилы. Их идеология возникла как своеобразная реакция и на движение декабристов, и на утопию Чаадаева, и на возникающий русский социализм. Славянофилы (А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др.), не отрицая пороков современной

---

²³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1952. Т. 13. С. 438.

²⁴ Письмо к Анненкову от 7 сентября 1847 г. // Там же. С. 383—384.

им России, все же идеализировали патриархальный строй и православную культуру, противопоставляя их европейским (буржуазным, социалистическим — для них это было все равно) формам жизни. Однако славянофилы были значительно ближе к Белинскому и петрашевцам, нежели к Гоголю, по своему неприятию сословных перегородок, по желанию «растворить» дворянское сословие в народе, в единой общине.

Опять же само по себе понятие «община», как и «утопия», еще ничего не говорит о социально-политическом наполнении этого термина. Особое устройство русской деревни — патриархальная крестьянская община (коллективное владение землей) играло важную роль в создании самых различных утопических проектов. Издавна считалось, что самыми ранними пропагандистами и глашатаями этой формы хозяйства были славянофилы. И в самом деле, они с момента формирования своих доктрин, с конца 30-х годов, уже обращались к общине как к специфически русской общественной структуре. И. В. Киреевский в известном программном письме, называемом публикаторами «В ответ А. С. Хомякову» (1839), подробно говорит о принадлежности русского человека сельскому миру и о поземельной собственности как принадлежности не личной, а общественной, хотя и не употребляет самого слова «община» (впервые именно об общине стал писать Хомяков в статье «О сельских условиях», опубликованной в июньском номере журнала «Москвитянин» за 1842 г.).

Однако новейшие разыскания и публикации С. В. Житомирской и С. В. Мироненко позволяют утверждать, что независимо от славянофилов и даже несколько ранее их о самобытном характере русской общины — особенно в смысле защиты страны от нищеты, от пауперизма (наделение землей всех членов общины избавляет деревню от бедных безземельных бобылей, от «пролетариев») думали и писали сосланные в Сибирь декабристы (Н. А. Бестужев в записной книжке 1836 г., М. А. Фонвизин в статье «О крепостном состоянии земледельцев в России», 1841—1842).²⁵ Эти

---

²⁵ См.: Житомирская С. В., Мироненко С. В. От Союза благоденствия к «русскому социализму»: Идейный путь декабриста М. А. Фонвизина // Фонвизин М. А. Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 39—40.

идеи позднее будут развиваться и Петрашевским, и значительно более ярко и обстоятельно — Герценом.

Большую пищу для размышлений о положении народа в стране, опутанной крепостным рабством, дал царский указ об обязанных крестьянах от 2 апреля 1842 г.: в дополнение к указу 1803 г. о свободных хлебопашцах (дворяне имели право освобождать своих крестьян с землею за выкуп) помещикам отныне предоставлялось право сдавать крестьянам земли в наем, при этом крепостные переходили в ранг «обязанных».

Интересовавшиеся крестьянским вопросом теперь стали особенно часто вспоминать общину как барьер против обнищания, против превращения в бездомных люмпенов. М. А. Фонвизин в сибирской ссылке составляет «Записку об указе 2-го апреля 1842 года». И даже прусский барон Август фон Гакстгаузен, специалист по аграрным вопросам, еще в 30-х годах обративший внимание на остатки древнеславянских общин в восточных германских провинциях и потому жаждавший изучать эту «загадочную» форму хозяйства в России, написал обширную статью по поводу указа 1842 г., где очень высоко отзывался о русской сельской общине (а заодно и прославлял правительственный указ, за что потом и получил от Николая I милостивое разрешение приехать в Россию исследовать аграрные проблемы).²⁶ Гакстгаузен уповал на государственные меры по упорядочению отношений между помещиком и крестьянином, на введение законности в русское сельское хозяйство.

Значительно более консервативную — даже в сравнении со славянофилами — позицию по отношению к общинному вопросу занимали официальные публицисты типа Н. А. Жеребцова, в конце 30-х — начале 40-х годов одного из рачительных деятелей из окружения гр. П. Д. Киселева, а с 1845 г. — гражданского виленского губернатора. Незадолго до ареста петрашевцев, в марте 1849 г., Жеребцов опубликовал статью «О двух современных экономических вопросах», где в противовес революционной Европе Россия представляла как идеальная страна, общинный строй которой

---

²⁶ А. в. Н. [Haxthausen, August von]. Der Kaiserl[iche] Russische Ukas vom 2. (14.) April 1842 // Allgemeine Preussische Staats-Zeitung. 1842. N 126. 7 Mai. S. 537—538. — В научный оборот эту статью ввели С. В. Житомирская и С. В. Мироненко (Указ. соч. С. 40—41).

основан на «древних установлениях и преданиях предков», на «благочестии и повиновении». Последние два понятия как бы уточняют, по Жеребцову, старую уваровскую триединую формулу о православии, самодержавии и народности, так как русский народ благочестив в православном смысле и повинуется самодержавию, а прочность повиновения зависит от «безусловного доверия и любви», и эти два чувства особенно проявляются в «патриархальных семейных отношениях детей-подданных к Отцу-государю».²⁷

Впрочем славянофилы были тоже весьма консервативны в понимании общины. Они боялись, что фурьеристский фаланстер в отличие от патриархальной крестьянской общины будет разрушать зиждательные нравственные принципы (вера, любовь, семья и т. п.). А. С. Хомяков в письме к гр. А. Д. Блудовой от 16 мая 1849 г. делится своими впечатлениями по поводу ареста петрашевцев: сострадает «молодости клубистов», но негодует по поводу их социалистических идеалов, видит губительные зерна «коммунизма» в распространении казенных школ и интернатов: «Дети чуть-чуть не из пеленок переданы в казармы общественного воспитания; дети оторваны окончательно и навсегда от заподозренной семьи, от привычек и от святости семейной жизни».²⁸ Николай I действительно подозревал дворянские семьи в воспитании либерализма; Хомяков, наоборот, видит в семье опору против радикальных влияний.

Негодование славянофилов по поводу идеалов петрашевцев (как они были в достаточно искаженном свете истолкованы по слухам) доходило до фанатических крайностей. В дневнике В. И. Хитрово, друга Хомякова, имеется запись от 14 мая 1849 г. в связи с полученным сообщением об аресте петрашевцев: у Хомякова «вырвалось досадное выражение, что он готов скорее пожертвовать своими детьми, чем видеть их безбожниками и безнравственными либералами».²⁹

Крайности сходились, так сказать, на метауровне: русские социалисты проповедовали не менее экстре-

---

²⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1849. № 3. Отд. III. С. 261—262.

²⁸ Хомяков А. С. Соч. М., 1900. Т. 8. С. 393.

²⁹ Отдел письменных источников Гос. Исторического музея (Москва), ф. 178, оп. 1, ед. хр. 2, л. 47 об.

мальные принципы, но противоположного ряда. Так, например, Герцен писал московским друзьям 27—28 сентября 1849 г.: «Грядущая революция должна начать не только с вечного вопроса собственности и гражданского устройства, а с нравственности человека; в груди каждого она должна убить монархический и христианский принцип».³⁰ Гоголь в «Выбранных местах...» так увлекался пропагандой своих взглядов, что доходил до грубых выражений по адресу нерадивых. Белинский в своем письме к писателю резко протестовал против таких грубостей, хотя и сам допустил оскорбительный тон по отношению к человеку, творчество которого он глубоко чтит.

Сложным промежуточным звеном между радикальными и консервативными утопистами был Ап. Григорьев (в данном случае рассматриваем его деятельность 40-х годов, не касаясь последующей эволюции). В драме «Два эгоизма» (1845) он издевался над фурьеристом Петушевским (весьма прозрачный псевдоним!) и над славянофилом Баскаковым (намек на К. Аксакова), а в статьях и повестях той поры не раз иронизировал по поводу фурьеризма вообще. В то же самое время Григорьев сблизился с масонами, перевел на русский язык целый цикл масонских «Гимнов» (масонство Григорьева причудливо сочеталось с романтическим культом сильной личности), увлекся христианским социализмом Жорж Санд. В 1847 г. Григорьев оказался одним из немногих горячих защитников «Выбранных мест...» Гоголя, в эти же годы он все больше и больше склоняется к славянофильству.

Царское правительство лишь частично понимало коренные различия между радикальными и консервативными утопистами, в целом оно враждебно относилось не только к Белинскому и петрашевцам, но и к масонам, к жоржсандистам, к славянофилам, к Гоголю. Правительству требовалось беспрекословное подчинение, а не мечты об общественных преобразованиях. Особенно подозрительным и жестоко репрессивным оно стало после французской революции 1848 г.: ведь в это время и уваровскую триединую формулу стали считать демократической! Даже вполне благонамеренные деятели церкви, осмеливавшиеся неказенно гово-

---

³⁰ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1961. Т. 23. С. 188.

рять о христианских идеалах, оказывались под подозрением. Хомяков сообщал своей знакомой М. С. Мухановой в письме, относящемся к 1848—1849 гг., о тревожных слухах по поводу судьбы казанского архиепископа Григория: «. . . говорят, что Григорий Казанский, по доносу г[енерал]-л[ейтенанта] Анненкова в коммунистическом направлении проповедей, будет удален от Синода, хотя и оправдан».³¹

Московский генерал-губернатор гр. А. А. Закревский, давно следивший за славянофилами и подозревавший их в подпольной революционной деятельности, анекдотически был убежден, что между кругами петрашевцев и славянофилов существует тайная связь. Хомяков сообщал А. Н. Попову, что, получив список арестованных петрашевцев, Закревский обратился к одному из своих знакомых: «Что, брат, видишь: из московских славян никого не нашли в этом заговоре. Что это значит, по-твоему?» — «Не знаю, в[аше] сиятельство». — «Значит, все тут; да хитры, не поймашь следа».³²

Только, пожалуй, либеральные утописты, самым выдающимся из которых был кн. В. Ф. Одоевский, меньше испытывали притеснений цензуры и правительства. Утопии и антиутопии Одоевского, и прежде всего — некоторые рассказы из цикла «Русские ночи» (1844) и более ранние отрывки из романа «4338-й год», хотя и были неоднократно предметом научного исследования, еще нуждаются в более основательном типологическом сопоставлении с произведениями других русских утопистов 40-х годов. Жанр романа Одоевского мы сейчас назвали бы научно-фантастическим. Автора больше всего занимали безграничные возможности технического прогресса, способного облегчить существование человека и создать условия для подлинно гуманистического общественного строя. Впрочем, непосредственно социально-политические проблемы у Одоевского оттеснены именно научно-техническими описаниями.

---

³¹ Хомяков А. С. Указ. соч. С. 419. — Николай Николаевич Анненков, директор канцелярии Военного министерства, был одним из членов негласного Бутурлинского комитета, образованного Николаем I 2 апреля 1848 г. для борьбы с «крамолой».

³² Там же. С. 199.

Но даже и такие люди были под подозрением. 9 марта 1862 г. Одоевский записал в дневнике: «Я нечаянно узнал, чего мне в голову не приходило, что император Николай Павлович считал меня самым рьяным демагогом, весьма опасным, и в каждой истории (напр[имер], Петрашевского) полагал, что я должен быть тут замешан. Кто это мне так поусердствовал?». ³³ Одоевский наивно полагал, что причина — в каком-то конкретном доносе, не понимая, что суть заключается вообще в подозрительном отношении к дворянской интеллигенции. Поистине поражает совпадение суждений императора и гр. Закревского. В правительственных кругах весьма косо, например, смотрели на филантропическую деятельность Одоевского, организовавшего в столице Общество посещения бедных просителей: «Многие видели даже что-то угрожающее в том, что Общество имело у себя более 8 т[ысяч] адресов бедных. . . Такие слухи, как бы ни были они ложны и нелепы, не остались без последствий. Общество было заподозрено. Над ним собирались тучи, и оно ожидало своего закрытия». ³⁴ Правда, царь не решился на прямую акцию запрещения Общества, руководимого рюриковичем, именитым князем, известным писателем и ученым, но был придуман такой хитрый ход: 19 марта 1848 г. опубликован царский рескрипт о присоединении Общества к императорскому Человеколюбивому обществу, во главе которого стоял герцог Лейхтенбергский, и тем самым Общество Одоевского было все-таки ликвидировано как самостоятельная организация. Любопытно, что секретарем-казначеем Общества служил у Одоевского штабс-капитан Н. С. Кирилов, издававший вместе с М. В. Петрашевским «крамольный» «Карманный словарь иностранных слов. . .».

Русские утописты заметно отличались друг от друга по отношению к практической стороне дела, к возможностям практической реализации своих идеалов. Наиболее абстрагированными оказывались утопии консерваторов: прежде всего, по своей, в самом деле, оторванности от нужд реальной жизни; кроме того, их авторы

---

³³ Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 146.

³⁴ *Пулята Н. Князь В. Ф. Одоевский и Общество посещения бедных просителей в Петербурге // В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869. С. 20—21.*

очень боялись непредсказуемых последствий перемен. Например, старшие славянофилы (особенно И. В. Киреевский) в 40-х годах серьезно опасались радикальной отмены крепостного права: они страшились, что власть помещика в деревне перейдет в руки чиновников и кулаков.

У русских утопических социалистов все обстояло сложнее. Так как они использовали многие идеи и формы западноевропейских систем, созданных в буржуазных условиях, при капиталистическом строе, а общественно-политический и экономический фундамент в России был весьма отличным от западноевропейских основ, почти еще не содержал капиталистических черт, то при прямом заимствовании соответствующие принципы и структуры было трудно реализовать на практике, поэтому буквально использованные идеи в русских условиях выглядели значительно более абстрактными, оторванными от жизни — по сравнению, скажем, с французской почвой; такая оторванность теории от русской практики стимулировала возникновение в рамках самих утопических социалистических групп заметного протеста, отталкивания, критики западных систем — с различных, впрочем, позиций (критические отзывы Белинского, Герцена, а также Достоевского и Ап. Григорьева).

Но более активная жизненная позиция русских утопических социалистов по сравнению с их западными учителями, точнее — большой социально-политический радикализм, обусловленный тяжелым гнетом в стране, заставлял, не откладывая на будущее, искать практических выходов, по крайней мере искать в своих желаниях,³⁵ ибо им в условиях самодержавного строя было немыслимо реализовать свои идеалы, причем не только из-за косности и реакционности правитель-

---

³⁵ Ср. высказывание Герцена из его письма к Г. Гервегу от 30 июля 1850 г.: «... я знаю славянскую расу лучше, чем вы ... я вижу огромные возможности развития и мощную юность этой расы ... Быть может, Россия так и издохнет вампиром, но она может и перейти к самому неограниченному коммунизму с той же легкостью, с какою она бросилась с Петром Великим в европейзм» (*Герцен А. И. Указ. соч. Т. 24. С. 130; фр. подлинник — с. 127*). — Герцен был глубоко неправ, утверждая легкость русского исторического пути, но он великолепно отражал общественные настроения тех лет.

ственного, чиновничьего, полицейского аппарата, но и из-за консерватизма крестьян, в массе своей с большой опаской относившихся к реформам, которые «добрые» господа пытаются над ними совершать. Так что в целом возникал драматический конфликт между теорией и практикой, между идеалом и действительностью. Е. Г. Плимак справедливо подчеркнул «несоответствие тогдашней освободительной теории практике освободительной борьбы».³⁶ В то же время приближение к жизни, к действительности отрезвляло деятелей, способствовало отходу от утопизма вообще. Н. П. Огарев ценой десятилетних нравственных страданий и потери чуть ли не миллионного состояния начал понимать утопичность своих хозяйственных преобразований крепостных деревень. В. Г. Белинский в середине 40-х годов стал решительно отказываться от прежних утопических идеалов.

А. И. Володин отметил характерную особенность раннего этапа в развитии социализма: «...чем приближеннее к действительности утопически-социалистическая мысль, тем настойчивее, выдвигая общечеловеческий идеал строя подлинного равенства и справедливости, она обращается к условиям той или иной конкретной страны как к реальной основе движения к социализму».³⁷

Белинский в 40-х годах ближе всех других утопистов подошел к решению реальных социально-политических задач (ср. известные три насущные задачи русской жизни, сформулированные им в письме к Гоголю: отмена крепостного права, отмена телесных наказаний, соблюдение законов).

Петрашевцы, наоборот, благодаря своему утопизму оставались достаточно непрактическими мыслителями. Но так как после 1848 г., после усиления репрессивных мер, они оказались единственной радикальной группой социалистического толка, существовавшей в России, то на них и пала вся сила правительственного гнева, размеры которого соответствовали царскому страху перед революцией, давно уже стоявшей у порога России.

---

³⁶ Плимак Е. Г. Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983. С. 64.

³⁷ Володин А. И. Утопия и история. С. 240.

Это после 1848 г. А до европейского революционного взрыва в России было немало неформальных объединений, которые создавали общественную, питательную почву, взрастившую кружки петрашевцев. Ведь любые группы творческих личностей, да и просто интересующихся гуманитарными проблемами, даже если и ограничивали круг своих интересов наукой и искусством, невольно должны были переходить к социально-политической проблематике. Не приходится уже говорить о тех объединениях, которые и не стремились отгораживаться от таких вопросов. Их было очень много: тяжелое экономическое состояние страны из-за феодально-крепостнической системы и способы преодоления этого кризиса, судьбы русской деревни, пути освобождения крестьян от крепостной зависимости, неравенство сословий, угнетение женщин, административный и судебный произвол, зависимость печати от указаний сверху или даже от каприза цензора — эти и им подобные проблемы были чрезвычайно злободневны, они носились в воздухе, но они были абсолютно нецензурными. Так как при Николае I было категорически запрещено публичное обсуждение любых социально-политических вопросов, то споры переносились в домашние собрания, в переписку, а в периодике, в художественных произведениях они получали лишь косвенное отражение с помощью иносказаний, частных примеров и т. п.

Домашние собрания получали, таким образом, очень большое значение, как форма выражения общественного мнения, освобожденная от начальственных запретов. Относительно свободное обсуждение социально-политических проблем велось и в дворянских домах, и даже в аристократических салонах, но, конечно, наиболее радикальная, наиболее оппозиционная господствующим (правительственным) точкам зрения постановка вопросов имела место в демократических кружках.

Как правило, они не доходили до организационного упорядочения, не были откровенно нелегальными, не имели четкой позитивной программы действия, а возникали стихийно вокруг своеобразных лидеров, по своим умственным, деловым, волевым качествам способных руководить, спланировать, выдвигать ценные идеи для коллективного обсуждения.

В течение 40-х годов почти всех прогрессивных писателей, публицистов, критиков объединял В. Г. Белинский: его кружок создавал духовную атмосферу, в которой возникали выдающиеся произведения литературы и критики и существовали ведущие журналы эпохи, «Отечественные записки» и «Современник». Проблемы, которые обсуждались у Белинского и близких к нему А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и других, были весьма острыми: пути развития России, отмена крепостного права и т. п. Письма, которые Белинский отправлял своим друзьям (иногда с верной оказией, а иногда и с обычной почтой), могли быть, в случае обнаружения ищейками самодержавия, страшной уликой и потенциально грозили адресатам ссылкой и каторгой. А сам Белинский, к которому давно уже присматривалось III отделение, спасся от каземата Петропавловской крепости лишь из-за тяжелой болезни (чахотки) и ранней смерти в мае 1848 г.

В Петербурге 40-х годов существовали и другие радикальные объединения, менее значительные, чем круг Белинского.

Заметен, например, кружок братьев Бекетовых, из которых старший, Алексей Николаевич, окончил в 1844 г. Главное инженерное училище, а младшие, Андрей и Николай, в будущем известные ученые-естественники, в середине 40-х годов еще не завершили высшего образования. Николай был тогда студентом Петербургского университета, поэтому студенческая молодежь составляла ядро кружка (частым посетителем кружка был будущий петрашевец поэт А. Н. Плещеев, студент Восточного отделения). Старший Бекетов привел в кружок своих однокашников: Ф. М. Достоевского и Д. В. Григоровича. Последний в воспоминаниях сообщает о широком диапазоне обсуждавшихся вопросов и об откровенных, честных мнениях: «...езде слышался негодующий благородный порыв против угнетения и несправедливости».³⁸ Кружок распался к 1847 г. из-за перевода Бекетовых в Казань (где вокруг младших братьев снова образовался кружок, в котором вырос известный радикальный социолог и экономист 60-х годов В. В. Берви-Флеровский).

---

³⁸ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 93.

Более массовым по составу и более длительным по времени оказался кружок педагога и переводчика Иринарха Ивановича Введенского, сформировавшийся во второй половине 40-х годов. Кружок, заседавший сперва по пятницам, затем по средам (чтобы разминуться с днем Петрашевского?), собирал иногда до 20 человек. Наиболее активными участниками были литератор и педагог А. П. Милюков, близкий к петрашевцам; прогрессивный педагог А. А. Чумиков, в будущем доставивший Герцену копию письма Белинского к Гоголю; товарищ Белинского по студенческим годам М. Б. Чистяков; Г. Е. Благодетлов, будущий издатель радикально-демократических журналов «Русское слово» и «Дело». Большую роль сыграл кружок в становлении революционно-демократического мировоззрения Н. Г. Чернышевского, студентом вошедшего в него и впервые оказавшегося в окружении критически и радикально мыслящих людей.

Будущий петрашевец Н. А. Момбелли, поручик лейб-гвардии Московского полка, организовал среди своих сослуживцев и знакомых научно-музыкально-литературный кружок, члены которого собирались с сентября 1846 по февраль 1847 г., главным образом, по понедельникам. Среди участников (а их было немало — 43 человека!) — офицеры Московского полка, поручики Н. Н. Кармалин, А. П. Никитин, Г. А. Беттихер, К. Н. Ераков, А. Р. Глазенац, офицеры Генерального штаба штабс-капитан А. И. Макшеев и поручик Н. Д. Языков, офицеры лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитаны Ф. Н. Львов и Д. Д. Языков, профессор химии Технологического института Н. И. Витт, пианист Н. Н. Шабишев, скрипачи, певцы, поэты, чиновники. . . На собраниях кружка довольно много музицировали (Н. Н. Шабишев подчеркивал позднее в показаниях следственной комиссии по делу петрашевцев: «. . . при мне более занимались музыкою»³⁹), читали художественные произведения, свои и чужие. Например, Н. Д. Языков прочитал 3 ноября 1846 г. отрывки из «Горя от ума» Грибоедова, запрещенные цензурой; Н. А. Момбелли перевел на русский язык известное послание А. Мицкевича «К друзьям русским» (см. Дело петрашевцев. . . I. С. 292, 296, 345); впрочем,

---

³⁹ ЦГВИА СССР. . . Ч. 56, л. 7.

Главный штаб в Петербурге. Рисунок 1830-х гг.

в программах собраний это стихотворение не упомянуто. Как правило, на каждом собрании прочитывалось также несколько научных докладов и сообщений. Среди них заслуживает быть отмеченным доклад А. И. Макшеева 11 декабря 1846 г. «Польская революция» (очевидно, 1831 г.), обзоры Н. А. Момбелли о сочинениях Вольтера и французских энциклопедистов; исследования Н. Н. Кармалина по русской истории на полузапретные темы — о процессе царевича Алексея Петровича, о Петре III и восшествии на престол Екатерины II, о Павле I и т. п. Из активных участников кружка и активных докладчиков на научные темы следует назвать будущего петрашевца Ф. Н. Львова. Перечень всех докладов сохранился в бумагах Момбелли (см. Дело петрашевцев. . . I. С. 377—383). Когда о собраниях у Момбелли узнало полковое начальство, о них было доложено дивизионному командиру, великому князю Александру Николаевичу (будущему Александру II), и наследник запретил их. Запомним этот эпизод запрещения: он совсем в неожиданном ракурсе всплывет на следствии по делу петрашевцев.

Петербургский университет. Рисунок сер. XIX в.

Были известны и другие радикальные кружки, и не только в Петербурге, но и в Москве, Казани, Ростове-Ярославском. В Киеве и Харькове в конце 1845—начале 1846 г. организовалось тайное Кирилло-Мефодиевское общество, основателями которого были молодые прогрессивные ученые Н. И. Костомаров, Н. И. Гулак и В. М. Белозерский; они привлекли к участию в обществе видных представителей украинской интеллигенции, через несколько месяцев в общество вступил Т. Г. Шевченко. Предатель А. М. Петров выдал правительству членов общества. Весной 1847 г. они были арестованы, судимы и отправлены в ссылку и на каторгу. Трагическая судьба Кирилло-Мефодиевского общества на два года предварила расправу над петрашевцами.

О многих кружках мы почти ничего не знаем. Когда петрашевцы были в 1849 г. арестованы, следственная комиссия допытывалась у П. Н. Филиппова, на основании его дневниковых записей, о существовании студенческого общества в Петербургском университете. Филиппов подтвердил истинность года (1844) и фамилии (Фонвизин, Соколов, Залебедский, Колошин), но уклончиво заявил, что он «только предполагал общество между означенными лицами», но «подозрения» его «не

оправдались». ⁴⁰ Среди названных имен обращают на себя внимание Залебедский (это товарищ петрашевца Ханыкова) и Фонвизин (агент полиции Н. Ф. Наумов доносил 31 марта 1849 г., что связанный с петрашевцами студент А. Д. Толстов указал на дом Пеля «на углу Моховой»: «. . . тут живет наш Фонвизин» ⁴¹) — следовательно, это периферия кружка Петрашевского!

Таким образом, историю кружков петрашевцев следует поставить в весьма широкий контекст подобных молодежных организаций по всей России. Петрашевцы лишь явились самой долговечной и самой массовой группой.

Необходимо учитывать и индивидуальные, внекружковые увлечения социалистической литературой. По сведениям полиции, петербургские книготорговцы нелегально, из-под полы продавали сотни томов запрещенных изданий, а из них подавляющее большинство составляли труды социалистов и коммунистов. Успех идей утопического социализма в России 40-х годов был настолько велик, что они притягивали к себе людей, как будто бы совершенно не склонных по своему характеру и психологическому облику к увлечениям. Например, юный «денди», 21 года, эпикуреец, скептик А. В. Дружинин, в будущем глашатай английских аристократических форм жизни и теории «чистого искусства», был тогда искренне захвачен новыми идеями. В дневнике от 6 октября 1845 г. Дружинин отмечает: «Исследовать попытки социальных реформ последнего времени — вот моя цель»; он с нетерпением ожидает издания социалистической газеты «Revue Indépendante», штудирует сочинения Бюрэ о нищете низших классов, читает романы Жорж Санд. ⁴²

В середине 40-х годов вся интеллектуальная атмосфера России (и в первую очередь Петербурга) была пропитана социалистическими идеалами, и даже решительные их противники типа славянофилов или Гоголя вынуждены были постоянно учитывать их успех.

А французская революция 1848 г. еще более интенсифицировала радикальную мысль в России. Ф. Н. Львов и М. В. Петрашевский писали в своей

---

⁴⁰ Там же. Ч. 199, л. 78.

⁴¹ Там же. Ч. 3, л. 114.

⁴² Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 147.

мемуарной записке, посланной Герцену (1860): «Новые стремления в Европе, выразившиеся революцией 1848 года, имели сильное влияние на образованную молодежь в России, и преимущественно в Петербурге. Надобно было видеть, с какою жадностью читались газеты того времени и какое сочувствие возбуждали первые успехи социализма. Апатическая дотоле молодежь встрепенулась, ожила. Несмотря на все затруднения, сочинения Прудона, Луи Блана, фурьеристов, сенсимонистов переходили из рук в руки».⁴³ Далее в записке говорится, что именно в этих условиях кружок Петрашевского стал центром социалистических исканий русской молодежи.

---

⁴³ Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 171.

СТАНОВЛЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ
ПЕТРАШЕВСКОГО

Во главе радикального молодежного движения 40-х годов под знаменем утопического социализма стал Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, сын видного петербургского врача В. М. Петрашевского (1787—1845), лечившего царских сановников (именно он вынимал у умирающего гр. М. А. Милорадовича пулю от выстрела декабриста П. Г. Каховского). Михаил Васильевич родился 1 ноября 1821 г. По иронии судьбы и истории он «считался крестником императора Александра I, заместителем которого на крестинах был гр. Милорадович».¹ Изумительная коллизия возникнет поэтому в 1849 г.: военно-полевой суд приговорит к расстрелу крестника старшего брата Николая I! Но подобные парадоксы встречались в царской России: когда у другого видного врача, Г. Н. Белинского (по судьбе схожего с В. М. Петрашевским: из провинциальных семинаристов — в студенты Медико-хирургической академии) родился сын Виссарион, то будущего революционного демократа согласился крестить начальник отца — великий князь Константин Павлович, еще один брат из царской фамилии, несостоявшийся император.

Отец Петрашевского был, видимо, очень тяжелым и нелюдимым по характеру человеком, мать также по своему складу и уровню вряд ли могла быть духовным воспитателем сына. В. И. Семевский, в юные годы бывавший в доме матери Петрашевского Федоры Дмитриевны (урожд. Фалеевой, 1802—1867), называет ее «антипатичной старушкой»: «. . . она была крайне скупа и так дурно кормила свою младшую дочь, что совершенно расстроила ее здоровье . . . она по смерти мужа,

---

¹ *Семевский В. И.* М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922. Ч. 1. С. 24.

Александровский лицей (ныне Кировский пр., 21). Акварель 1840-х гг.

давая сыну деньги взаймы, брала с него векселя».² А сама дочь, сестра Петрашевского, писала позднее (1901 г.): «Все зависело от нашей матушки, особы крутого характера, и находилось в ее руках . . . Хорошо помню ежедневные семейные сцены из-за получения от матушки 3—4-х рублей, на которые ею постоянно требовались расписки, чтобы представить их при предполагаемом разделе имущества. . . Мать часто и резко упрекала Михаила Васильевича за то, что он тратит деньги на выписку и покупку никому не нужных книг. Вероятно, все получаемое он издерживал на книги, вследствие чего в остальных тратах он должен был быть крайне экономным».³

В 1832 г. Петрашевский был принят в Царскосельский лицей своекоштным воспитанником. Директором

² Там же. С. 45—46.

³ Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сб. материалов. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 108—109. — В. И. Семевский считал, что «несимпатичный» облик матери вообще повлиял на своеобразное «женоненавистничество» Петрашевского (Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский . . . С. 45), который в заметках «Мои афоризмы» мог, например, написать такие строки: «Языком доказать, что худые свойства женского роду, а посему женщины — источник худого — ревность, зависть, злоба, ненависть (чувствования)» (Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 549).

лица в это время был генерал-лейтенант Ф. Г. Гольцгоер, сменивший Е. А. Энгельгардта. Он установил в лицее казарменные порядки, ввел телесные наказания вопреки положению о лицее 1811 г. Чтение посторонних книг в младших классах было запрещено, а в старших сильно затруднено из-за нежелания инспектора Оболенского выдавать их из лицейской библиотеки.

Пушкинское поколение лицеистов, воспитанное в гуманитарной атмосфере 10-х годов, выдвинуло в качестве своих духовных вождей поэтов. Два десятилетия спустя, в условиях николаевского царствования, лицей создавал казенных чиновников, а все, кто имел человеческую душу, мог лишь отталкиваться от такой обстановки, ненавидеть ее. Тоже парадокс истории: казенно-казарменное воспитание порождало протестантов и революционеров!

В лицее Петрашевский был одиноким в кругу юных чиновников, с товарищами не сближался. По словам лицеиста А. Н. Яхонтова, Петрашевский «выкидывал иногда неожиданные эксцентрические штуки . . . часто поражал меня непоследовательностью, нелогичностью своих слов и поступков . . . ни с кем не дружился».⁴

Последнее указание Яхонтова («не дружился») нуждается в серьезных коррективах: Петрашевский не сближался с юными чиновниками-карьеристами, это правда, но он настойчиво стремился найти близких себе по духу товарищей — и с какой радостью он обнаружил в младшем классе⁵ М. Е. Салтыкова.

Что касается эксцентрических и «нелогичных» поступков, то они действительно были очень характерны для Петрашевского. Наряду с бесспорными природными качествами лидера, вождя (а может быть, и благодаря им), Петрашевский отличался тонкой, ранимой душой, не выносил административного или морального давления, любого проявления деспотизма

---

⁴ Петрашевцы в воспоминаниях . . . С. 99—100.

⁵ С 1835 г. вместо прежних двух 3-летних классов (старший и младший) в лицее было введено четыре полуторагодичных класса. Петрашевский оставался в одном из таких классов на повторный срок, поэтому всего он в лицее обучался не шесть, а семь с половиной лет и смог застать там Салтыкова, поступившего в 1838 г.

и в чужом, холодном окружении нарочито вел себя дерзко, вызывая, в молодые годы это часто выливалось в озорство и ухарство.

По воспоминаниям его лицейского товарища В. А. Энгельсона, Петрашевский, никогда не пивший и не куривший, нарочно курил в лицее, так как это было запрещено. Когда устраивался какой-либо заговор против грубого надзирателя, Петрашевский всегда предлагал свои услуги исполнителя «мести» и часто «переходил границы» допустимого.

«Выходки» Петрашевского, в пику начальству, продолжались и по окончании лицея. В Министерстве иностранных дел, где он стал служить, особенно щепетильно относились к одежде и прическам — чтобы не было ни малейшего отклонения от общепринятых норм. Петрашевский же нарочно наряжался в эксцентрические костюмы: то появлялся в широком плаще — альмавиве и громадном головном уборе типа сомбреро, то надевал какую-то невиданную шляпу с квадратной тульей.

Однажды, по слухам, он явился в Казанский собор переодетым в женское платье, не слишком усердно замаскировав свою густую черную бороду. На эту странную богомолку сразу же обратили внимание соседи, подошел квартальный надзиратель: «Милостивая государыня, вы, кажется, переодетый мужчина». Петрашевский не растерялся и ответил в духе будущего театра абсурда: «Милостивый государь, а мне кажется, что вы переодетая женщина». «Квартальный смутился, — пишет П. П. Семенов-Тяньшанский, — а Петрашевский воспользовался этим, чтобы исчезнуть в толпе, и уехал домой».⁶

Внешность Петрашевского была весьма оригинальной, трудно было не обратить на него внимания. Д. Д. Ахшарумов оставил нам ценное описание его облика: «... среднего роста, полный собою, весьма крепкого сложения, брюнет, на одежду свою он обращал мало внимания, волосы его были часто в беспорядке, небольшая бородка, соединявшаяся с бакенбардами, придавала круглоту его лицу... он говорил голосом низким и негромким, разговор его был всегда серьезный, часто с насмешливым тоном; во взоре более всего

---

⁶ Петрашевцы в воспоминаниях... Т. 1, С. 47.

выражалась глубокая вдумчивость, презрение и едкая насмешка».⁷

«В то время, — вспоминал лицейский одноклассник К. С. Веселовский, — гражданские чиновники не могли носить бороды, усов и длинных волос на голове, а Петрашевский . . . отрастил себе длинную шевелюру и с кудрями по плечам явился на службу, в министерство. Директор департамента . . . поручил одному из чиновников передать ему уже на словах совет остричься. На другой день Петрашевский является с теми же длинными волосами, и директор, выведенный из терпения, уже сам обратился к нему с укоризной за неисполнение приказа».

— Я не только исполнил приказание вашего превосходительства, — отвечал Петрашевский, приподнимая на голове парик, — но и обрился».⁸

Естественно, что начальство, старшие сослуживцы и даже большинство чинных ровесников-одноклассников относились к Петрашевскому враждебно.

Обилие конфликтов, связанных с именем Петрашевского, и отчужденность его от основной массы одноклассников послужили многим мемуаристам причиной ложных воспоминаний, что Петрашевский якобы не окончил курса или даже был исключен из лицея. На самом деле Петрашевский окончил лицей в 1839 г., но начальство отомстило ему, выпустив из учебного заведения с самым низким чином (XIV класс: коллежский регистратор). Это весьма редкий случай в истории лицея, обычно его кончали с чином XI и X классов. Случай тем более непонятный, если учесть, что в аттестате, выданном Петрашевскому 16 марта 1840 г., значилось: «Оказал успехи: в законе божием, нравственных и юридических науках, в географии, статистике, истории, французской словесности и в английском языке весьма хорошие; в математике, физике и латинской словесности удовлетворительные, в немецкой словесности хорошие, в политической экономии и русской словесности отлично хорошие».⁹ Но поведение выпускника было аттестовано как «довольно хорошее», что означало «четверку», т. е. отнюдь не хорошее в соот-

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Семейский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский. . . С. 29.

ношении с отличным поведением большинства. В этом-то и была причина назначения самого низшего ранга.

Но и тут Петрашевский не удержался от озорства. При раздаче дипломов, он «поразил всех присутствовавших при этой церемонии, произнеся речь (вещь, мало употребительная в России), в которой в самом серьезном тоне благодарил начальников заведения за их попечения о воспитанниках и приглашал своих товарищей предать отныне забвению их школьные ссоры. Изумленное столь мудрой речью, исходящей из уст Петрашевского, начальство публично выразило свое сожаление, что до сих пор не сумело оценить по справедливости воодушевлявшие его чувства. Настолько не поняли, что речь эта была фарсом».¹⁰

25 марта 1840 г. Петрашевский был принят на службу в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел переводчиком. В свободное время он посещал лекции на юридическом факультете Петербургского университета. Среди ученых гуманитарного круга особенно был тогда известен профессор политической экономии и статистики Виктор Степанович Порошин (1809—1868). Его лекции отличались глубиной мысли, прекрасным владением предметом, подробным изложением современных экономических учений. Аудитория заполнялась студентами задолго до начала лекции: в какой-то степени Порошин в Петербурге играл такую же роль, как Т. Н. Грановский в истории Московского университета. Порошин почти открыто порицал существование крепостного права и сочувственно говорил об утопических социалистах. Под влиянием Порошина многие будущие петрашевцы впервые познакомились с идеями Фурье, Прудона, Л. Блана. В 1847 г., в знак протеста против грубого замечания попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, Порошин вышел в отставку, уехал за границу, сотрудничал с Герценом.

19 августа 1841 г. Петрашевский, сдав университетские выпускные экзамены, получил диплом, в котором

---

¹⁰ Петрашевцы в воспоминаниях. . . С. 86. — Два десятилетия спустя, в 1857 г., Н. А. Добролюбов по окончании Педагогического института в утрированных выражениях благодарил директора И. И. Давыдова, ненавидевшего и травившего «крамольного» студента, — и многие сокурсники Добролюбова также не поняли насмешки.

признал достойным степени кандидата юридического факультета — «во уважение примерного поведения и отличных успехов».

Впрочем, по записям доносчика, агента П. Д. Антонелли, где излагались биографические рассказы Петрашевского, последнему пришлось трижды представлять кандидатские диссертации (две были сочтены неудовлетворительными), пока наконец его выпустили с дипломом.

В 1840—1843 гг. Петрашевский живет интенсивной умственной деятельностью. Очевидно, именно в эти годы он хорошо изучил труды утопических социалистов: сенсимонистов, Фурье и фурьеристов, великого английского утописта Роберта Оуэна, а также книги немецкого материалиста Людвиг Фейербаха. Так как некоторые произведения западноевропейских радикальных мыслителей до революции 1848 г. не были запрещены в России, а запрещенные книги все равно проникали в страну благодаря ухищрениям книготорговцев, то Петрашевскому удалось составить замечательную библиотеку из трудов утопических социалистов и демократов. В эти же годы он приступает и к самостоятельному творчеству. Петрашевский пишет статью «О значении образования в отношении благосостояния общественного», а также множество заметок и набросков для будущих статей. Некоторые из них были сгруппированы под общими заголовками: «Мои афоризмы. . .», «Запас общепользующего», другие — «О свободе человека», «О значении человека в отношении к человечеству» — остались обособленными и незавершенными отрывками.

В этих трудах поражает широта охвата проблем: автора интересуют общеполитические вопросы бытия, познания, этики, социально-политическая структура, юридические законы, система образования, экономика, география, физика, химия, промышленность, сельское хозяйство, медицина, печать — нет, пожалуй, такой научной и бытовой сферы, которой бы не интересовался в своих заметках Петрашевский.

Характерно, что всюду, о чем бы ни писал молодой мыслитель, заметно стремление не столько анализировать современное состояние данной области, сколько выражать свои идеалы: автор жаждет реформ, преобразований

Уже в начале 40-х годов Петрашевский — убежденный западник (хотя он и не идеализирует реальную жизнь ведущих европейских государств), пропагандист просвещения, образованности, социально-политической свободы человека. Отношение Петрашевского к современной ему России резко отрицательно: «. . . наше смрадное отечество, где нет возможности, не говорю, думать, а, кажется, дышать свободно, по-человечески».¹¹

Петрашевский желает ликвидировать обширные монархические империи, заменив их свободным федералистским союзом народов (каждый народ создает свое государство). Образцом объявлялись Соединенные Штаты Америки. Правление должно быть представительско-республиканским, и вообще все должности должны быть выборными. Интересно, что задолго до реальных деклараций сибирских сепаратистов Петрашевский уповал на Сибирь как на область для создания идеального государства: «Мне думается, что Сибирь заменит настоящую Россию и что в ней-то и возникнет народность русская без примеси, и правление республиканское будет в ней господствующим. 24 августа 1841 г.»¹² Недаром так заинтересовался потом Петрашевский личностью сибиряка Черносвитова.

Промышленности, полностью отданной в частные руки, следует предоставить полную свободу, считал Петрашевский, необходимо ликвидировать таможи и пошлины, в религиозных вопросах нужна «совершенная терпимость», впрочем, христианская религия «должна быть признана господствующей». Огромные войска были бы не нужны, всех священнослужителей следует перевести на жалованье чиновников, а церковное имущество у них отобрать, монастыри и богадельни — преобразовать (как именно, автор не указывает). В другом месте он предлагает обложить церковные и монастырские земли податью. Необходимо ввести суд присяжных и сделать все судебные заседания открытыми, уничтожить цензуру и дать полную свободу печати.

Характерно, что вместе с товарищем по Петербургскому университету, Алексеем Орловым Петрашевский в декабре 1841 г. замышляет план своего журнала —

---

¹¹ Дело петрашевцев. С. 550.

¹² Там же. С. 547.

видимо, для пропаганды намечаемых идей и идеалов: «Наш журнал русский и для русских, а потом для Европы. Показать общие начала всех наук и обратить наибольшее внимание на те науки, которые имеют наибольшее значение в общежитии и влияние на его развитие, как то: история, словесность, политическая экономия и философия и т. п. Главное же возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во всех отношениях, гл^{авной} мыслью, гл^{авной} идеей, гл^{авным} предметом должна быть Русь, и это начало д^{олжно} б^{ыть} развиваемо во всех направлениях».¹³

Может показаться, что главный акцент этого плана, в других записях Петрашевского почти незаметный, — патриотический пафос «народности и самобытности» — вступает в противоречивое столкновение с «европеизмом» автора. Но ведь западники Белинский, Герцен, Грановский глубоко любили Россию, и сама сила их гнева, обращенная на недостатки в родной стране, вытекала именно из патриотизма, из страстного желания видеть свой народ свободным и счастливым. Нечто подобное наблюдалось, очевидно, и в концепциях молодого Петрашевского. Между прочим, позднее, в связи с увлечением идеями фурьеризма, Петрашевский, как и большинство утопических социалистов, стал более космополитичным, по крайней мере в теории.

Обращает еще на себя внимание почти полное отсутствие в ранних записях Петрашевского крестьянского вопроса. Лишь в самой последней строке из цикла заметок «Запас общепольного» записано следующее: «Об образе устройства освобождаемых крестьян. В 1843 г. 10 мая».¹⁴ Заметка чрезвычайно весомая из-за эпитета «освобождаемых» — значит, автор предполагал необходимость отмены крепостничества? Но она никак пока не расшифровывается подробнее. Возможно, речь шла о крестьянах, освобождаемых отдельными помещиками по указу от 2 апреля 1842 г.

Очевидно, замысел издавать журнал так и был похоронен на начальных стадиях, да и ни за что бы в тех условиях Петрашевский не получил разрешения правительства — не добивались разрешения и более «со-

---

¹³ Там же. С. 548.

¹⁴ Там же. С. 558.

лидные» ходатаи. Но Петрашевский был весьма деятельной, живой натурой, чтобы ограничиваться скучной чиновничьей службой или писанием впрок теоретических записок. Уже в те ранние годы его тянуло к пропагандистской, воспитательской работе, и он пытался реализовать свои намерения сразу несколькими путями.

Прежде всего он сделал попытку, устроиться на преподавательскую работу, но избрал весьма неудачное место — «свой» лицей, ставший уже не Царско-сельским, а Александровским (в конце 1843 г. лицей был переведен в Петербург). Хотя там и сменилось начальство (директором с 1840 г. стал генерал-майор Д. Б. Броневский), но, вероятно, многие преподаватели и инспектора помнили Петрашевского как досаждавшего им учащегося, и Петрашевскому было отказано в просимой должности воспитателя лицея и преподавателя юридических наук.

Директор Броневский в докладной записке Дубельту от 18 мая 1849 г. (очевидно, ответ на запрос Дубельта) относит ходатайство Петрашевского о должности к летним каникулам 1844 г., а далее рассказывает следующий эпизод, случившийся «вскоре после того, в первых числах сентября». Трое воспитанников младшего курса лицея — А. Унковский, В. Константинов и А. Бантыш — юноши 14—16 лет были замечены в посещении Петрашевского (во время отпусков в праздничные дни к родственникам), «не испросив на то позволения», а Петрашевский, оказывается, воспитывал в них «скептическое настроение мысли». По словам Броневского, Бантыш был уже перед этим исключен за неуспеваемость, затем исключили Унковского, а Константинов был наказан розгами.

Не переставил ли Броневский события? Интересно, что разрешение о совместительстве, т. е. дозволение «заниматься в свободные от службы часы преподаванием уроков в казенных учебных заведениях» было получено Петрашевским, по данным Семевского, 16 октября 1844 г. Очевидно, оно и было взято для лицея? Ведь обращения Петрашевского в другие заведения неизвестны. Броневскому было важно показать, что руководство лицея сразу же негативно оценило облик Петрашевского и не захотело брать такого воспитателя и учителя, а на самом-то деле, возможно, имя Петра-

шевского как пропагандиста «скептических мыслей» всплыло при разработке другой «вины» трех лицейстов (т. е. началось, очевидно, не с Петрашевского, а с обнаружения сатирического произведения Унковского против неудачного хивинского похода генерала В. А. Перовского),¹⁵ и поданное в такой ситуации прошение Петрашевского уже и не могло иметь другого результата, кроме отказа.

По-видимому, на этом неприятном отказе и закончились попытки Петрашевского устроиться в «казенное учебное заведение». Он полностью переключился в сферу частного воспитательного воздействия. Наверное, еще на лицейской скамье он ощутил свои богатые способности воспитателя-пропагандиста. Об этом красноречиво свидетельствует его дружба с М. Е. Салтыковым.

М. Е. Салтыков поступил в лицей 12-летним мальчиком в 1838 г., а Петрашевский завершил курс обучения в конце 1839-го, т. е. они могли общаться в лицее всего чуть больше года, но, видимо, Петрашевский очень привязался к своему младшему товарищу, если неоднократно потом, уже по выпуске из лицея, приезжал к Салтыкову в Царское Село.

Во время следствия и суда над петрашевцами выяснилось, что Салтыков участвовал в кружке. Но так как он уже раньше был сослан в Вятку, то к нему были отправлены по жандармским каналам вопросы, на которые он давал письменные ответы. Разумеется, в этих ответах Салтыков о многом умолчал, но все-таки его показания в сентябре 1849 г. очень существенны для уяснения его связей с Петрашевским. Вот что написал Салтыков относительно начала знакомства: «Мои отношения к господину Буташевичу-Петрашевскому начались во время пребывания моего в лицее. Хотя Петрашевский был в старшем курсе, а я в младшем, но так как он был не любим своими товарищами, то большую часть времени проводил в низших классах.

---

¹⁵ Унковский вообще говорил, что всех троих лицейстов исключили из учебного заведения за сатирическое либретто оперы «Поход в Хиву» (Записки Алексея Михайловича Унковского // Русская мысль. 1906. № 6. С. 186). — Непонятно, однако, почему за труд Унковского были исключены и его товарищи? Возможно, обе версии — Броневского и Унковского — истинны: исключили и за сатиру, и за посещения Петрашевского.

Началом сближения моего с Петрашевским были литературные занятия, к которым я в то время имел большую склонность». ¹⁶

В самом деле, юный Салтыков увлекался писанием стихов, но, оказывается, и юный Петрашевский был поэтом. Очевидно, Петрашевский вдохновлял своего младшего товарища на литературное творчество. Характерно, что, судя по показаниям Салтыкова, Петрашевский, задумав издание журнала, приглашал участвовать Салтыкова и его лицейского товарища В. Степанова. Но, вероятно, дружба не ограничивалась только литературными занятиями.

Впоследствии Салтыков одним из первых вошел в кружок Петрашевского и был в числе первых организаторов и читателей библиотеки социально-политического характера.

Возможно, уже в начале 40-х годов Петрашевский задумывал организовать кружок единомышленников, в сфере действия которого могли бы оказаться и другие планируемые предприятия: коллективная библиотека, журнал, выработка программ и предложений социально-экономического и юридического характера. Но пока еще у него не было ни соответствующего круга товарищей, ни помещения: Петрашевский жил с родителями, духовно и психологически чуждыми ему.

Но как только у него появилась возможность (после смерти отца и отделения матери) регулярно собирать в свою квартиру ¹⁷ друзей и знакомых и вообще стать

---

¹⁶ *Семевский В. И. М. Е. Салтыков-петрашелец // Русские записки. 1917. № 1. С. 24—25.*

¹⁷ У Петрашевских-родителей было два дома на Покровской (ныне Тургеневской) площади. Если смотреть от центра города на площадь, то они располагались в правом дальнем (северо-западном) углу, на месте современных домов № 109 и 111 по Садовой улице. После смерти отца в 1845 г. Петрашевский добился выделения себе большой отдельной квартиры, но хозяйкой домов оставалась мать. Петрашевский мог распоряжаться, видимо, лишь в своем помещении, на втором этаже, куда он всячески приглашал поселяться знакомых, и многие из участников будущих «пятниц», собраний кружка, стали его квартирантами: Деев, Барановский, Мадерский, Чириков. Отдаленность тогдашней Коломны, как назывался тот район Петербурга, от центра города компенсировалась возможностью пользоваться прекрасной библиотекой Петрашевского, общением с хозяином и его друзьями, а также дешевой: Барановский за комнату с отоплением, прислугой и чаем платил 12 рублей серебром

материально самостоятельным, его энергичная натура начала проявлять себя в самых различных областях. Помимо коллективной, кружковой деятельности (заседания по пятницам, библиотека на паях — об этом речь пойдет в следующей главе), Петрашевский совершал также много более частных мероприятий.

Его постоянно тянуло к своеобразной адвокатуре. Хотя такого института тогда Россия еще не знала, но были широко распространены «ходатаи», т. е. люди юридически грамотные, способные вести судебные тяжбы за лиц, мало в этом смыслящих. Из показаний Барановского мы узнаем об интересном эпизоде: «Петрашевский в 1846 г. вздумал заниматься хождением по делам и пригласил меня помогать ему советами и Егорова, учителя Ларинской гимназии, написанием просьб по делам и прочими занятиями по этому предмету. Каждый из нас внес для этой цели по 2 рубля серебром, употребленных на публикации и на различные другие расходы по этому предмету: по двум делам получили мы незначительные суммы, кажется, до 30 рублей серебром, которые снова употребили на разные расходы».¹⁸ Правда, Барановский, великолепный юрист и будущий губернский прокурор, счел, что Петрашевский не умел вести дела, и летом 1848 г. отошел от него, но не исключено, что неумение было связано с отсутствием у Петрашевского судейской ловкости, гибкости, чиновничества, он героически ратовал за правду и шел напролом.

Журналист А. В. Безродный (псевдоним, настоящая фамилия — Н. В. Шаломытов) поведал на основании документов сенатского архива о следующем эпизоде. 14 октября 1848 г., оказавшись в камере следственного пристава Зануцци, Петрашевский стал случайным свидетелем грубого обращения пристава с офицером Кондратьевым, вмешался в их разговор и потребовал от пристава немедленно изменить свое поведение. Тот

в месяц (ЦГВИА СССР, оп. 84/28, № 55 (дело петрашевцев), ч. 37, л. 8 об.). Но сдачей внаем помещений первого и третьего этажей ведала мать. К ней, например, направил Петрашевский агентов Липранди — Шапошникова и Наумова, желавших снять внизу помещение под табачную лавку, да при этом еще предупредил их, чтобы ни в коем случае не проговорились матери, что знакомы с ним. (ЦГВИА. . . ч. 3, л. 107). Разумеется, тогда Петрашевский понятия не имел, что Шапошников и Наумов — агенты.

¹⁸ ЦГВИА. . . Ч. 37, л. 13—13 об.

назвал свидетеля сумасшедшим. Кондратьев уклонился от жалоб, но Петрашевский тут же написал подробный рапорт петербургскому обер-полицмейстеру, а когда узнал, что Зануцци не наказан, то написал прошение в Сенат. Сенат затребовал от управы благочиния, где служил Зануцци, материалы дела. В сенат было направлено объяснение пристава, представившего Петрашевского ненормальным, дерзко вмешавшимся в чужой разговор. После этого Сенат обратился к петербургскому военному губернатору и к министру внутренних дел (!), которые согласились оставить жалобу Петрашевского без последствий, что в свою очередь было утверждено и на заседании Сената. Но когда в управу благочиния пошла соответствующая бумага, где требовалось взыскать с Петрашевского гербовые пошлины, то наступил уже год 1850-й и истец находился на каоторжных работах в Сибири.¹⁹

О другом подобном случае, явно со слов самого Петрашевского, рассказал в сибирских воспоминаниях Ф. Н. Львов. Петрашевский считал, что чрезмерные строгости во время следствия над петрашевцами, как и судебные кары, объяснялись, помимо всего прочего, и личной ненавистью министра внутренних дел Перовского, вызванной общественной и юридической непреклонностью руководителя кружка. «Перовский же, — писал Ф. Н. Львов, — сделался личным врагом Петрашевского по следующему обстоятельству. В преобразованной Петербургской городской думе Петрашевский предложил себя к выбору в секретари думы и налитографировал программу, из которой видно было, что полиция будет устранена от многих хозяйственных распоряжений по городу, а домохозяева получают определенные гарантии относительно неисправных жильцов и против притязания полиции. Министерство предложило своего кандидата, и неправильными выборами доставило ему место секретаря. Петрашевский завел с министерством по этому случаю процесс в Сенате и уже в крепости получил отказ на свою просьбу».²⁰

Если только Львов с Петрашевским не смешали этот случай с предыдущим, описанным Безродным, то,

---

¹⁹ *Безродный А. В.* К биографии М. В. Буташевича-Петрашевского // *Исторический вестник.* 1901. № 1. С. 225—229.

²⁰ *Литературное наследство.* М., 1956. Т. 63. С. 180.

значит, Сенат одновременно рассматривал две тяжбы непреклонного одиночки с могущественным министерством.

Петрашевский не ограничивался в своей практической деятельности только административно-судебными акциями, ему очень хотелось воплотить в жизнь социалистические идеи Фурье. Одно из таких мероприятий описано в воспоминаниях В. Р. Зотова. Петрашевский решил своих крестьян в деревне Новоладожского уезда Петербургской губернии объединить в фалангу, построил светлый, просторный фаланстер, объяснил крестьянам все преимущества жизни в общем доме, но перед переселением крестьян в это «общезитие» оно дотла сгорело.²¹

Многие современные исследователи (например, В. Р. Лейкина-Свирская) считают очерк Зотова сплош-

---

²¹ Следует учесть, что подобные драмы довольно часто происходили у русских утопических социалистов. Соратник Герцена Н. П. Огарев приобрел в 1848 г. в Симбирской губернии Тальскую писчебумажную фабрику вместе с крепостными рабочими и намеревался на разумных началах организовать их быт, но почти все начинания Огарева рушились из-за непрактичности. В 1855 г. фабрика неожиданно сгорела — не исключен поджог со стороны недовольных рабочих. Более удачны были небольшие «коммуны», организованные в городах. Н. П. Балин рассказывает о своеобразном «фаланстере» петрашевца В. А. Головинского и Н. И. Барановского (Петрашевцы и их время в воспоминаниях Н. П. Балина // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 87—88). Не следует путать этого фурьериста с петрашевцем А. Н. Барановским, чем грешат многие исследователи. Очевидно, подобная коммуна на паях была и в квартире С. Ф. Дурова и А. И. Пальма (см. об этом далее — с. 126). Ф. М. Достоевский в 1846—1847 гг. объединился в единую коммуны с братьями Бекетовыми, о чем он сообщал М. М. Достоевскому 28 ноября 1846 г.: «Они (Бекетовы. — Б. Е.) меня вылечили своим обществом. Наконец я предложил жить вместе. Нашлась квартира большая, и все издержки, по всем частям хозяйства, все не превышает 1200 рублей ассигнациями с человека в год. Так велики благодеяния ассоциации!» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1985. Т. 28, кн. 1. С. 134). Многие петрашевцы не смогли создать «ассоциацию» из-за недостатка средств. По словам Д. А. Кропотова, А. И. Баласогло намеревался снять большую квартиру, где можно было бы объединить три-четыре семьи, но у него совсем не было первоначальной суммы денег. Петрашевский отказал ему в займе 200—300 руб. — у него у самого таких денег не было при скупой матери (ЦГВИА. . . Ч. 47, л. 4 об.). К. И. Тимковский лишь через 3—4 года считал возможной попытку построить фаланстер на 1800 человек с помощью государственной субсидии или акций (см. об этом далее — с. 99—100).

ным вымыслом, между тем в сохранившейся до наших дней Деморовке (так была названа усадьба после ее перехода к сестре Петрашевского, Софье, вышедшей замуж за П. Ф. Демора; ныне Деморовка относится к Волховскому району Ленинградской обл.), местные жители рассказывают историю о пожаре и показывают то место, где стоял фаланстер. Вряд ли они читали воспоминания Зотова. А дом Петрашевских сохранился в перестроенном виде.

Петрашевскому настолько страстно хотелось увидеть практическое воплощение на земле фурьеристских идей, что он в завещании, написанном во время заключения в Петропавловской крепости, отдавал треть своего имущественного наследства для отправки в Париж главе фурьеристов Виктору Консидерану, чтобы на эти средства был построен фаланстер. А еще раньше, в самом начале крепостного заточения, 28 мая 1849 г., Петрашевский предложил царю (среди других проектов) послать Консидерану 200 тыс. рублей ассигнациями взаимобразно для строительства фаланстера под Парижем.

Почти совсем нереализованными остались медицинские познания и интересы Петрашевского. По словам Д. А. Кропотова, он «большой охотник пользоваться камфорой, и тетрадь с рецептами и теорию лечения носит с собою в кармане. Камфора в разных видах стоит у него в кабинете. Большого удовольствия ему оказать нельзя, как попросить совета от болезни и чего-нибудь камфорного».²²

Петрашевскому удалось осуществить лишь небольшую долю задуманного, и прежде всего — создать знаменитый кружок.

---

²² ЦГВИА. . . Ч. 47, л. 4.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРУЖКА ПЕТРАШЕВСКОГО В 1845—1847 гг.

Нет точных данных о времени возникновения постоянных собраний у Петрашевского, получивших затем название «пятниц», т. е. на каком-то этапе приуроченных к этому дню каждой недели. Но ясно, что до 29 мая 1845 г., даты смерти отца Петрашевского, скупого и нелюдимого, ни о каком обилии гостей в отцовском доме не могло быть и речи.

Сам Петрашевский на следствии показывал, что он назначил пятницу для приема в своем доме приятелей в феврале или марте 1846 г., но разыскания В. И. Семевского, использовавшего следственные дела всех судившихся по делу петрашевцев, убедительно свидетельствуют, что собрания у Петрашевского начались в 1845 г., вероятно, осенью. Возможно, что в этих сведениях и нет никаких противоречий: собрания начались в 1845 г., а назначение определенного дня недели могло произойти именно в феврале или марте 1846 г. Однако подготовка к собраниям, «вербовка» членов и предварительные встречи могли начаться значительно раньше. Как уже отмечалось, директор лицея Д. Б. Броневский сообщал Дубельту 18 мая 1849 г. (очевидно, в ответ на запрос после ареста петрашевцев), что в первых числах сентября 1844 г. воспитанники младшего курса лицея А. Унковский, В. Константинов и А. Бантыш, юноши 14—16 лет, посещали Петрашевского, который «прельстил их умы» «суетным обаянием новых идей», «скептическим настроением мысли относительно предметов веры и существующего общественного порядка, якобы несовместного с благоденствием людей».¹ Об этих фактах было сообщено генерал-губернатору А. А. Кавелину, который, видимо, не принял тогда мер.

¹ Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 6.

Вероятно, Броневский опирался на какие-то реальные датированные документы 1844 г.

О 1844 г., как времени первых визитов к Петрашевскому, будет говорить в своих показаниях следственной комиссии В. А. Энгельсон: «В 1844 году осенью был у него несколько раз и с того же времени прекратил мои посещения».² Правда, он мог ошибиться на год, ибо речь, видимо, шла уже о постоянных собраниях. Но возможны ведь посещения и без собраний. Писатель В. В. Толбин сообщил на следствии, что впервые был у Петрашевского на его именинах в 1844 г.³

Постоянные же собрания относительно большой группы участников начались с осени 1845 г. Очевидно, с самого начала они приняли просветительский и социалистический характер: Петрашевский активно пропагандировал там принципы учений утопических социалистов, особенно Фурье. Собрания происходили в квартире Петрашевского. Начинались они довольно поздно — после 9—10 часов вечера и заканчивались глубокой ночью. Хозяин отличался радушием и хлебосольством. По словам Д. А. Кропотова, «чаю и что следует к чаю было всегда довольно; в особенности насчет ужина он (Петрашевский. — *Б. Е.*) был распорядителем: телячьи котлеты с зеленым горошком, поросенок под сметаной, а иногда блюдо дичи, в заключение пирожное и что следует к ужину в приличном количестве».⁴ Лакеев и официантов за ужином не полагалось, еда и питье выставлялись на стол (в центре — кипящий самовар), и гости сами себя обслуживали. Иногда опоздавшим недоставало приборов, и они должны были идти на кухню добывать себе посуду. Такой демократизм создавал непринужденную и дружественную обстановку для беседы, в миниатюре за ужином образовывалась как бы столовая фурьеристского фаланстера.

---

² ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 84/28, № 55 (дело петрашевцев). Ч. 64, л. 8.

³ Там же. Ч. 91, л. 9. — В день именин Петрашевского — 8 ноября — к нему собирался значительно более широкий круг лиц. Он показывал следственной комиссии: «Если и было человек до 60 на моих именинах, то сие произошло оттого, что я в сей день к себе пригласил всех моих знакомых без различия и многих из знакомых моего отца» (Дело петрашевцев. I. С. 153).

⁴ ЦГВИА. . . Ч. 47, л. 4.

Фурьеристские увлечения Петрашевского уже в 1845 г. не были секретом для широких слоев петербургского и московского общества. Начинаящий поэт и драматург Ап. Григорьев в пьесе «Два эгоизма», созданной в октябре 1845 г. и вскоре опубликованной (Репертуар и пантеон, 1845, № 12), иронически вывел петербуржца Петушевского (прозрачный псевдоним!), приехавшего в Москву, посещающего аристократические салоны и пропагандирующего там фурьеризм («Вы „Новый мир“ Фурье изволили читать?» — обращается этот персонаж к славянофилу Баскакову, т. е. к Аксакову). Петушевский громогласно заявляет уже в первом действии, что он — «фурьерист», таковым же его видят и окружающие.

Следовательно, в 1845 г. имя Фурье не было под запретом, не имело в глазах начальства и публики недопустимого крамольного духа, если его можно было открыто называть в довольно популярном подцензурном журнале, да еще обозначать главного петербургского фурьериста почти полной его фамилией: иначе ведь драма Григорьева имела бы явно доносительный характер, но, кажется, никто тогда не воспринял ее в этом роде. Впервые обратил внимание на такое свободное употребление в 1845 г. будущих одиозных имен В. В. Каллаш: «Фурье, фурьерист, „Новый мир“ тогда еще не пугал николаевской цензуры — через три с небольшим года за это присуждали к смертной казни. . .»⁵ Ю. Г. Оксман позднее оспаривал мнение Каллаша, приведя ряд примеров «испуга»: в 1837 г. А. А. Краевский в «Литературных прибавлениях» к газете «Русский инвалид» (27 ноября) поместил с восторженными эпитетами изложение речи В. Консидерана о покойном учителе, явно намереваясь продолжать и далее знакомство русской публики с трудами французского утописта. Очерк назывался «Карл Фурье, статья первая».⁶ Статья вызвала рассер-

---

⁵ Каллаш В. В. Аполлон Григорьев о Петрашевском // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 201.

⁶ Как менялись люди! Молодой Краевский, близкий к пушкинскому кругу, в середине 30-х годов пропагандировал учение Фурье, а 26 апреля 1849 г., узнав об арестах петрашевцев, на смерть перепуганный, прибежал в III отделение с показаниями и доносами и преуспел: ему, издателю «Отечественных записок», где печатались «крамольные» петрашевцы Салтыков, Достоев-

женное письмо министра народного просвещения гр. С. С. Уварова к попечителю учебного округа, председателю петербургского цензурного комитета кн. М. А. Дондукову-Корсакову, после чего продолжения не появилось. Кроме того, Ю. Г. Оксман опубликовал материалы комитета иностранной цензуры о запрещениях фюрьеристского издания «Almanach phalanstérien» в 40-х годах.⁷ Все эти факты, конечно, вносят существенные коррективы к суждениям Каллаша, но не следует преувеличивать их значение и делать из них исторические выводы о полном запрете. Ведь в 1837 г. Уваров взъярился не вообще по поводу Фурье, а конкретно: «...оскорбительно уподобление этого писателя Моисею». Комитет иностранной цензуры, запретив фюрьеристский альманах на 1845 и 1847 г., разрешил то же издание на 1846 г., предложив лишь изъять рисунок, где Христос простирал руки Сократу и Фурье. Так что безусловного запрещения трудов Фурье и фюрьеристов не было. Это подчеркивали на следствии петрашевцы, доказывая «законность» научного штудирования соответствующих материалов.

На основе изучения следственных дел В. И. Семейский установил имена самых ранних посетителей дома Петрашевского. Это — М. Е. Салтыков, В. Н. Майков, Р. Р. Штрандман, А. Н. Плещеев, В. А. Милютин, А. В. Ханьков, А. П. Баласогло, А. Н. Барановский, Е. С. Есаков, В. И. Кайданов, А. М. Михайлов, Н. Я. Данилевский, Н. А. Серебряков, П. Н. Латкин, Л. Н. Ховрин. Собrania, видимо, были немногочисленные: Барановский называл «несколько» посетителей, Салтыков — «человек до шести, а иногда и семи», Есаков — не более 15 человек.

Темы, обсуждавшиеся в этих собраниях, носили в основном общественно-литературный или научный

ский, Вал. Майков и др., не только «ничего не было», но еще и милостиво разрешили опубликовать в майской книжке журнала окончания произведений (повесть и роман) Достоевского и Пальма, правда, без имени авторов (но в ранних-то номерах имена были обозначены).

⁷ Оксман Ю. Г. Меры николаевской цензуры против фюрьеризма и коммунизма // Голос минувшего, 1917, № 5/6, С. 69—72.

характер. Петрашевский, как уже сказано с самого начала, пропагандировал систему Фурье.

В сезон 1846/47 г. появились новые посетители: Ф. М. Достоевский, Ф. Г. Толль, А. Н. Майков, К. К. Ольдекоп, М. Н. Чириков, П. А. Деев. Как показывал на следствии А. Н. Барановский, вечера Петрашевского в этом сезоне стали гораздо разнообразнее: «. . . то Баласогло вооружался против семейственности и всех ее условий, то Петрашевский говорил и выставлял преимущества публичного производства суда; Ольдекоп трактовал о магнетизме, защищал против Петрашевского мистицизм», рассказывались анекдоты о невежественных профессорах, причем «отличались преимущественно Петрашевский и Плещеев».⁸

Как видно, среди посетителей Петрашевского сразу же появились весьма значительные личности, многие из них станут впоследствии славой и гордостью русской литературы и науки. М. Е. Салтыков — будущий знаменитый Щедрин, в середине же 40-х годов — молодой чиновник, недавно окончивший Александровский лицей (1844), и начинающий писатель. Яркие в политическом отношении повести Салтыкова «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848) послужили причиной отдачи автора под суд и высылки в Вятку в 1848 г. — за год до арестов всей группы петрашевцев. Как В. Ф. Раевский, арестованный в 1822 г., считается первым по времени декабристом, обнаруженным царским правительством, так и Салтыков может быть назван первым осужденным петрашевцем.

О роли в кружке Ф. М. Достоевского, уже тогда автора знаменитых повестей «Бедные люди» и «Двойник», еще пойдет речь ниже. Следует подчеркнуть большую долю литераторов и журналистов среди петрашевцев. А. Н. Плещеев (1825—1893) был известным поэтом, автором своеобразного гимна радикальной молодежи 40-х годов — «Вперед! Без страха и сомненья. . .». Одним из самых близких друзей Петрашевского был Александр Пантелеймонович Баласогло (1813—1880) — поэт, прозаик, очеркист, книгоиздатель.

Еще в начальный период существования кружка Баласогло зачитал своей проект об учреждении книж-

⁸ ЦГВИА. . . Ч. 37, л. 8 об.—9.

ного склада, платной библиотеки и типографии, но проект не встретил сочувствия у слушающих: то ли потому, что близкие, зная непрактичный характер докладчика и провал многих его предыдущих издательских проектов, не доверяли ему, то ли из-за существования у Петрашевского реальной хорошей библиотеки. К тому же Петрашевский еще в 1845 г. предложил организовать коллективную библиотеку, главным образом по выписке иностранных книг. Была устроена складчина (от 15 до 30 рублей серебром), и Петрашевский через знакомых книгопродавцев стал выписывать массу зарубежной печатной продукции. Книги из этой библиотеки брали Салтыков, Майков, Милютин, Достоевский, Штрандман, Плещеев, позднее — Спешнев, Ахшарумов, Ястржембский и многие др.⁹

В 1846 г. кружок посещал еще один поэт и очеркист — Аполлон Григорьев (1822—1864), автор нескольких бесцензурных стихотворений радикального характера. Он скептически отнесся к учению Фурье, но горячо проповедовал идеи христианского социализма Жорж Санд и Пьера Леру, возникшего благодаря своеобразной эволюции сенсимонизма.

С именами литераторов В. Н. Майкова и Р. Р. Штрандмана связано интересное книгоиздательское мероприятие, тоже первый опыт печатной пропаганды «крамольных» идей, тем более ценное, что это — единственное крупное издание петрашевцев, увидевшее свет. Речь идет об энциклопедическом справочнике «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка».¹⁰ Словарь был задуман второстепенным литератором и книгоиздателем Н. С. Кириловым, артиллерийским штабс-капитаном, воспитателем 2-го кадетского корпуса в Петербурге, но научно-образовательный уровень инициатора не был, видимо, достаточно высок и, реальным руководителем издания, научным редактором и автором основных статей пер-

---

⁹ Обзор коллективных и личных книжных собраний кружковцев см. в ст.: *Абрамов К. И.* Пропагандистские библиотеки петрашевцев // Ученые записки Моск. гос. библиотечного ин-та. 1959. Вып. 4. С. 173—185.

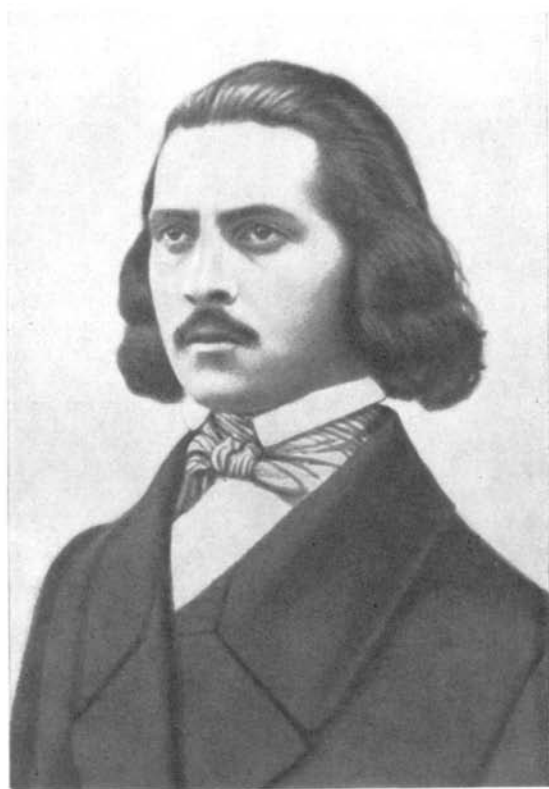
¹⁰ Существует обстоятельная статья об этом издании: *Малеин А. И., Берков П. Н.* Материалы для истории «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кирилова // Труды Ин-та книги, документа, письма. Л., 1934. Т. 3. С. 43—66.

М. В. Буташевич-Петрашевский. Акварель 1840-х гг.

Н. А. Момбелли. Фотография 1850-х гг.

Н. А. Спешнев. Дагерротип 1840-х гг.

Р. А. Черноsvитов. Фотография 1850-х гг.

вого тома (выпуска) словаря стал Валериан Николаевич Майков (1823—1847).

Сын известного петербургского художника Н. А. Майкова, брат поэта Аполлона Майкова, Валериан Николаевич был одним из самых талантливых представителей русской гуманитарной молодежи 40-х годов. В 19 лет он уже окончил со степенью кандидата юридический факультет Петербургского университета, где усердно занимался политэкономией и социологией, результатом чего явилась первая научная работа Майкова «Об отношении производительности к распределению богатства». В ней идеалом выдвинута «дольщина», т. е. справедливое распределение прибыли между хозяевами и работниками, а главным побудителем человека к активной деятельности объявлена нужда, поэтому обещания утопистов избавить человечество от нужды с помощью «всеобщей братской любви» кажутся Майкову нереальными и даже вредными.

Подготовка первого выпуска словаря к изданию, начавшаяся во второй половине 1844 г., совпала с увлечением Майкова позитивизмом (к которому у него впрочем росло и критическое отношение); это заметно отразилось на содержании тома, особенно на статье «Анализ и синтез» (об отношении петрашевцев к позитивизму пойдет речь далее — с. 212—214).

Статьи В. Н. Майкова содержали весьма радикальные социально-политические и философские суждения. Например, в статье «Авторитет» звучит призыв к бесстрашному критическому познанию мира, к отбрасыванию априорных, заранее втолкованных понятий: «Нам трудно уверить себя, что можно уважать человека и не соглашаться с его идеями; мы забываем, что убеждения человека и целого общества необходимо изменяются в течение жизни . . . нет никакой нужды принимать без всякого обсуждения, без всякой критики, того, что необходимо изменится само собою».¹¹

Самые радикальные статьи первого выпуска — «Анархия» и «Деспотизм», их стоит привести целиком:

А н а р х и я. Так называется отсутствие законного правления в государстве или уничтожение в нем

---

¹¹ Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. СПб., 1845. [Т. 1]. С. 3.

той власти или властей, которые блюдут за охранением прав каждого лица и за исполнением законов, их охраняющих. Из этого видно, что анархия иногда господствует и в таком государстве, где, *по-видимому*, существуют и стройность, и порядок в управлении, но в *сущности* нет ни прочных постановлений, ни строгого выполнения их». ¹²

Деспотизм. Правление, в коем безмерная власть государя переходит вся к тем, кого он ею облакает, а эти правители, не имея никаких правил, действуют согласно собственным прихотям, содержат народ в постоянном страхе казнями. В этом правлении нет суда и расправы. Повелителю вздумалось, повеление дано и — дело кончено!».

В статье «Ирония» фактически отождествляются термины «монарх» и «деспот»: в качестве примера иронии приводится сочинение Маккиавели «О монархе», доказывающее, что «монарх не должен стесняться ничем для усиления своей власти, между тем как принимая в соображение другие сочинения того же писателя, можно догадаться, что похвалы его деспотам суть не что иное, как сильная сатира».

После Семевского, заявившего, что по сравнению со вторым выпуском, созданным под руководством Петрашевского, первый выпуск, редактировавшийся Майковым, «гораздо бледнее и слабее», ¹³ как-то стало принято подчеркивать относительную «аполитичность», «литературность» первого выпуска. Как видно, это не совсем так: и в первом выпуске помещены поразительно радикальные статьи. Можно лишь удивляться, как такая книга могла быть пропущена в печать — современники впрочем во истину изумлялись сами. Делу помогла непроходимая глупость цензора А. Л. Крылова. Он хотя и достиг умеренностью и аккуратностью должности цензора, но умом никогда не отличался и сам потом признавался, что ничего не понимал в цензурируемых статьях словаря. Конечно, он

---

¹² Там же. С. 11. Не эту ли статью словаря вспомнил Белинский, когда в знаменитом письме к Гоголю от 15 июля 1847 г. одной из насущных проблем, стоящих перед Россией, назвал «введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть».

¹³ Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922. Ч. 1. С. 77.

очень боялся, «как бы чего не вышло», и даже докладывал петербургскому Цензурному комитету 20 февраля 1845 г. о статье «Ирония», но после разрешения комитета (читали ли члены комитета эту и подобные ей статьи?!), видимо, успокоился и разрешил издание первого выпуска 5 апреля 1845 г. В ближайшие дни словарь уже был в книжных магазинах, так как в майском номере «Отечественных записок» появилась хвалебная рецензия Белинского.

Критическая часть мировоззрения Майкова достаточно прозрачна. Помимо решительного неприятия деспотизма, он — противник социального неравенства (в статье «Касты»: «... существование каст есть признак высшей степени неразвития общества»), противник аристократии по рождению и по богатству (статья «Аристократия»).

Сложнее обстоит дело с пониманием позитивной программы Майкова. Несомненно, — он защитник равенства возможностей человека в обществе, а также защитник «аристократии способностей или ума»: «Она основана на том, что во главе народа должны стоять люди, отличающиеся от других не породой и не богатством, а личными достоинствами, образованностью, познаниями и опытностью в науке управления . . . В этом отношении мы, русские, можем гордиться перед англичанами, народом, который почитает себя достигшим совершенства в своей государственной организации. По смыслу наших законов, кровь и богатство ничего не значат на службе в сравнении с познаниями и способностями».

Не следует в этой тираде усматривать одну иронию. Конечно, Майков прекрасно понимает, что реальная Россия далека от идеала, но по крайней мере в законах империи существуют генеалогические или имущественные ограничения. А недостатки тогдашнего буржуазно-парламентского устройства, лишаящего бедняка равных прав с богачом, были видны Майкову, и он прямо сказал об этом и в статье «Конституция»: «Защитники конституции забывают, что человеческий характер заключается не в *собственности*, а в *личности*, и что признав политическую власть богатых над бедными, они защищают самую страшную деспотию! Двести тысяч богатых, управляющих 33-мя миллионами бедных и нищих — то же самое, что каста афинских или

римских граждан, которые утопали в неге и роскоши, попирая личности миллионов людей, официально называвшихся *вещами*».

Конечно, и цифры (очень близкие к русским цифрам, к количеству помещиков и крепостных), и упоминания античных рабов — все это весьма прозрачные аллюзии на русскую действительность, но и английское социально-политическое устройство Майков реально не жаловал.

Очевидно, политическим идеалом Майкова была демократия, как можно судить по соответствующей статье: «Д е м о к р а т и я. Такая система управления государством, где каждый гражданин участвует в рассмотрении и решении дел всей нации. Формы такого правления могут быть различны, смотря по степени развития нравственных сил в народе и сознания истинной, разумной свободы. Чистую демократию представляют нам в древности Афины, в известном периоде, а в настоящее время Северо-Американские штаты, некоторые швейцарские кантоны и республики в Южной Америке, образовавшиеся из прежних испанских колоний».

Демократические принципы проповедуются в словаре на самых разных уровнях, например применительно к государственным учреждениям: «Бюрократия противуполагается *коллегиальному устройству*, которого сущность заключается в том, что каждый чиновник присутственного места имеет власть совещательную наравне с другими» (статья «Бюрократия»).

Но Майков — явный противник «крайностей» демократизма. Недаром в словарь вводится статья «Демагог»: «Это слово наиболее употребляют, говоря о злоупотребляющих свое влияние на народ и воспаляющих ярость черни из частных видов. Таковы были софисты в Афинах . . . партия Марата и т. п. во Франции, в дни революции; в настоящее время так называют в Германии (в Пруссии и Австрии) всех отверженцев революции».

Наименее определены социальные идеалы Майкова. В статье «Коммюны, или коммунии», где это корень переводится как «община», как будто бы звучит апология свободного общинного хозяйства; коммюны «образовались из вассалов баронов, ибо вассалы мало-помалу освободились из-под власти феодальных поме-

щиков и составили класс независимый. Коммюны в некоторых государствах, чрезвычайно обогатились промышленностью и сделались весьма сильны». Но в статье «Корпорация» (это слово также переводится русским «община») Майков показывает и обратную сторону корпоративных правил: «. . . все обстоятельства, уменьшающие доход ремесленника, были тщательно удалены, но зато все это слишком оковывало свободу промысла. Мало-помалу корпорации исчезли и место их заступил свободный ход промышленности, который, в свою очередь, сделался источником неисчислимых зол, как это заметил прежде всего Сисмонди».

Романтический, «преднароднический» политэконом Сисмонди оказал большое влияние на метод Майкова, и последний, видимо, вслед учителю, враждебно относился к капиталистическому пути развития общества, но усматривал недостатки и патриархально-общинного хозяйства. Пафос индивидуальности, личного начала, столь характерный для Майкова, ограничивал его тягу к коллективным формам жизни.

С другой стороны, для Майкова 1845 г. характерно решительное неприятие утопических учений: идеал должен быть «согласен с требованиями действительности» (статья «Идеал»); «. . . мечта о золотом веке разрушена — мы знаем уже, что первобытное состояние человека есть состояние грубости и жестокости» (статья «Идиллия»).

Валериан Майков был редактором и автором большинства статей первого выпуска словаря. По разысканиям Семевского, кроме него принял участие в работе над словарем Роман Романович Штрандман (около 1823—1868?), бывший студент Петербургского университета (не окончил), а в середине 40-х годов — писмоводитель Вольного экономического общества и второстепенный журналист, сотрудник «Современника» (1847) и «Отечественных записок» (1847—1848). Штрандману принадлежат, по-видимому, незначительные статьи первого и второго выпуска словаря.

Майков по выходе в свет в апреле 1845 г. первого выпуска уже не мог трудиться над словарем, так как еще в конце 1844 г. был приглашен издателем-редактором Ф. К. Дершау к активному сотрудничеству во вновь открываемом журнале «Финский вестник» (с начала 1845 г. Майков фактически возглавил этот

журнал). Наверное, некоторые статьи для второго выпуска были заготовлены Майковым еще в 1844 г.: ведь первоначально издатель Кирилов предполагал напечатать словарь в одном томе, и лишь последующее непредвиденное расширение книги заставило его разбить том, сперва на два, а затем и на три выпуска (из которых последний — третий — не сохранился. Может быть, он и не был создан?). Первый выпуск закончился на слове «Мариэттова трубка», но, по разысканиям П. Н. Беркова, некоторые особенности статей Майкова (ссылки на специальные труды исторического или технического содержания в противоположность ссылкам второго выпуска на труды социалистов-утопистов; формула при ссылках: «Любопытные могут прочитать об этом предмете. . .») обнаруживаются и в статьях второго выпуска «Мимы» и «Обелиск».¹⁴ Так что вполне возможно, что Майков и другие, второстепенные сотрудники, создатели первого выпуска, подготовили некоторые статьи и второго выпуска словаря.

Однако главным редактором второго выпуска и автором большинства его статей явился сам Петрашевский. Каким образом произошла смена редакторов, до сих пор не очень ясно, хотя относительно «Карманного словаря. . .» имеется немало воспоминаний современников и следственных показаний петрашевцев.

Подробнее других рассказал об участии Петрашевского в издании словаря В. А. Энгельсон в упоминавшейся уже статье «Петрашевский». «Узнав, что некий Кирилов намерен издавать, с чисто коммерческими целями, „Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка“, Петрашевский пришел к нему и предложил себя в сотрудники, прося, и то только для того, чтобы не возбудить подозрения, весьма умеренного вознаграждения. Предприниматель, обрадовавшись столь выгодному предложению, предоставил Петрашевскому объяснение выбранных им слов. Петрашевский с жадностью схватился за случай распространить свои идеи при помощи книги, на вид совершенно незначительной; он расширил весь ее план, прибавив к обычным существительным имена соб-

---

¹⁴ Малеев А. И., Берков П. Н. Указ. соч. С. 60—61.

ственные,¹⁵ ввел своей властью в русский язык такие иностранные слова, которых до тех пор никто не употреблял,¹⁶ — все это для того, чтобы под разными заголовками изложить основания социалистических учений, перечислить главные статьи конституции, предложенной первым французским учредительным собранием,¹⁷ сделать ядовитую критику современного состояния России и указать заглавия некоторых сочинений таких писателей, как Сен-Симон, Фурье, Гольбах, Кабэ, Луи Блан и др. Основная идея Фейербаха относительно религии выражена без всяких околечностей в статье *о натурализме*. Петрашевский дошел до того, что цитировал по поводу слова *ода* стихи Беранже.¹⁸

Здесь, однако, ничего не говорится о замене Петрашевским Майкова, не говорит об этом и никто из петрашевцев: возможно, причина заключается в том, что замена произошла в конце 1844 или начале 1845 г., когда еще не было собраний в доме Петрашевского, т. е. когда еще и не было петрашевцев, не было свидетелей события. Известно только, что Майков по своему мировоззрению, характеру, психологическому облику был достаточно далек от Петрашевского: последний более радикален в социально-политическом отношении, а его житейские крайности поведения могли лишь отталкивать корректного, благовоспитанного Майкова. Нельзя во всем доверяться подследственным показаниям петрашевцев, но, думается, что свидетельство Ф. М. Достоевского о Вал. Майкове относительно близко к истине: «У Петрашевского я его не видал ни разу. (Примечание: Кроме одного раза, в именины Петрашевского, в *званный* вечер). Он знал Петрашевского, но не любил ни его, ни его собраний и старался с ним

---

¹⁵ Энгельсон имеет в виду статьи типа «Овенизм», где подробно излагаются основные идеи и деяния английского социалиста-утописта Роберта Оуэна.

¹⁶ Очевидно, подразумеваются статьи, в которых Петрашевский излагает основы социально-утопического мировоззрения и вводит новые понятия: «Натуральное право», «Натуральная философия», «Неология», «Неохристианизм», «Нормальное состояние», «Овенизм», «Органическая эпоха», «Организация производства или произведения».

¹⁷ В статье «Национальное собрание».

¹⁸ Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сб. материалов. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 88.

видеться как можно реже. Я два раза был свидетелем, как он не сказался дома, когда Петрашевский приезжал к нему с визитом. Он называл его сумасбродным человеком, и я помню, как он говорил, что он не будет у Петрашевского никогда по пятницам и что это общество ему нисколько не нравится».¹⁹

С этими показаниями вполне согласуются и другие свидетельства, в частности совершенно честное, никакого уже отношения к следствию и опасностям не имеющее, а потому и особенно ценное письмо брата Вал. Майкова, поэта Аполлона Николаевича к к П. А. Висковатову (1885): «Кирилов не псевдоним Петрашевского, а артиллерии штабс-капитан, которого я очень хорошо знал, ибо у него в I томе работал мой брат Валерьян, который и отказался от II тома, куда влез Петрашевский с совсем неподобающими статьями . . . С Петрашевским я познакомился в университете и потом изредка ходил к нему, во-1-х, потому, что были все юноши знакомые, а потом — еще и потому, что было забавно. По смерти же брата . . . я был у Петрашевского всего раз, в декабре 1847 г. Брат еще раньше тоже отвлекался от кружка Петрашевского, приняв критику в „Отеч[ественных] зап[исках]“, и около него составиля его кружок: Владимир Милютин, Стасов, еще человека три-четыре».²⁰

Так что «несовместимость» в одном издании Майкова и Петрашевского вполне подтверждена и вполне объяснима (как позднее будет в аналогичных ситуациях изъясняться Ап. Григорьев, «два медведя не могут жить в одной берлоге»). Остается туманным сам процесс перехода издания к Петрашевскому. Думается, что Майков мог добровольно заявить Кирилову об уходе в «Финский вестник» и тем самым освободить вакантное место редактора словаря. Но не исключено, что энергичный и красноречивый Петрашевский, войдя в круг редакции, начал еще при Майкове играть в глазах Кирилова более весомую роль и оттеснить Майкова на периферию. Во всяком случае, совсем не исключено,

---

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1978. Т. 18. С. 168.

²⁰ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 264—265.

что уход Майкова совершился еще в конце 1844 г., и поэтому до апреля 1845-го, до выхода из типографии первого выпуска, Петрашевский уже мог вмешаться в текст словаря. Может быть, радикальные статьи типа «Анархия» и «Деспотизм» принадлежат уже Петрашевскому, а не Майкову? Или, по крайней мере, исправлены Петрашевским? На такое предположение наталкивает нас, например, стиль и лексика заключительной фразы статьи «Деспотизм»: «Повелителю вздумалось, повеление дано и — дело кончено!» Такое энергичное и довольно просторечное, совсем несловарно-энциклопедическое оформление статьи не характерно для спокойно-корректного стиля Майкова²¹ и, наоборот, весьма показательно для Петрашевского (ср. во втором выпуске словаря статьи «Национальность»: «Мы должны благодарить Петра . . ., что в нашей администрации уже нет места (как это было до Петра) господству привычки, рутины и бессознательно принятых предрассудков, и что наука, знание и достоинство ею руководят!!»; «Неология»: «Так, император Наполеон не понял Фультона!?!»; «. . .сомлевание от восторга при разборе заунывной бессмысленности какого-нибудь напева, вроде ай-люли!!»; «Нивеллеры»: «. . .нет примера восстановления утраченных прав без жертв кровавых и гонения!!»; «Новатор»: «Так таинственна воля господня!!! — и крест — орудие позорной казни — стал знамением и заветом спасения, вечного блаженства и жизни!»).

Можно предполагать какую-то долю участия Петрашевского в первом выпуске, но главенствующая его роль во втором выпуске не подлежит сомнению: помимо многочисленных мемуарных свидетельств, сохранилось дело петербургского цензурного комитета, разбиравшего жалобу Петрашевского на цензора А. Л. Крылова о непропуске статьи «Организация

---

²¹ В. Р. Лейкина-Свирская в статье «Революционная практика петрашевцев» предполагает именно правку: «Об участии Петрашевского в первом выпуске можно судить и по тому, что несколько статей политического содержания (Анархия, Аристократия, Конституция, Креатура), отличающихся резкой иронией, носят явные следы его редакторской руки» (Исторические записки, 1954. Т. 47. С. 186). — Однако ирония присутствует только в статье «Аристократия», да и не в этом отличие двух авторов.

промышленности», сохранилось письмо Петрашевского к Кирилову от 10 мая 1846 г., из которого явствует, что основной корпус статей второго выпуска принадлежит ему.

Статьи этого тома в совокупности представляют откровенную, ничем не прикрытую пропаганду утопического социализма, пропаганду фейербахианского атеизма и откровенную критику современного социально-политического устройства России, критику крепостного строя. В этом смысле, конечно же, второй выпуск значительно отличается от первого, майковского.

В статьях «Натуральное состояние», «Овенизм», «Органическая эпоха», «Организация производства или произведения» и др. излагаются идеи утопических социалистов. Золотой век, подчеркивал Петрашевский вслед за Сен-Симоном, не позади, а впереди нас: человечеству присуще бесконечное совершенствование; все-стороннее и гармоническое развитие личности должно стать идеалом нормального общества: не личность нужно приносить в жертву обществу, а самое общество должно быть так организовано, чтобы оно максимально удовлетворяло потребности отдельных лиц. Только тогда будет достигнуто счастье человечества. Если же в современном обществе господствует зло, люди зависят один от другого, не равны по состояниям и по положению, между ними растет вражда, насилие, порок, то необходимо радикально «изменить формы организации» общества, человечество должно добровольно объединиться в коллективы, в ассоциации, создать общую собственность на орудия производства, материалы, на недвижимые ценности, и каждый будет получать свою долю дохода пропорционально «содействию, оказанному им в умножении общественного богатства».

Иными словами, Петрашевский изложил во втором выпуске «Карманного словаря иностранных слов» общие принципы утопического социализма, как бы объединяя учения Сен-Симона, Фурье и Оуэна, выделяя именно общие их начала и затушевывая разногласия и противоречия. Так как Петрашевскому ближе всех других учений была система Фурье, то впоследствии он, главным образом, популяризовал ее: на обычных своих «пятницах», на обеде в честь дня рождения Фурье, устроенном петрашевцами 7 апреля 1849 г., и даже в показаниях, данных следственной комиссией

в конце мая 1849 г. В показаниях Петрашевский подробно изложил учение Фурье, вплоть до подробного описания оптимального фаланстера на 2000 человек (организация быта и труда, экономические проблемы, воспитание детей и т. д.). В словаре же описания более обобщенные, схематические, но Петрашевский снабдил статьи отдельными ссылками на труды Фурье и других утопистов.

Автор второго выпуска словаря пользовался малейшей возможностью привязать изложение своих воззрений к относительно нейтральным словам. Так, в рубрике «Натурализм» описывается атеистическая и антропоцентрическая система Фейербаха, под вывеской «Оппозиция» таится пропаганда самых радикальных действий: «. . . оппозиция, будучи убеждена в истинности своих начал, заметив гибельное влияние на благосостояние общественное тех людей, в руках которых находится правительственная власть, должна всеми силами стараться об отнятии у них оной. . .». Ниже в той же статье прославляется суд присяжных (любимая мечта Петрашевского — увидеть этот институт в России!). Заканчивается «Оппозиция» таким пассажем: «Нашим законодательством (превосходящим своим благодушием, кротостью и простотою европейские законодательства) узаконяется оппозиция даже противу высших присутственных и правительственных мест, например Сената. . .».

Смелость Петрашевского поразительна. Когда он статью «Обскурантизм» заканчивает весьма двусмысленной по ощущаемой ироничности фразой: «Благодаря мудрости нашего правительства, давно изгнавшего иезуитов, у нас гибельность влияния обскурантизма значительно ослаблена сравнительно с прочими государствами Европы, как, например, Австрии», — то тут еще нет прямого «преступления», ибо невозможно доказать, что автор смеется. Впрочем, цензура и так запретила эту статью целиком, одну из самых ярких в словаре, а десять лет спустя царские цензоры будут выбрасывать из статей Добролюбова аналогичные иронические тирады по адресу «мудрого правительства». Но иногда Петрашевский преподносит читателю такой откровенно ироничный материал, что приходится лишь поражаться глупости и невежеству Крылова. Например, статья «Орден рыцарский» ни с того, ни с сего

заканчивается цитатой из гоголевской «Повести о капитане Копейкине»: «Не было примера, чтобы у нас в России человек, приносивший относительно, так сказать, услуги отечеству, был оставлен без признания» (следует прямая ссылка на отдельное издание «Мертвых душ»; на главу и страницу) и далее, после цитаты, Петрашевский так заканчивает фразу: «. . . „и без вознаграждения“, — прибавим мы, преисполненные удивления к благотворным распоряжениям нашего правительства». Бесспорно, Крылов не читал «Мертвых душ» (или по крайней мере, не читал «Повести о капитане Копейкине»), иначе он не мог бы не заметить совершенно издевательского завершения статьи: ведь весь смысл вставной повести Гоголя заключается в показе абсолютного равнодушия царской администрации к нуждам заслуженных ветеранов.

Подобными ироническими выпадами насыщен весь второй выпуск словаря, а часто выпады даются и «открытым» текстом, без всякой иронии. Например, весьма нейтральная как будто статья «Некролог» заканчивается следующим неожиданным пассажем: «Так, напр[имер], некролог Малюты Скуратова был бы драгоценным историческим памятником: из него мы бы узнали впечатление, которое произвела смерть *времешника* и злодея на его современников».

Нельзя сказать, что А. Л. Крылов ничего не замечал. Он жаловался в цензурный комитет 6 марта 1846 г.: «Статьи, поступавшие для сего выпуска в цензуру, составлялись большею частью так, что неисправности в цензурном отношении надобно было выбрасывать из них кучами. Необходимость перемарок была такова, что редакция добровольно отказалась от предоставленного ей права присылать статьи в корректуре и начала доставлять их ко мне в рукописях. Главное затруднение проистекало из общего направления статей против существующего порядка в общественной жизни. Редакция видит во всем ненормальное, как она твердит беспрестанно, положение, и напрягается всеми силами развивать способы к приведению общества в другое положение, нормальное. Для редакции кажется, что в христианском обществе должно быть равенство, потому что религия христианская есть религия братской любви. Я неоднократно старался предостеречь редакцию и отклонить от принятого ею дурного направле-

ния, объяснения мои с лицами, присылавшими статьи, оканчивались, однако же, настойчивостью либо в том, что редакция не знает, что может быть пропущено цензурою, либо, что я ошибался в моем взгляде». ²² Ясно, что Крылов далеко не все понял, но, как видно, кое-что крамольное все-таки уразумел. Он стал запрещать статьи Петрашевского, так, например, мотивируя свой отказ: «Статья „Организация промышленности“, заключающая целый трактат не о слове организация, но о том, как в обществе нормальном следовало бы, на иных против существующего порядка началах, устроить промышленность, может ли быть уместна для такого издания, которое предпринято под названием „Карманный словарь иностранных слов“? Допустив одну такую статью, цензура неизбежно вовлекается в пропуск неопределенного количества подобных же трактатов, которые сделают издание не словарем иностранных слов, а какою-то преобразовательною энциклопедиею. Потому что слово Организация, таким же способом, каким оно приложено к Промышленности, может быть прилагаемо едва ли не ко всякому предмету и понятию в общежитии. Я и получил вслед за тем еще две подобные же статьи, под названием „Организация войска“ и „Организация труда“. . . На чем остановится этот ряд организаций — угадать трудно». ²³

Крылов запретил весь этот ряд «Организаций», как запретил и слишком опасные другие статьи, например «Обскурантизм» и «Обскурант» (к счастью, они сохранились в архивных копиях). Но энергичный Петрашевский так, видимо, «наседа» на комитет и цензора, так увиливал, убеждал, исправлял, переделывал статьи, что в конце концов брал цензора измором. Например, вместо перечисленного ряда «Организаций» он все же вставил в словарь большую статью «Организация производства или произведения». Не исключено, что некоторые вставки Петрашевский, возможно, рисковал вставлять уже после цензорской подписи. Председатель петербургского цензурного комитета гр. М. Н. Мусин-Пушкин при обсуждении уже отпечатанного выпуска словаря заметил: «. . .рукопись»

²² Малеев А. И., Берков П. Н. Указ. соч. С. 53.

²³ Там же. С. 53—54.

с которой некоторые статьи книги были печатаны, так перемарана поправками, что трудно определить, были ли многие сомнительные места в виду у цензора во время самого рассматривания ее, или они после были прибавлены издателем в виде поправок».²⁴

О хитростях Петрашевского, о его проделках с цензорами ходили легенды (возможно, что некоторые из них, для отвода глаз, распространял в кругу близких и сам виновник). Например, П. П. Семенов-Тяньшанский свидетельствует в своих воспоминаниях, что Петрашевский передавал переделанные статьи от одного цензора к другому, пока не получал разрешения, что он так ловко расставлял знаки препинания в предлагаемых цензуре статьях, что при последующей их перестановке получался совсем другой смысл. Но разных цензоров не было, оба выпуска проверял один А. Л. Крылов, что же касается знаков препинания, то большие тирады антиправительственного или антифеодального содержания невозможно скрыть с помощью запятых или тире, как их ни расставляй. Значительно удобнее, очевидно, было в густо исправленный и перемаранный черновик, наконец одобренный цензором, вставлять перед отдачей в типографию нужные места (Крылов видел в добровольном отказе редакции словаря от присылки цензору корректуры и в возврате к рукописям чуть ли не свою победу — а со стороны Петрашевского это, наверное, была, сознательная уловка: в рукописи было проще запутать, обмануть цензора).

Важно еще отметить, что Кирилов, наверное не без подсказки Петрашевского, добился у великого князя Михаила Павловича, брата императора, разрешения посвятить ему словарь. Михаил Павлович как шеф военно-учебных заведений был непосредственным начальником Кирилова, поэтому посвящение не выглядело странным, зато оно августейшим именем как бы прикрывало от цензоров крамольную суть словаря. Интересно, что посвящение появилось впервые именно на втором выпуске: на первом этапе ничего подобного не было, возможно, самому Кирилову такое и в голову не приходило.

Но все-таки и посвящение не помогло. Вернее, оно помогло на первом этапе, ибо неизвестно еще, подпи-

---

²⁴ Там же. С. 52.

сал бы Крылов книгу в печать, если бы такого посвящения не было: ведь кто знает, не слукавили ли Петрашевский с Кириловым, не прихвастнули ли они, что великий князь, давая согласие на посвящение, просматривал книгу?

Главное, что книга вышла из типографии и начала распространяться. По сведениям, затребованным цензурным комитетом от Кирилова, явствует, что около 400 экземпляров второго выпуска разошлось немедленно: петербургским книгопродавцам продано 27 экземпляров, в другие города — 148, подписчикам — 170, роздано по издательствам (редакциям) — 17, подарено — 32. Так что разрешение Крылова на печатание книги сделало свое дело: русское общество получило определенное количество экземпляров. Но, видимо, цензурный комитет не чувствовал себя спокойно. Частично в этом был виноват сам Петрашевский: заранее поднимая шум по поводу частных запрещений (выше приводились цитаты из объяснения Крылова — оно возникло в ответ на жалобу Петрашевского в цензурный комитет по поводу строгости Крылова), он обращал на себя и на словарь чрезмерное и преждевременное внимание. Мусин-Пушкин сообщал позднее товарищу министра народного просвещения кн. П. А. Ширинскому-Шихматову, что он впервые узнал о существовании словаря при заслушивании объяснения Крылова на жалобу Петрашевского.

Хорошо, конечно, что все-таки второй выпуск удалось напечатать и даже частично распространить, но очень быстро петербургский цензурный комитет схватился. 30 апреля 1846 г. он затребовал из типографии корректурные листы книги, 13 мая был вызван для объяснения Кирилов, а в это время о словаре уже узнал министр народного просвещения гр. С. С. Уваров (существует легенда, что в первый же день продажи второго выпуска кто-то показал книгу великому князю Михаилу Павловичу; могли ведь показать не только книгу, но и соответствующие яркие места: вот, дескать, каким злодеям вы дали согласие посвятить себе издание! Великий князь вполне мог после этого спросить Уварова, кто это под эгидой цензурного комитета мог разрешить такую книгу к печати?). 14 мая Уваров потребовал от комитета дать объяснение, и тут же на заседании 14 мая петербургский цензурный

комитет принял решение приостановить продажу второго выпуска словаря. Министр 16 мая объявил Крылову строгий выговор и потребовал изъять все экземпляры книги из типографии, у издателя Кирилова, и у книгопродавцев. Собрали около 1600 экземпляров (общий тираж был 2000).

Кирилов умолял не уничтожать отобранное, обещая перепечатку всех сомнительных статей, и — времена были еще относительно тихие, либеральные! — комитет не только согласился, но даже послал соответствующий запрос Уварову, и министр тоже согласился на перепечатку! Выпуск был заново отцензурован, послан на утверждение Уварову, но мест, подлежащих перепечатке, оказалось так много, что министр окончательно приказал конфисковать издание и уничтожить все отобранные экземпляры (любопытно, что реально они были сожжены семь лет спустя, в 1853 г.).²⁵

Интересно отметить: вся эта история совершенно не коснулась первого выпуска, тоже ведь отнюдь не идеального в цензурном отношении, и он совершенно спокойно продавался и распространялся по России. Только в ноябре 1849 г., уже в конце судебного следствия, проводившегося над арестованными петрашевцами, «Комитет 2-го апреля», созданный правительством в 1848 г. специально для борьбы с революционной крамолой в печати, занялся и первым выпуском. Естественно, было обращено внимание и на статьи «Анархия» и «Деспотизм», и на другие статьи, книга была квалифицирована как вредная, «неблагоданмеренная», поэтому предлагалось изъять ее из продажи. Это решение комитет представил Николаю I, который одобрил запрещение, но в своей резолюции предложил «не отобрать, а откупить партикулярным образом, дабы не возбудить любопытства». Правительству было не лень и не жаль организовать за казенный счет такое изъятие! Дело было поручено III отделению, которое за год закупило в разных городах 227 экземпляров первого выпуска. Видимо, остальные уже были распроданы. А розысканиями советского историка-юриста А. Ф. Возного установлено, что в закупке принимало

---

²⁵ Подробно цензурная и послецензурная история запрещения словаря изложена в статье: *Малеин А. И., Берков П. И.* Указ. соч. С. 48—57.

участие и Министерство внутренних дел. Чиновник особых поручений И. П. Липранди, который сыграл весьма мрачную роль в деле петрашевцев, очевидно, взял на себя и обязанность закупки оставшихся у Кирилова 1050 экземпляров первого выпуска словаря. Надеясь на полную свою бесконтрольность, он, выкупая книги по рублю за экземпляр, заплатил Кирилову лишь 400 рублей, хотя отчитался, ясно, за 1050 рублей. Кирилов, зная, как поступили с петрашевцами, молчал; но когда несколько лет спустя он проведал о грозе, сгущавшейся над Липранди (не только увольняют, но и, возможно, отдают под суд за взятки), то немедленно подал жалобу, и III отделение потребовало от Липранди вернуть издателю присвоенные 650 рублей.²⁶

Комитет 2-го апреля потребовал снятия с должности цензора А. Л. Крылова, но новый министр народного просвещения кн. П. А. Ширинский-Шихматов, очень доброжелательно относившийся к Крылову, спас его хвалебной характеристикой и оставил на службе.

«Карманный словарь. . .» сделал свое дело: он все-таки разошелся по стране в достаточно большом количестве экземпляров и служил пропаганде социалистических идей. Петрашевский держал у себя книгу, из конспиративных соображений оторвав титульный лист и последний — с датой цензурного разрешения. Агент Наумов доносил 31 марта 1849 г. о своем визите к главе кружка: «Петрашевский читал мне, Наумову, какую-то маленькую русскую книжечку, в которой много было статей, в числе коих одна „Национальное“ или что-то подобное, и сказал, что книжку эту написал он и что под описанием Французской республики должно понимать Россию. С книжечки этой сорваны начало и конец».²⁷

---

²⁶ Возный А. Ф. Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. С. 74—75.

²⁷ ЦГВИА. . . Ч. 3, л. 113—113 об.

«ПЯТНИЦЫ» ПЕТРАШЕВСКОГО В 1847/48 г.

1847 год в России отличался значительно более интенсивной и более радикальной духовной жизнью по сравнению с предыдущими. С января этого года стал выходить обновленный «Современник», во главе которого стоял идейный вождь 40-х годов В. Г. Белинский. Уже в первые месяцы существования журнала в нем были опубликованы программные статьи Белинского, роман А. И. Герцена «Кто виноват?», политико-экономические статьи В. А. Милютина, первые рассказы И. С. Тургенева из цикла «Записки охотника». В июле 1847 г. Белинский отправил Гоголю свое знаменитое письмо, которое в многочисленных копиях стало известно вскоре всем мыслящим людям России. В письме выдвигались не утопические, а самые насущные жизненные требования, прежде всего — необходимость отмены крепостного права.

Во Франции в это время ширилась социалистическая пропаганда. Особенно большим влиянием пользовались идеи утопических социалистов Сен-Симона, Фурье, Кабе, Луи Блана, Прудона. Однако росла уже критика утопистов слева (наиболее широко она прозвучала в книге К. Маркса «Нищета философии», направленной против Прудона). Маркс и Энгельс в начале 1848 г., перед самой парижской революцией, по поручению Союза коммунистов создали «Манифест коммунистической партии».¹

В связи с экономическим кризисом в Европе росло недовольство масс, приведшее 24 февраля 1848 г. во

---

¹ Петрашевцы были слабо знакомы с молодой марксистской литературой. Впрочем, в библиотеке Петрашевского уже имелась книга Маркса «Нищета философии» (ее брал читать Спешнев) и была выписана книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», но неизвестно, успел ли Петрашевский ее получить до ареста.

Франции к свержению монарха Луи Филиппа и к установлению республики. Вслед за этим по всей Западной Европе прокатились революционные бури.

Царское правительство, напуганное европейскими событиями, усилило репрессии внутри страны. Фактически репрессии и цензурный гнет никогда не прекращались: еще в 1847 г. было разгромлено на Украине Кирилло-Мефодиевское братство, общество, по духу и идеям довольно близкое к кружкам петрашевцев; участники поплатились ссылками, а Т. Г. Шевченко был отдан в солдаты. Да и цензура не дремала: в «Современнике» было изуродовано несколько статей Белинского и Герцена, в антикрепостнической повести Д. В. Григоровича «Деревня» в том же журнале были изъяты малейшие намеки на недовольство крестьян и, уж конечно, не пропущена сцена крестьянского бунта.

Но после февральской (1848) революции в Париже идеологический и административный гнет еще более усилился.² На это были причины и внутреннего, а не только внешнего порядка. По сведениям И. П. Липранди, представленным в 1849 г. следственной комиссии по делу петрашевцев, в России «случаев убийства помещиков своими крестьянами в 1846 году было 12, а в 1848 — 18. Случаев неповиновения крестьян массами в 1846 году было 27, а в 1848 — 45 . . . обнаруженных поджогов в селениях в 1846 г. было 84, а в 1848 — 102».³

В страхе перед растущим недовольством масс были запрещены даже малейшие намеки на возможные преобразования в стране. Фактически прекратила свою деятельность комиссия гр. П. Д. Киселева, занимавшаяся проблемами крепостного крестьянства. Вышедший в ноябре 1847 г. закон, разрешавший крестьянам выкупать себя в случае, когда помещичье имение продавалось с публичного торга (мера, которой могли воспользоваться единицы и десятки людей из многомиллионной массы крепостного крестьянства), был заменен в марте 1848 г. другим, совершенно не упоминающим выкупа из крепостного состояния.

---

² Подробнее см.: *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М., 1949.

³ Петрашевцы / Изд. В. М. Саблина. М., 1907. С. 20.

Для ужесточения цензурного гнета Николай I учредил 27 февраля 1848 г. особый комитет по надзору не только за литературой и журналистикой, но и над самой цензурой (комитет получил название «Меншиковского» — по имени председателя). Одним из практических деяний этого комитета было выделение как особо вредных повестей М. Е. Салтыкова, в результате чего бывший петрашевец отправился в ссылку. Комитет имел временные полномочия, и 2 апреля царь учредил более постоянный комитет такого же рода — «Бутурлинский» — по имени нового председателя Д. П. Бутурлина, который даже среди самых крайних консерваторов выглядел реакционером. Он, например, видел в Евангелии революционную проповедь равенства и братства, а знаменитую триединую формулу гр. Уварова «православие, самодержавие, народность» трактовал как демократическую пропаганду. Бутурлин требовал закрыть русские университеты как рассадник крамолы. Вступившийся за высшее образование гр. Уваров поплатился отставкой с поста министра народного просвещения. Правда, Николай I не решился закрыть университеты, но кафедры философии были упразднены, а число студентов в каждом университете ограничено 300. Как говорится, хорошо еще, что Бутурлин умер в 1849 г.: иначе этот человек мог бы натворить много бед в области русской культуры. Но и так урон был нанесен громадный. Развитие научной гуманитарной мысли было приостановлено, передовые журналы вынуждены были печатать весьма «беззубый» развлекательный материал, писатели и публицисты или замолчали, или перешли на нейтральные, безопасные в цензурном отношении темы. Важно еще подчеркнуть, что отъезд Герцена в 1847 г. за границу и смерть Белинского в 1848 г. очень ослабили прогрессивный лагерь русской интеллигенции, но зато именно в эти годы усиливалась деятельность кружка Петрашевского.

Петрашевцы вначале подошли к идеям западных утопических социалистов менее критически, чем Белинский и Герцен, хотя общественно-политическое своеобразие русской жизни не могло не придать их взглядам — даже на первых этапах — более радикальных оттенков по сравнению с их западными предшественниками.

Между тем Петрашевский, видимо, был убежден в полной формальной законности своих идей и деяний, в том числе и своих «пятниц», иначе он, несомненно, распустил бы их в наступавшей полосе «мрачного семилетия»: его не остановили ни разгром Кирилло-Мефодиевского братства, ни ссылка Салтыкова, ни вообще репрессии после французской революции. Более того, именно в 1848 г. Петрашевский отлитографировал в количестве 200—300 экземпляров брошюру-записку «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений» и намеревался с помощью этого документа возбудить вопрос об улучшении быта крепостных крестьян (вплоть до их освобождения) во время дворянских выборов Санкт-Петербургской губернии (все дворяне съезжались для выборов в столицу на несколько дней). Но губернский предводитель дворянства А. М. Потемкин, ссылаясь на распоряжение Николая I, запретил рассуждения на щекотливую тему, с точки зрения администрации не подлежащую обсуждению частными лицами.⁴ Петрашевский тогда раздал записку съехавшимся на выборы дворянам, раздарил знакомым, разослал, кому только мог, в Киев, Казань, Тамбов, в Ярославскую губернию. Записка содержала перечень весьма скромных мер, которые автор предлагал осуществить в стране. Главный ее смысл — расширение прав купеческого сословия, предоставление купцам возможности приобретать земли (под условием делать крестьян обязанными)⁵ и тем самым уравнивание сословных прав купцов и дворян. Предлагалось также предоставление крестьянам права за определенную сумму выкупаться на волю.⁶

«Купеческий» пафос записки вызвал несогласие и даже протест многих знакомых, получивших записку

---

⁴ Позднее Петрашевский приводил более частную причину запрещения ему выступить перед петербургскими дворянами с изложением проекта: якобы он явился в собрание без мундира (Литературное наследство. Т. 63. С. 180). Но может быть, Потемкин лишь придрался к этому «нарушению», чтобы найти благовидный предлог к запрещению?

⁵ По указу 2 апреля 1842 г. об «обязанных крестьянах» помещики могли заключать договоры со своими крепостными: крестьяне получали от хозяина в личное пользование участки земли с обязательством нести за это определенный круг повинностей.

⁶ Записка Петрашевского опубликована: Петрашевцы, М., 1907. С. 99—100.

Петрашевского. В. И. Кайданов, например, из Ростова (Ярославской губернии) писал об отказе проповедовать идеи записки, так как считал, что предоставление сословию пиявок-кровопийц соответствующих прав лишь ухудшит положение крестьян.

Между тем для Петрашевского любое ослабление привилегированного положения дворянства, расширение прав других сословий было дорогой и перспективной общественно-политической идеей: как социалист он мечтал о полном уравнивании сословных прав в будущем. В этом же заключался и подспудный смысл его записки.

Петрашевский явно ориентировался в ней на «программу-минимум», рассчитывая на современное состояние умов петербургского дворянства (впрочем, он явно преувеличивал свои возможности пропагандиста здравых идей в кругах консервативных помещиков!). В идеале же он мечтал о скорейшей полной отмене крепостного рабства.

В его бумагах, отобранных при аресте, хранилась рукопись проекта об освобождении крестьян, самого радикального из всех известных проектов, составленных до реформы 1861 г. Петрашевский предлагал для крепостных крестьян «прямое, безусловное освобождение их с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика».⁷

Как увидим ниже, на заседаниях кружков петрашевцев постоянно возникал крестьянский вопрос. И в бумагах самого Петрашевского хранилось немало документов этого рода, и не только текстов самого руководителя «пятниц»: у него был, например, отобран проект об освобождении крестьян, вызвавший пристальное внимание следственной комиссии. Петрашевский разъяснил, что автором был некий Ушаков, лицо ему неизвестное, а сам текст получил от Барановского. На одной из «пятниц» Петрашевский зачитывал этот проект. А. Н. Барановский же дал следующее письменное показание: «... помещик Новгородской губернии Николай Аполлонов Ушаков дал мне для прочтения проект, составленный им, об освобождении крестьян. Проект этот представлен был им, как он мне сказывал,

---

⁷ Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 363.

г. министру государственных имуществ (П. Д. Киселеву. — *Б. Е.*) года три назад и возвращен ему».⁸

Большую историческую ценность представляют проекты близкого к петрашевцам А. П. Беклемишева (1824—1877). «Пятницу» он посетил всего один раз, в феврале 1848 г. (ибо служил в Ревеле), он был знаком и состоял в переписке со многими петрашевцами. Бывший лицеист, умный и четкий работник (в 25 лет он был уже надворным советником; впоследствии дошел до губернаторского поста), чиновник Министерства внутренних дел, он приблизительно с 1845 г. занимался проблемами организации сельского хозяйства. В 1846 г. он подавал министру Л. А. Перовскому записку о введении в России гипотечной (залоговой) системы. А в следственной комиссии оказались четыре более поздних проекта Беклемишева. Из них два «дофурьеристских» (наверное, и допетрашевских, т. е. созданных до февраля 1848 г.) — «Об ограничении дробления имений» (предложение закона о неделимости имений менее 400 десятин земли и 100 душ крестьян, но не с помощью майората, а путем денежных компенсаций между наследниками) и, более важный, — «Письмо помещика Н. . .ской губернии об обращении помещичьих крестьян в свободных землевладельцев», где подчеркивалась настоятельная необходимость скорейшего освобождения крепостных, пока не вспыхнуло всеобщее народное восстание, способное истребить всех помещиков, предлагалось предоставление в полную собственность крестьян всей земли, находившейся в их пользовании, за выкуп деньгами, с многолетней рассрочкой, уплачиваемой крестьянами своему помещику.⁹

Вероятно, уже после посещения кружка Петрашевского в феврале 1848 г. Беклемишев заинтересовался фурьеризмом (см. показания Н. Я. Данилевского: «. . . я говорил об этом учении . . . Беклемишеву»)¹⁰ и в октябре 1848 г. написал с общим подзаголовком «Из переписки двух помещиков» две статьи (проекты): «О выгодах сообщения сравнительно с дробленным

---

⁸ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 84/28, № 55 (дело петрашевцев). Ч. 37, л. 31.

⁹ Все четыре проекта опубликованы. См.: Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 340—362, 384—397.

¹⁰ Там же. С. 331.

по разным отраслям труда» (фурьеристское развитие прежней идеи о выгоде укрупненных хозяйств) и «О страстях и о возможности сделать труд привлекательным». Последние две статьи Беклемишев переслал Плещееву, тот отдал Спешневу, а затем рукописи, видимо, ходили по рукам петрашевцев. При арестах их забрали у К. М. Дебу.

Кажется, не было ни одного петрашевца, который не желал бы освобождения крестьян от крепостной зависимости. На этом фоне литографированная записка Петрашевского, приготовленная к дворянским выборам Петербургской губернии 1848 г., выглядела весьма невинным документом, совсем не затрагивающим основ крепостного права. Однако самовольное распространение Петрашевским этой записки вызвало тревогу властей, снова обратило на автора внимание Министерства внутренних дел и III отделения,¹¹ и с марта 1848 г. собственно и началась тайная слежка за собраниями по «пятницам», приведшая через год с небольшим к арестам всех основных участников кружка.

Сам Петрашевский ни о чем подобном не подозревал, в препятствиях к распространению литографированной записки, чинимых предводителем Потемкиным, усматривал его личную глупость, произвол, консерватизм, и намеревался жаловаться. Нисколько не охладили его и сгущавшиеся над страной тучи репрессий в связи с разразившимися европейскими революциями. Петрашевский не только не ликвидировал свои «пятницы», но и решил их упорядочить, сделать более четкими и эффективными. И как будто нарочно все эти действия совершались именно в первой половине 1848 г., в период самых жестких мер, предпринимаемых царским

---

¹¹ Во всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата (высшей военно-судебной инстанции) от 17 декабря 1849 г. при упоминании записки Петрашевского было сделано такое примечание, очевидно, специально для Николая I: «По соглашению генерал-адъютанта графа Орлова и министра внутренних дел положено было принять вид, будто сочинение это правительством не замечено, чтобы не возбудить подозрения и большей осторожности в сочинителе и не затруднить чрез это дальнейших разысканий. . .» (Петрашевцы. . . Т. 3. С. 17). На самом-то деле распоряжение Николая I и о запрещении «рассуждать», переданное Петрашевскому через А. М. Потемкина, не очень согласуется с «не замечено», но истинно то, что с записки началась слежка.

правительством для уничтожения всякой интеллектуальной свободы в стране, не говоря уже о социально-политических аспектах такой свободы.

В зиму 1847/48 г. на «пятницах» Петрашевского стало появляться довольно много народу. Помимо прежних посетителей постоянными участниками вечеров стали Н. А. Спешнев, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, братья Дебу, Ипполит и Константин, П. А. Кузмин, А. Т. Мадерский и др. Из этих лиц Николай Александрович Спешнев (1821—1882), выходец из богатой помещичьей семьи, в 1846 г. вернувшийся из-за границы, сыграл особенно значительную роль в истории кружка.

Большое количество участников способствовало некоторой беспорядочности бесед и диспутов, и Петрашевский предложил составлять предварительную программу «пятниц»: «В мае 1848 года сделал я предложение для прекращения бессвязного разговора, чтоб всякий говорил о том, что лучше знает, но сие тогда не привелось в исполнение — по причине разъезда на дачи. С ноября же 1848 года я старался, чтоб у меня на вечерах по пятницам обыкновенно кто-нибудь о чем-нибудь говорил; но как нередко бывало, что никто ничего не говорил, то я сам говорил о разных предметах, которых поименованье мною сделано. Предложение мое состояло, чтоб рассуждаемо было ученым образом».¹²

Спешнев предложил выбирать на каждом заседании председателя, который бы давал слово выступающим и следил за порядком, пользуясь колокольчиком.

В показаниях следственной комиссии А. В. Ханьков отнес упорядочение заседаний еще к более раннему сроку: «Только с зимы 1847 года можно сказать определеннее о вечерах Петрашевского, потому что разговор вследствие предложения, сделанного Спешневым, чтоб говорящий выбирал себе президента, сделался из случайного, отрывочного, заметным и удобопомытным».¹³ Но возможно, здесь и не было большого противоречия: Ханьков мог иметь в виду сезон 1847/48 г. в целом, а Петрашевский назвал, запамятовав, более позднюю дату, ибо, скорее всего, упорядочение произошло чуть раньше, в феврале—марте.

---

¹² Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 150.

¹³ Там же. 1951. Т. 3. С. 29.

Обратимся к показаниям Спешнева: «В марте месяце 1848 г. в один вечер пришел к нему, Спешневу, Петрашевский, и, не помнит, застал ли тогда у него Данилевского, или оба они пришли вместе, только Петрашевский бранил тогда собирающееся у него общество, называя его мертвечиной и говорил, что они ничего не знают и учиться не хотят, и что споры у него ни к чему не ведут, потому что у них всех основные понятия неясны, а потом, обратясь к Данилевскому, уговаривал его сделать словесно краткое изложение системы Фурье, на что Данилевский согласился, а ему, Спешневу, Петрашевский предложил взяться излагать религиозный вопрос».¹⁴

Видимо, Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885; впоследствии известный консервативный идеолог) был первый, кто выступал относительно «организованно», а может быть, он и сам способствовал новой организации заседаний, как можно судить по его показаниям следственной комиссии: «... стал часто говорить о теории Фурье и по случаю одного спора, возникшего между мною и некоторыми из разговаривавших со мною, который мешал меня, спутывая нить моих мыслей, я предложил, чтобы позволили мне говорить, пока я окончу какой-нибудь отдельный предмет, беспрепятственно, записывая или запоминая возражения, приходящие в голову, и делая их мне, когда я кончу. Таким правильным образом говорил я три или четыре раза».¹⁵

Так как, по словам Данилевского, он посещал Петрашевского с конца января по начало мая 1848 г., именно с февраля—марта и можно датировать упорядочение заседаний на «пятницах»: выделяется докладчик, который делает сообщение, а затем задаются вопросы и происходит обсуждение.

Интересно, что Петрашевским практиковалось на самих «пятницах» и более узкое общение. Говоря о собраниях кружка в сезон 1847/48 г. и перечисляя основных посетителей, А. Н. Барановский добавляет: «Из них Спешнев, Дебу старший, Баласогло обыкновенно бе-

---

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 288.

¹⁵ Там же. С. 321.

седовали отдельно от прочих в кабинете Петрашевского, о чем, не знаю, ибо туда не входил.¹⁶

Известны подобные же уединения Петрашевского со Спешневым, Момбелли, Львовым, Дебу или со Спешневым и Черносвитовым. На таких заседаниях-беседах обсуждались самые откровенные и острые темы и проблемы: революция, тайные общества, печатная пропаганда, освобождение крепостных крестьян и т. п. (об этом еще пойдет речь ниже).

А в общем зале в 1847/48 г., до упорядочения вечеров, шли весьма разнообразные разговоры. Тот же Барановский повествует далее: «Оставшиеся в другой комнате толковали о разных предметах: младший Дебу и Ханыков, в особенности последний, толковали о различных сторонах учения Фурье, излагали некоторые его части, опровергали учение коммунистов,¹⁷ говоря, что основание, на котором зиждется все это учение — абсолютное равенство — нелепо, ибо оно противуречит видимым законам природы; Дуров излагал исторически о союзе родственном и доказывал, что родственные связи опутывают личность человека; Баласогло, иногда вступавший в разговор, поддерживал Дурова».¹⁸

Следует учесть, что подобные живые беседы без индивидуального доклада случались и позднее. Д. А. Кропотков описывал одну из последних «пятниц» в сезон 1847/48 г., в июне 1848 г.: «. . . помню, сидел около меня Ольдекоп и рассказывал мне о животном магнетизме. Я ему сказал, что это вещь любопытная и пусть он всем расскажет, но его рассказ как-то не состоялся, потому что мы с Ольдекопом сидели у стола к середине комнаты, а человек семь столпилось у дивана и покатывалось со смеху, слушая куростроительные похождения Ястржембского, который, с своей физиономией передразнивал жеманную девушку. Перед самым ужином завязался спор с Ястржембским, но о чем, решительно не помню, он приводил в свидетельство Мальтуса и его теорию народонаселения, цитаты из французских и немецких авторов и в заключение привел в тупик латинскими текстами всех споривших

---

¹⁶ ЦГВИА. . . Ч. 37, л. 9.

¹⁷ Речь идет об утопическом коммунизме. Подробнее см. об этом далее — с. 100.

¹⁸ ЦГВИА. . . Ч. 37, д. 9—9 об.

с ним, а их было человек 8 или 10».¹⁹ Очевидно, это было преддверье к будущему циклу лекций Ястржембского по политической экономии. Ястржембский показывал на следствии, что он начал посещать кружок Петрашевского с августа-сентября 1848 г. Но нет никаких сведений, что кружок стал собираться раньше конца октября, поэтому скорее всего Ястржембский ошибся, т. е. в действительности он начал ходить на «пятницы» уже в июне, тем более что с Петрашевским он познакомился еще в самом начале 1848 г.

Что касается индивидуальных сообщений на кружке, то одним из самых активных докладчиков в сезон 1847/48 г. был Баласогло. В конце 1847 или начале 1848 г. на «пятнице» был В. Р. Зотов, прослушавший в чтении Баласогло «статью о популярном преподавании наук». Сам автор доклада показывал на следствии, что он на нескольких «пятницах», в разное время, читал «отрывки из большого и доселе еще не оконченного мною сочинения об изложении наук».

А в июне 1848 г. Кропотков слушал доклад Баласогло о браке (очевидно, в продолжение предшествующих тирад Дурова против семьи и брака как пут для творческого человека). Баласогло разделял браки на три категории, как указывал Кропотков: «1) брак по расчету, 2) по любви и 3) не помню какой».²⁰ Баласогло, женившийся по любви, но очень быстро разочаровавшийся в идеале (жена оказалась очень чуждой его духовным интересам), замученный хронической бедностью, сходился с фурьеристами в их нападках на буржуазный брак, между тем как, ратуя за брак с состоянием, тоже оказывался в рамках буржуазного мышления (Баласогло всегда отличался весьма путанными воззрениями). Но критическая сторона его доклада была, наверное, очень сильной: «... я описывал, сколько умел ярче, все ужасы человека в семействе без верного куска хлеба. Впрочем, я почти всегда оговаривал, что для обыкновенного гражданина это еще, пожалуй, хоть сносно, но для ученого или художника — просто смерть».²¹

Некоторые выступления на «пятницах» являли собой нечто среднее между монологом в беседе и докладом.

¹⁹ Там же. Ч. 47, л. 4 об.—5.

²⁰ Там же. Ч. 47, л. 4 об.

²¹ Дело петрашевцев. Т. 2. С. 120.

Посетивший кружок в феврале 1848 г. А. П. Беклемишев сообщал: «За несколько времени перед ужином разговор сделался почти общим. Данилевский (Николай. — Б. Е.), я думаю, с полчаса говорил о счастье и несчастье; я из всего понял, что он хотел доказать, что как то, так и другое совершенно относительно, и что поэтому можно с одинаковым правом говорить, что человек счастлив или несчастлив. Чтений никаких не производилось».²² Возможно, что такое «слово» было одним из вариантов фурьеристских лекций докладчика.

Центральным событием зимы 1847/48 г. был именно курс лекций Н. Я. Данилевского об учении Фурье. У некоторых слушателей создалось впечатление, что вообще весь год был заполнен этими докладами. Ханьков отмечал: «В продолжение всего зимнего сезона по пятницам Данилевский излагал систему Фурье».²³ Но, учитывая показания самого лектора о посещении Петрашевского всего в течение трех месяцев и о «правильных», упорядоченных трех-четырёх лекциях, следует считать, что вместе с неупорядоченными, просто с беседами, их было не больше десяти. Но и этого немало: цикл Данилевского является самым систематическим и самым длительным за время существования «пятниц», тем более что посвящен он был одному из главных вопросов кружковой деятельности, социалистической теории и практике. По словам Данилевского, было много споров по поводу социально-экономических идей Фурье, проповедовавшихся в его лекциях: «. . . неоднократно возражали мне на учение Фурье об правах капитала, об наследстве. Между прочим, могу припомнить, что Плещеев считал формулу распределения богатств à chacun selon ses besoins²⁴ Луи Блана справедливее формулы Фурье à chacun selon son capital, son travail et son talent».²⁵ Многим казалось несбыточной мысль, чтобы опыт в малом виде мог привести к цели распространения всеобщего благоденствия . . . находил это несообразным Кузмин».²⁶

Вслед за этим, как уже видно было по изложению Спешнева, Петрашевский предложил ему, Спешневу,

---

²² Там же. С. 365.

²³ Там же. Т. 3. С. 29.

²⁴ Каждому по его потребностям (фр.).

²⁵ Каждому по его капиталу, труду и таланту (фр.).

²⁶ Дело петрашевцев. Т. 2. С. 329.

прочитать ряд докладов о религии. Это должен был быть весьма острый цикл, так как Спешнев отличался своими крайне атеистическими взглядами.²⁷ В изложении Ханыкова цикл докладов с последующим обсуждением предполагался весьма обширным: «... Спешнев объявил, что будет говорить о религиозном вопросе с точки зрения коммунистов, что возбудило во мне, в господах Дебу и Петрашевском большое любопытство, ибо, держась противного учения, мы готовили опровержения. Но по неизвестной мне причине, после довольно неопределенного введения в этот вопрос, сделанного им на двух вечерах, он более не говорил о нем».²⁸ Если только Ханыков не лукавил в своих ответах следователям (а такое вполне возможно), то возражения самого Ханыкова и К. Дебу следует понимать не как ортодоксальные, от имени официальных догм, а в духе христианского социализма (отношение Ханыкова к религии, к христианству было довольно запутанным, об этом говорил в своих показаниях А. Д. Толстов).²⁹ Петрашевский же, сам убежденный атеист («Религии по собственному сознанию я не имею никакой», — говорил он Антонелли), если и протестовал, то скорее из осторожности, а не по идейным соображениям: он вообще считал откровенный радикализм Спешнева опасным для существования кружка.

На одну из последних «пятниц» в июле 1848 г. Д. А. Кропотков привел своего знакомого Н. В. Толстого, несколько лет служившего правителем канцелярии рижского губернатора и настроенного по-славянофильски враждебно к немецкому засилью в Остзейских губерниях. Сразу же у него завязался спор с Толлем, утверждавшим «что лучшая в наше время религия есть лютеранская» и что правительство варварски поступает с прибалтийскими немцами и насильственными мерами насаждает православие: «Правительство

---

²⁷ В отрывке доклада о религии, приводимом в судебном заключении по делу Спешнева, автор пишет: «... так как нам осталось одно изустное слово, то я и намерен пользоваться им без всякого стыда и совести, без всякого зазора, для распространения социализма, атеизма, терроризма, всего, всего доброго на свете и вам советую то же». Здесь же судьями резюмируется доклад в целом: в нем «опровергается существование бога» (Петрашевцы... Т. 3. С. 53).

²⁸ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 29.

²⁹ Там же. С. 365—366.

наше не только производило формально пропаганду в Лифляндии, но даже прибегало к отравлению тех помещиков, которые слишком горячо противились распространению православия, чему он, Толль, сам был свидетелем, ибо из 4-х спутников, ехавших с ним из Риги, 3 умерло [от] отравления». ³⁰ — «Все ложь, ложь и ложь, отвечал Толстой. — Да странно для меня, когда я вам говорю, что. . . — Так вы лжете, — перервал Толстой. — Так после этого и вы лгали во всем, что наговорили: всякой может думать по-своему, может быть, ваша голова иначе устроена, как моя, — сказал Толль. Ах, оставьте мою голову в покое, — произнес Толстой». ³¹

По выходе на улицу, спор продолжался до Конногвардейского бульвара, где Толстой вызвал Толля на дуэль. Толль попросил Петрашевского быть секундантом, тот согласился и предложил «ехать стреляться на взморье и в случае кто будет ранен, то тому камень на шею да и в воду». Кропотков несколько раз бывал у Толстого, пытаясь уладить ссору, Толстой отказывался, но когда в решающее назначенное утро Петрашевский явился к нему на квартиру, чтобы договориться об условиях дуэли, его не оказалось дома. Больше Петрашевский и Кропотков не беспокоили Толстого, дуэль не состоялась. Впоследствии Толстой, встречая Толля, «всегда старался отвертываться и показывал вид, как будто его не замечает». ³²

Конечно, вряд ли в действительности русское правительство занималось отравлением неугодных остзейских помещиков, но показательно, что не только Толль, но и другие петрашевцы верили в такие слухи: настолько была у них сильна ненависть к самодержавию и слаба вера в нравственные устои правителей! Я. В. Ханьков в цитированном выше письме заключает рассказ о вечере: «Но замечательнее всего при этом, что почти все слушатели и свидетели спора, по происхождению большею частью русские, однако же верили Толлю и симпатизировали с ним».

---

³⁰ Письмо Я. В. Ханькова к Ю. Ф. Самарину от 15 августа 1848 г. (на него мне любезно указал С. Г. Гаврилов) // Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 265, картон 206, № 3, л. 10.

³¹ ЦГВИА. . . Ч. 47, л. 6 (показания Д. А. Кропотова),

³² Дело петрашевцев. Т. 3, С. 429—430.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД КРУЖКА: 1848/49-Й

В последнем сезоне существования кружка (1848/49 г.) в нем стало участвовать еще несколько видных и активных деятелей: уже известные нам офицеры Н. А. Момбелли (1823—1902) и Ф. Н. Львов (1823—1885), лишенные своего собственного кружка, запрещенного военным начальством; чиновник К. И. Тимковский (1814—1881), самый фанатичный после Петрашевского фурьерист; преподаватель политической экономии и статистики И. Л. Ястржембский (1814—1886); офицер конной гвардии Н. П. Григорьев (1822—1886), автор яркого рассказа «Солдатская беседа», читавшегося у Спешнева; студент П. Н. Филиппов (1825—1855), автор документа «Десять заповедей», потрясающего по антикрепостническому накалу (переделка библейских заповедей в революционном духе); Д. Д. Ахшарумов (1823—1910), востоковед, чиновник Министерства иностранных дел, в будущем — самый обстоятельный мемуарист, оставивший подробные воспоминания о деле петрашевцев; сибирский золотопромышленник Р. А. Черносвитов (1810—1868).

«Пятницы» у Петрашевского стали широко известны, количество посетителей обычно составляло около 20 человек. Их могло быть значительно больше, если бы доступ был открытый, но Петрашевский сперва знакомился с желающим участвовать в кружке, выяснял его интересы и степень идеологической и научной подготовленности (если находил ее недостаточной, то давал соответствующие книги и руководил образованием) и лишь потом вводил в кружок. Разумеется, и при таком отборе могли попадать случайные люди и даже тайные агенты правительства — ниже еще будет идти речь о шпионе П. Д. Антонелли. Но среди посетителей бывали и весьма достойные деятели русской культуры. На вечерах у Петрашевского или у других петрашевцев

Училище правоведения (ныне наб. реки Фонтанки, 6). Фотография 1834 г.

в разное время присутствовали композиторы М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейн, музыканты П. В. Веревкин, А. Д. Щелков, Н. А. Кашевский, художники П. А. Федотов, Е. Е. Бернадский, А. И. Берестов, литераторы и журналисты Ф. К. Дершау, А. П. Милюков, В. В. Толбин, В. Р. Зотов, профессор И. В. Вернадский, будущие профессора Н. М. Благовещенский и Б. И. Утин, актер Ф. А. Бурдин. . .

Важно отметить расширение состава участников не только в профессиональном, но и в региональном отношении: на заседаниях кружка были и москвичи, и волжане, и сибиряки, да, кроме того, в провинции стали организовываться как бы филиалы общества. О последнем обстоятельстве с тревогой писал в своем послании следственной комиссии от 17 августа 1849 г. пресловутый И. П. Липранди, главный инициатор арестов петрашевцев. «Бумаги арестованных лиц обнаружили, что подобными миссионерами были: в Тамбове — Кузмиц, в Сибири — Черносветов, в Ревеле — Тимковский, в Москве — Плещеев, в Ростове — Кайданов». Но особенно тревожило Липранди расширение социального состава кружков: «Паства эта, не знающая иностранных языков, в таком городе, как Ростов, конечно,

должна была состоять из местных городских обывателей среднего класса, уездных чиновников, а также и самих купцов, мещан и т. п. Какой яд должен был разливаться от такой закваски в городе, куда на ярмарку стекаются со всех оконечностей государства?»¹

Нельзя отказать Липранди в проницательности. Социальное расширение состава кружков еще более существенно, чем профессиональное и региональное. В том же послании Липранди очень точно подчеркивает это обстоятельство: «Например, в заговоре 1825 года участвовали исключительно дворяне, и притом преимущественно военные. Тут же, напротив, с гвардейскими офицерами и с чиновниками Министерства иностранных дел рядом находятся не кончившие курс студенты, мелкие художники, купцы, мещане, даже лавочники, торгующие табаком. Очевидно, казалось мне, что сеть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселение».

В самом деле, в социально-сословном отношении кружки петрашевцев представляли собой несравненно более широкие организации, чем декабристские группы. Особенно характерно привлечение разночинцев, как и характерно постоянное внимание Петрашевского к «среднему» сословию, к купечеству и вообще к мещанству. Начинался переход от дворянского к новому этапу русского освободительного движения — к разночинному. Именно в деятельности Белинского и петрашевцев видел В. И. Ленин начало этого перехода.²

Обилие посетителей и их пестрый состав, однако, усложняли работу кружка. Вечера при разнообразии интересов, уровней подготовки и мнений участников становились несколько хаотическими, бессистемными. Как уже говорилось, еще весной 1848 г. Петрашевский решил упорядочить их по тематике и по организации: на каждую «пятницу» назначалось сообщение определенного докладчика по определенной проблеме с последующим обсуждением; избранный «президент» вечера следил за порядком и за очередностью выступлений. А с осени, с октября-ноября 1848 г., этот принцип уже окончательно укрепился у петрашевцев.

---

¹ Петрашевцы / Изд. В. М. Саблина. М., 1907. С. 14.

² См.: Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России // Полн. собр. соч., Т. 25, С. 93—94, Ср. Т. 7. С. 438.

Темы, выносимые на публичное обсуждение, были весьма острые и злободневные: о гласном судопроизводстве, о крепостном праве, о свободе книгопечатания, о современных общественно-политических учениях, о воспитании, «ненужности религии в социальном смысле». Любопытно, что не было специального обсуждения итогов европейских революций 1848 г.: видимо, опасались абсолютной «нецензурности» этой темы (а может быть, в духе интересов Петрашевского, главной темой вечера ставился теоретический вопрос, а текущие «приложения» обсуждались лишь попутно).

По сохранившимся печатным и рукописным произведениям петрашевцев, по их показаниям во время следствия, по донесениям шпиона Антонелли можно достаточно полно восстановить последовательность и содержание докладов и бесед на «пятницах» 1848/49 г.

Одним из первых (если не первый) начал последний сезон Ф. Н. Львов. Вот его собственное резюме: «Я читал две статьи: одну о специальном и энциклопедическом образовании, где отдавал предпочтение специальному образованию, полагая, что оно лежит в самой натуре и что энциклопедическое образование, давая только поверхностные познания, производит людей часто пустых, которые пронырством прокладывают себе дорогу, вместо истинных достоинств. Вторая статья моя была: о необходимости теснейшей связи между промышленностью и наукой».³ Неясно, занимало ли это чтение два вечера или же автор уложился в течение одного. Главное внимание слушателей привлек первый доклад, именно о нем упоминают многие петрашевцы. По словам Черносвитова, доклад вызвал полемику: «. . . спорили, возражал более и дельнее всех г. Ястржем<б>ский».⁴ Доклад был прочитан в конце октября или начале ноября 1848 г.

Горячий энтузиаст фурьеризма К. И. Тимковский, приехавший в октябре в Петербург и тут же вошедший в кружок, попросил у Петрашевского позволения прочитать свою речь вскоре после «пятницы» с докладом Львова, т. е. в ноябре. Речь его вылилась в страстную пропаганду практического фурьеризма: Тимковский предлагал в течение 3—4 лет теоретически подгото-

³ Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 410.

⁴ Там же. С. 444.

виться самим и вести активную пропаганду среди самых различных групп населения (впрочем, у него не было намека на агитацию в народе), чтобы по истечении этого срока попытаться организовать хотя бы один фаланстер из 1800 человек. По расчету Фурье и в переводе на русские деньги, для этого потребуется 3 млн. рублей серебром. Тимковский предлагал запросить эти деньги у правительства, а в случае отказа — организовать акционерное общество. Параллельно, считал автор, целесообразно развивать другие начала и объединения, особенно — коммуны (общины) коммунистов,⁵ с тем чтобы потом взаимно использовать лучшие особенности организации обществ у соседей.

Показательна практическая направленность мыслей и предложений Тимковского. По словам П. И. Ламанского, докладчик говорил «о Фурье как о гении, который должен стоять выше всех гениев философов, как то: Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Гегеля, потому что он первый обратил внимание на существенное, т. е. материальное благосостояние и предложил средства к осуществлению, тогда как философы ограничивались только метафизическими прениями».⁶ Хотя Тимковский подчеркивал мирный характер своих предложений и даже произнес, по словам Львова, фразу

---

⁵ Всюду, где петрашевцы употребляют понятие «коммунизм», «коммунисты», речь идет об *утопическом* коммунизме Дезами и Кабе. Используя труды Фурье и Оуэна, Дезами в книге «Кодекс общности» (1843) ячейками идеального общества, которое следует организовать революционным путем, называет *коммуны* (оптимально — по 10 тысяч человек), где осуществляется не только социальное, но и экономическое равенство (все имущества объединяются), под лозунгом «От каждого по способности, каждому по потребности». Кабе изобразил воплощение в жизнь коммунистических принципов в утопическом романе «Путешествие в Икарию» (1840). В отличие от большинства утопических коммунистов Кабе предполагал мирные пути перехода к новому строю. В коллективной библиотеке у Петрашевского было несколько книг Кабе, в том числе и «Путешествие в Икарию». Из петрашевцев ближе всего к революционным коммунистам подходил Спешнев; к Кабе он относился иронически: «. . . двое коммунистических вождей во Франции — деист и моралист Кабе и атеист и материалист Дезами не смогли ужиться рядом: они враждовали друг с другом не на жизнь, а на смерть до тех пор, пока моральный деист не засадил своего „аморального противника“ в тюрьму» (Философские и социально-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 489).

⁶ Дело петрашевцев, 1951. Т. 3. С. 321.

«. . . пусть всякий действует по своим убеждениям, сильные не торопитесь, а вы, слабые — не бойтесь, я вас не вызываю на площадь»,⁷ — тем не менее его страстная, взволнованная речь была с изумлением выслушана, и многие петрашевцы, впервые видя Тимковского, заподозрили: уж не шпион ли он, не провокатор ли?

По предположению А. Ф. Возного, витавшие в петербургском обществе слухи о хитростях III отделения, о матерых провокаторах заставляли петрашевцев настороженно относиться к тем вновь вошедшим в кружок лицам, которые произносили весьма радикальные речи. Не потому ли именно был заподозрен Тимковский (затем и Черносвитов)? И в то же время получается, что реальный шпион, ничтожный и молчаливый Антонелли не вызвал опасений.

Давно, видимо, мечтавший о тайном революционном обществе Спешнев очень заинтересовался Тимковским. Когда докладчик в последнюю свою «пятницу» 3 декабря (7 декабря Тимковский уже уезжал на службу в Ревель) прямо обратился к слушателям, пытаясь извлечь практическую пользу от своей агитационной речи (кто из них согласен с программой, предложенной в речи?), то твердо заявили о своей солидарности лишь Спешнев и младший брат Тимковского, Алексей. Спешнев пригласил на следующий день докладчика на свою квартиру и предлагал тройственный союз, со включением отсутствовавшего тогда в Петербурге Н. Я. Данилевского. Спешнев обещал по возвращении Данилевского начать совместно действовать по программе Тимковского. Последний же обещал развернуть пропаганду фурьеризма в Ревеле; позднее он признавался, что ему не удалось ничего сделать, как он ни старался: чиновничий и офицерский мир Ревеля оказался глух к социалистической агитации. Тимковский подробно изложил всю историю своих фурьеристских деяний в показаниях следственной комиссии.⁸

Может показаться странным, что фурьерист «номер один», Петрашевский, не приглубил нового энтузиаста, не поддержал его публично, а оказался скорее недовольным его выступлениями. На самом деле впе-

---

⁷ Там же. Т. 1. С. 409.

⁸ Там же. 1941. Т. 2. С. 407—422. 429—441.

чатление Петрашевского от неопита было положительным: «Считаю же г. Тимковского фурьеристом совершенным, каким он у меня показал себя на вечере, бывши с весьма чувствительным сердцем и очень талантливым». ⁹ Но он, видимо, был смущен радикализмом доклада и в общем согласился с отзывом Черносвитова: «. . .какая неосторожность говорить такие речи, и зачем пускать к себе такого человека, который не умеет держать язык за зубами». ¹⁰ То же подтвердил позднее и Львов. Петрашевский был очень недоволен намерением Тимковского использовать в фаланстере коммунистические идеи: по мнению Петрашевского, «фурьеризм не нуждался в добавках». ¹¹

Последний доклад, который известен нам из «пятниц» второй половины 1848 г. — И. Л. Ястржембского: «. . .я читал о любви, статью полусерьезную, полупуточную». Но слушатели, кажется, всерьез отнеслись к его выступлению. По словам Барановского, «Ястржембский же говорил о любви, излагал ее историческое развитие». ¹² Типичные для прогрессивных кругов Европы и России 40-х годов темы о положении женщины, о семье и браке, о любви постоянно возникали в кружках петрашевцев.

То ли в конце 1848, то ли в начале 1849 г. состоялась литературная «пятница» — чуть ли не единственная за все время существования кружка. По словам Д. Д. Ахшарумова, впервые пришедшего к Петрашевскому в декабре 1848 г., «еще вечер прошел весь в споре о достоинстве Гоголя и Крылова и кто из них более пользы произвел и более известен народу. Спорили все, особенно Дуров и Пальм». ¹³ Сравним показания Пальма: «Дуров заступался за гениальность Крылова, Петрашевский его оспаривал; оба они дошли до несправедливых крайностей, и я почел приличным высказать мое мнение о Крылове, которое было сходно с мнением Дурова. Тогда же г. Дуров, г. Достоевский и я старались доказать Петрашевскому, что он ложно

---

⁹ Там же. Т. 1. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 99—100.

¹¹ Там же. С. 533—534.

¹² ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 84/28, № 55 (дело петрашевцев). Ч. 37, л. 10.

¹³ Дело петрашевцев, Т. 3. С. 116.

понимает искусство». ¹⁴ В этой связи интересно и показание Н. П. Григорьева: «После ужина был разговор чисто литературный, в котором Петрашевский говорил, что И. А. Крылов был не великий художник, а Федор Достоевский отлично опроверг его; такое увлечение и патриотизм, с которым он говорил, меня пленили. . .». ¹⁵

Петрашевский и сам отдал дань художественному творчеству (писал стихи), но в целом у него преобладало утилитарное отношение к искусству, и он тем самым предварял утилитаризм некоторых шестидесятников типа Писарева и Зайцева. Поэтому хотя мы и не можем извлечь из имеющихся сведений, каково было отношение спорящих к Гоголю, но само противопоставление Гоголя и Крылова характерно: очевидно, Петрашевский, опять же предваряя споры будущего десятилетия о пушкинском и гоголевском направлениях, ратовал за гоголевскую сатиру, за злободневность и т. п. Достоевский же желал гармонии идейности и художественности — при приоритете последней. Как он показал на следствии, спор о Крылове перешел в теоретические дебаты, и мнение его, Достоевского, было такое, «что искусство не нуждается в направлении, что искусство само себе целью, что автор должен только хлопотать о художественности, а идея придет сама собою, ибо она необходимое условие художественности». ¹⁶ Иными словами, и Достоевский предварял идеи своей известной статьи «Г. -бов и вопрос об искусстве» (1861). Любопытно, в результате спора, считал Достоевский, «оказалось, что Петрашевский со мной одних идей о литературе, но что мы не понимали друг друга». ¹⁷ На самом деле это не совсем так. В донесении шпиона Антонелли от 5 марта 1849 г. излагается рассказ Петрашевского о «пятнице» 4 марта, когда к нему пришли братья Достоевские, Федор и Михаил, и он спорил с ними, «упрекая их в манере писания, которая будто бы не ведет ни к какому развитию идей в публике». ¹⁸

---

¹⁴ Там же. С. 262—263.

¹⁵ Там же. С. 244.

¹⁶ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1978. Т. 18. С. 128—129.

¹⁷ Там же. С. 129.

¹⁸ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 412.

Достоевский всячески сопротивлялся утилитаризму, узко понятой злободневности, направлению «газетному и пожарному», как он выражался. Он, конечно, понимал, насколько гений Гоголя выше такой сиюминутности, но все-таки и некоторые произведения Гоголя не без основания давали повод находить в них подобную узость (особенно это могло относиться к его публицистике, и более всего к печально известному циклу статей «Выбранные места из переписки с друзьями»), да и опора многих непрошенных ревнителей злободневности на наследие Гоголя раздражала писателя и утрировала в его глазах недостатки Гоголя. Недаром в творчестве Достоевского, начиная с «Бедных людей», наблюдается не только следование великому учителю, но и непрерывная скрытая полемика, вплоть до пародирования Гоголя в «Селе Степанчикове». Думается, что неоднократное чтение Достоевским среди петрашевцев знаменитого письма Белинского к Гоголю, как и ответного письма Гоголя (известно, что Достоевский читал переписку 15 апреля 1849 г. на вечере у Петрашевского и дважды на вечере у Дурова—Пальма, тоже в апреле), помимо прочих причин (в частности, Достоевский далеко не все и в Белинском принимал, считая его тоже «желчевиком» и утилитаристом), носило и психологически понятный полемический антигоголевский задор.

В целом же активное ядро кружка составляли сторонники идейного искусства, прямо декларирующего общественные проблемы. Толль сообщил в своем показании на следствии об одном своем споре с Дуровым и Достоевским: «. . . я держался мнения, что литература должна идти об руку с действительностью и что поэт должен быть прежде всего сыном своего отечества, ко благу которого должен клонить всю свою деятельность».¹⁹ Пальм вспоминал позднее, что Львов критиковал его абстрактно-романтические стихи: «. . . он строго порицал неточность моих выражений, осмеивал поэтические вольности и туманность мысли, преследовал даже такие излюбленные тогдашними поэтами словечки, как „сны“, „грезы“, „мечты“, советуя заменить их просто словом „мысли“ или, пожалуй, „думы“».²⁰ Салтыков в своей «крамольной» повести

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 164.

²⁰ Пальм Ал. Федор Николаевич Львов. Из старых воспоминаний // Новое время. 1885. 4 июня. С. 2.

«Запутанное дело» аналогичным образом пронизировал над туманностью и фразерством поэта Алексиса Звонского, в котором несомненно усматриваются некоторые черты молодого А. Н. Плещеева.

* * *

1849 год в кружке начался с цикла лекций И. Л. Ястржембского о «первых началах политической экономии», который он читал в течение 5 или 6 «пятниц», т. е. в январе—феврале. Сам автор так резюмировал содержание своего курса: «Определение промышленности, богатства, ценности, источников богатства: природы, труда и капитала; потребности — определил различие человека от животного на основании различия и разнообразия потребностей.

Теорию населения по Мальтусу и Сью, теорию первоначального распределения богатства или распределения дохода между предпринимателем промышленности, землевладельцем, капиталистом и работником; тут же опроверг нелепое мнение Прудона о поземельной собственности. О торговле, определение ее, различие от спекуляции, определение цены первоначальной и меновой.

О кредите и кредитных учреждениях — разбор сочинения об этом предмете графа Цешковского, доказательство, что кредит не может принести настоящего облегчения для пауперизма».²¹

Держался Ястржембский удивительно свободно, раскованно, совершенно не стесняясь в социально-политических характеристиках. Агент полиции Антонелли записал такие суждения Ястржембского из доклада о статистике 18 марта: «. . . говорил, что по настоящему статистика не должна называться статистикою, а общественною, социальною наукою, но что великий князь (Михаил Павлович, начальник военно-учебных заведений. — *Б. Е.*) в приказе приказал ее называть статистикою, то нечего делать, нужно ее так и называть. Насчет богословия он говорил, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клубуков . . . При этом он заметил, что Российское государство имеет целью подчинить достоинство всех

---

²¹ Дело петрашевцев. Т. 2. С. 202—203.

людей, его составляющих, выгоде и пользе одного . . . Речь Ястржембского была усеяна солью на здешнее чинование, на тайных советников, на государя, по его словам — богдыхана, и вообще на все административное». ²² Запомнит Николай I эту фразу, покажет он Ястржембскому богдыхана, когда увеличит его каторжный срок, и так немалый.

Если бы Антонелли посещал «пятницы» в январе—феврале, то он еще и не такое бы услышал. В позднейшем бесцензурном изложении Львова Ястржембский позволял себе такие тирады: «Правительство в смысле политико-экономическом есть тоже товар: граждане в виде податей и налогов покупают себе внешнюю и внутреннюю безопасность . . . Следовательно, если товар этот дешев и хорошего качества, то содержание правительства не противоречит политико-экономическим началам. Если божиею милостью купец Чаплин продаст нам дешево хороший чай, то мы все покупаем у него; но если он начинает продавать дорого худой, то мы обращаем(ся) к другому». ²³ И так, конечно, понятно, о каком купце идет речь, но Ястржембский еще добавляет: «Божиею милостью», т. е. слова, которые применялись только при торжественном наименовании царя.

Конечно, петрашевцы все-таки были очень беспечны. А ведь в 1849 г. царское правительство отнюдь не стало более либеральным. В начале февраля Петербург был потрясен следующей историей. Молодой князь Н. В. Гагарин, воспитанник привилегированного Училища правоведения, за обедом в ресторане в кругу однокашников неодобрительно отзывался о государе. Один из этих однокашников, Д. Ф. Политковский, получавший подачки из III отделения, донес на товарищев, и Гагарин был арестован и послан юнкером на Кавказ. Это событие обсуждалось у петрашевцев, Антонелли в своем донесении Липранди подробно пересказывает суждения Петрашевского, но предостережением данный факт не послужил: Петрашевский, очевидно, продолжал быть уверенным в законности своих «пятниц» и бесед на них, Он, правда, осаживал чрезмерно

---

²² Там же. Т. 3. С. 417—418.

²³ Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 171.

откровенничавших. Агент Наумов доносил 31 марта о нравоучениях Петрашевского: «Он советовал мне, Наумову, не брать примера с Толстова, быть осторожну и действовать тайно, говоря, что иногда за одно слово заставят обсушивать сырость у крепости, что Толстов человек очень умный, но не совсем воздержан от напитков». Но такие предостережения другим не мешали самому Петрашевскому весьма вольно изъясняться; он тут же стал излагать Наумову свое отношение к Николаю I: «Государь уже всем надоел; что он 23 года сделал хорошего для России? Сам прожил более 60-ти миллионов, да еще сколько прожил в Палерме,²⁴ лучшие места Петербурга и около дворца застроил казармами, а тут могли бы быть обывательские дома и получали бы доход, а теперь хоть на поле строй дом. . .».²⁵

Казалось бы, чего проще: к 1848—1849 гг. уже не только всем в Петербурге, но и чуть ли не всей громадной России был уже известен радикальный кружок Петрашевского — приходи и арестовывай всех участников или по крайней мере сразу же организуй слежку. Но в жизни бюрократической верхушки при императоре с ее запутанной иерархией, всеобщими страхами и опасениями, вечными колебаниями между активностью и выжиданием (действовать — можно шею сломать, не действовать — тоже грозу накликают можно!) никогда не было ничего простого, все было очень трудно и сложно.

Яркая и одновременно смутная история возникла у самых истоков слежки за петрашевцами: здесь не в первый уже раз в течение николаевского царствования ревниво столкнулись интересы Министерства внутренних дел под началом Л. А. Перовского (так сказать, полицейское ведомство) и III отделения, руководимого шефом жандармов гр. А. Ф. Орловым и управляющим Л. В. Дубельтом.

Во всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата (высшей военно-судебной инстанции, подписавшей наиболее строгий приговор над петрашевцами), где под-

---

²⁴ В октябре—декабре 1845 г. Николай I находился в Палермо (Сицилия), где лечилась императрица.

²⁵ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 84/28, № 55. Ч. 3, л. 111 об., 112 об.

водились итоги следствия, участие двух ведомств в деле петрашевцев было описано так, что можно было предполагать единство и дружественную согласованность действий: в марте 1848 г. шеф жандармов приказал учредить за Петрашевским надзор, а одновременно и министр внутренних дел установил наблюдение, и, чтобы не было путаницы, между двумя ведомствами было достигнуто соглашение: гр. Орлов передал все дело министру Л. А. Перовскому, а тот поручил вести его действительному статскому советнику И. П. Липранди.

На самом деле все было куда запутаннее и напряженнее. Шеф жандармов узнал впервые о Петрашевском не в 1848 г., а значительно раньше. Как уже говорилось, в 1844 г. начальство петербургского Александровского лицея обнаружило, что трое учащихся, юношей 14—16 лет (А. Унковский, В. Константинов, А. Бантыш), без разрешения посещают квартиру Петрашевского и выпитывают там крамольные мысли «относительно предметов веры и существующего общественного порядка». Лицейисты были строго наказаны, а распространение Петрашевским вредных идей тоже не осталось без внимания: главнозаведующий лицеем принц Ольденбургский обратился с соответствующим заявлением к шефу жандармов. Гр. А. Ф. Орлов велел учредить над Петрашевским секретный надзор, однако время еще было тихое, был жив отец Петрашевского, «пятницы» еще не организовывались, поэтому соглашения ничего предосудительного не обнаружили, и надзор через два месяца был снят. Жандармы поторопились с выводами: как раз вскоре и начались «пятницы»!

Второй раз III отделение узнало о Петрашевском, видимо, из-за шумной истории по поводу его литографированной «листовки» с проектом освобождения крестьян: намек на сведения от марта 1848 г., содержащийся в докладе генерал-аудиториата (очевидно, это место было вставлено по настоянию гр. Орлова), может относиться именно к этой истории. Но вряд ли III отделение приняло и в этом случае серьезные меры — все-таки приоритет в слежке принадлежит министру внутренних дел, точнее — чиновнику по особым поручениям при министерстве, известному еще по декабристским временам И. П. Липранди.

Личность Ивана Петровича Липранди (1790—1880) — печально знаменитая.²⁶ Умный, энергичный, смелый, он в то же время отличался не слишком твердыми нравственными качествами.

В его биографии немало загадочных эпизодов и даже целых периодов: не доказано, что он предал декабристов, но уж очень он, будучи близок к Южному обществу, легко отделался (кратковременный арест). Не доказаны его многочисленные вымогательства взяток, хотя об этом ходили упорные слухи (см., например, воспоминания П. А. Кузмина),²⁷ но два его совершенно «уголовных» преступления все-таки документально подтверждены: во-первых, являясь после разгрома Наполеона начальником русской военной разведки в Париже, Липранди присвоил себе книги из королевской библиотеки Бурбонов;²⁸ во-вторых, по розысканиям А. Ф. Возного, он присвоил 650 рублей казенных денег — как раз в конце следствия над петрашевцами.²⁹

Более чем вероятно справедливость слухов, сообщенных Кузминым, о том, что и значительно раньше, в конце 1847 или в начале 1848 г., над Липранди нависала опасность судебного следствия по поводу вымогательства взяток у сектантов, и он, опасаясь, предложил своему начальнику Перовскому³⁰ блистатель-

---

²⁶ См. о нем: *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?..» // Пути в незнаемое. М., 1972. Сб. 9. С. 125—158; *Курочкин Ю. М.* Приключения «Мадонны»: Страницы краеведческих поисков. Свердловск, 1973. С. 35—58.

²⁷ Из записок генерал-лейтенанта П. А. Кузмина // Русская старина. 1895. № 4. С. 84.

²⁸ См.: *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 130—131.

²⁹ См.: *Возный А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев. 1976. С. 75.

³⁰ У Л. А. Перовского тоже рыльце было в пуху. Будучи еще не министром, а директором Департамента уделов, и «коллекционируя» драгоценные камни, он в 1834 г. присвоил найденный на Урале огромный, в фунт весом, изумруд, а командира Екатеринбургской гранильной фабрики Я. И. Коковина, не желавшего входить в сделки с начальником, упек в тюрьму; судил же Коковина брат Перовского Василий Алексеевич, тогдашний Оренбургский генерал-губернатор. В. А. Жуковский, проезжавший в 1837 г. с наследником через Урал, узнал об этом «Шемякине суде», пытался разобраться, но, кажется, ничего не смог сделать: Перовские продолжали восходить по служебным ступеням (см. об этом: *Курочкин Ю.* Уральский вояж поэта Жуковского // Рифей. Уральский литературно-краеведческий сб. Челябинск, 1981. С. 208—212). — Очевидно, и на министер-

ную операцию, которая выручала прежде всего из беды самого Липранди, а кроме того, наносила большой моральный урон III отделению (Перовский ненавидел соперников по сыску и наведению порядков, ревновал к вниманию, которое оказывал Николай I изобретенному им самим ведомству). Липранди, очевидно, уже был осведомлен о каких-то социалистических собраниях у Петрашевского и предложил Перовскому свои услуги по разоблачению революционного гнезда: тем самым в глазах Николая I прославлялись Перовский и Липранди, а III отделение оставалось с носом.

Таким образом, Липранди получил в свои руки очень выгодное для него дело и ревностно принялся за работу. Прежде всего нужно было заслать к Петрашевскому своих людей. Шпионом № 1 для Липранди стал Петр Дмитриевич Антонелли (род. 1825) — сын почтенного академика живописи Д. И. Антонелли (который умер в 1842 г., не дожив до семейного позора). Антонелли-сын отличался прекрасной памятью, но явно не хотел учиться: почему-то он 9 лет сидел в гимназии (вместо шести) и очень недолго был студентом восточного отделения университета. По утверждению В. И. Семевского, уже в 1847 г. Антонелли работал у Липранди, а в январе 1848 г. его уже устраивают чиновником в тот же департамент Министерства иностранных дел, где служил Петрашевский.

Антонелли пришлось несколько месяцев втираться в доверие Петрашевского, да еще потом выслушивать от него целые лекции об учении Фурье, о современных политических проблемах, о стратегии и тактике кружковой работы, получать задания штудировать предложенные книги, переводить с французского — а криминальных дел пока не видать было. На свои «пятницы» Петрашевский упорно не приглашал Антонелли (вряд ли Петрашевский заподозрил в нем агента: ско-

---

ском посту Перовский был нечист на руку. Антонелли излагает в одном доносе разговор с Петрашевским в начале февраля 1849 г., где тот сообщал, что он читал подлинные материалы о злоупотреблениях, происходящих в Министерстве внутренних дел, что по преступлению одного чиновника (расхищение 150 тыс. рублей) государь обращал внимание министра на правильное расходование отпускаемых денег, что Перовский получил выговор и скоро будет снят с поста и т. п. Интересно, Липранди показывая этот текст Перовскому или утаив у себя?

рее всего, считал, что недоучившийся студент еще слишком мало знает в области социализма и политической экономии, чтобы участвовать в серьезных обсуждениях проблем).

По справедливому замечанию А. Ф. Возного, Липранди не устраивала такая замедленность и отсутствие реальных криминальных фактов, и он искусственно создает провокационные «обстоятельства, которые, с одной стороны, должны укрепить авторитет агента Антонелли в среде петрашевцев, а с другой — побудить Петрашевского от революционных слов перейти к „делу“, спровоцированному агентом».³¹

Из дворцовой охраны было выделено несколько черкесов, с которыми Антонелли познакомил Петрашевского: они якобы готовы на решительные действия. Петрашевский стал подробно излагать Антонелли принципы пропагандистской работы среди народов Кавказа, излагать политические идеалы самоуправления и федерализма. Немного времени спустя, в конце февраля, Петрашевский предложил оставить черкесский вопрос до решения более общих проблем: то ли он увидел нереальность или неэффективность пропаганды среди царских стражников, то ли в самом деле понял частность этого вопроса ввиду других проблем, однако хотя бы половины задуманного Липранди достиг — Петрашевский стал более откровенен с Антонелли, с января 1849 г. Антонелли часто встречается с «учителем», пишет подробные донесения с изложением мировоззрения Петрашевского и биографических сведений о нем. В этих донесениях, как это ни странно, стали проскальзывать восторженные тирады о главном пропагандисте: чувствуется, что талант мыслителя, политического деятеля, агитатора настолько значителен, что агент начинает как бы поддаваться внушению; не то чтобы он раскаялся, но сила таланта такова, что она может и ничтожество всколыхнуть, заставить уважать себя. Здесь, возможно, тоже таится разгадка сравнительно большой откровенности Петрашевского с Антонелли: наверное, последний не мог, да и не хотел скрывать своего восхищения перед достоинствами оратора, что стимулировало доброе отношение Петрашевского к шпиону и провокатору.

---

³¹ Возный А. Ф. Указ. соч. С. 38.

Но еще много усилий пришлось приложить Антонелли, чтобы попасть на вечера Петрашевского: он так и не дождался приглашения, а однажды, 11 марта 1849 г., дерзко сам явился без зова, возбудил, естественно, сильные подозрения относительно своей личности, но ловко выкрутился, объяснил свой приход чистой случайностью, стал затем втираться в доверие к другим посетителям «пятниц». Так, Ф. Г. Толль, с самого начала очень не доверявший Антонелли, а в тот самовольный приход его особенно заподозривший в шпионстве, вскоре успокоился — Антонелли умел подлаживаться к людям. После первой же встречи, он с Толлем целые сутки кутил и настолько «подружился», что поселился с ним на одной квартире! Начиная с 11 марта Антонелли был уже на всех «пятницах» до самого ареста петрашевцев и писал подробные донесения о вечерах.

Кроме Антонелли, Липранди подослал к кружку еще двух своих агентов, но уже рангом пониже: купца В. М. Шапошникова и мещанина Н. Ф. Наумова. Им удалось войти в приятельские отношения с П. Г. Шапошниковым (однофамильцем шпиона), владельцем табачной лавки и хорошим знакомым многих членов кружка Петрашевского. Шапошников и Наумов выведывали информацию у тех петрашевцев, которые посещали лавку. Особенно много пищи им дали горячие неопытные студенты А. Д. Толстов и В. П. Катенев, открыто бранившие царя, правительство, религию (см. об этом в следующей главе). Агенты так увлеклись этой группой, что совершенно забросили слежку за кружком Петрашевского. Единственное, что они успели сообщить Липранди, это данные о количестве приезжавших на «пятницы»: 4 марта собралось после 9 часов вечера «до 20 человек», 11 марта — не менее 16, 18 марта — «немного посетителей».³² Да и сведения эти — из-за угла, из подворотни, ибо в дом агенты допущены не были. Зато Антонелли оставил подробные отчеты о вечерах, начиная с 11 марта. Вместе с показаниями арестованных петрашевцев на следствии эти отчеты дают нам ясное представление о последних семи «пятницах». Тоже парадокс истории: доносы подонка оказываются важным фактическим материалом!

---

³² ЦГВИА. . . Ч. 3, л. 81, 83, 89.

11 марта на «пятнице» состоялся доклад Ф. Г. Толля о религии. По рассказу Антонелли, через полчаса после вечернего чая Петрашевский объявил «собранию, что Толль желает о чем-то говорить, и, положив на стол несколько листов бумаги и несколько карандашей, пригласил желающих записывать свои мнения . . . Все уселись полукругом, Толль поместился в середине и объявил собранию, что намерен рассуждать „о ненужности религии в социальном смысле“. Сперва он говорил о происхождении религий. . .».³³

У первобытного человека был страх перед могучими явлениями природы, рассуждал Толль, появлялся гений, который безотчетные чувства облачал в определенную религию. Такая «религия, действуя на мораль человека, не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что она подавляет развитие ума и заставляет человека быть добрым и полезным своему ближнему не по собственному его убеждению, а по чувству страха наказания, следовательно, она убивает и нравственность». С Толлем спорил затем Баласогло, который, по словам религиозного Ахшарумова, «отвечал ему очень дельно, что он религию слишком унизил, производя это высокое чувство от одного страха, и говорил весьма умно и достойно этого предмета, что религия происходит от соединения чувств энтузиазма, сознания своего ничтожества и своей зависимости от высшей силы, которою управляется вся вселенная». Однако по доносу Антонелли о «пятнице» 25 марта, когда Толль читал второй доклад о религии, в продолжение первого, с ним долго спорили Баласогло и Момбелли, «но общая их черта есть та, что религию они, так же, как и Толль, признают ненужною для благосостояния человечества».³⁴ На следствии Баласогло решительно опровергал приписывание ему такого вывода. Любопытно возражение, которое сделал 11 марта Толлю П. И. Ламанский: «. . .страх не везде был главною причиною зарождения религии, потому что были религии, в которых главную роль играли божества благодетельные, а божества устрашающие роль

---

³³ набросок этого доклада Толля опубликован: Дело петрашевцев. Т. 2. С. 158—161.

³⁴ Там же. Т. 3. С. 416, 414—415, 436.

второстепенную, и подтверждал свое мнение историческими примерами».³⁵

«Пятница» 18 марта была посвящена последнему докладу из цикла лекций по политической экономии Ястржембского (об этом уже шла речь выше). 25 марта прочитал второй доклад о религии Толль.

Кульминационная вершина всех собраний у Петрашевского — «пятница» 1 апреля 1849 г. Здесь обсуждались самые насущные проблемы русской жизни: положение крепостных крестьян, судопроизводство, цензура и свобода печати. Без этой «пятницы» многое бы для нас было неизвестным в воззрениях и намерениях петрашевцев, да и для самих петрашевцев, наверное, многочасовой спор 1 апреля был очень полезен: проявились собственные взгляды и группировки единомышленников. Сведение в один узел главных социально-политических проблем и высказывание откровенных мыслей по всем главным вопросам перед самым концом, перед разгромом кружка, заставляют предполагать, что если не сознательно, то хотя бы интуитивно ведущие деятели могли прогнозировать вероятность перерыва или полного прекращения собраний. Конечно, никто из них не думал о крепости, о суде, о каторге — такое и в голову не могло прийти: неужели засудят за разговоры и намерения?! Но возможность запрещения собраний, высылка из столицы и т. п. меры, несомненно, возникала. Подобные прогнозы не могли не всплывать в сознании еще и потому, что и радикализм кружка (он был широко известным), и начавшуюся слежку, и гнев правящих кругов полностью утаить не удавалось.

По Петербургу уже ранней весной поползли слухи о предстоящих арестах. В донесении Антонелли от 27 марта 1849 г. сказано, что Толль сообщил ему о решении правительства схватить всех петрашевцев, которые соберутся в следующую «пятницу»; Антонелли сказал Петрашевскому, а тот решил, что это сплетни, распускаемые из дома Майковых, т. е. из кружка Дурова—Пальма, как бы не любящих собрания у Петрашевского. А. Ф. Возный сомневается в честности сообщения Антонелли: дескать, он сам мог распускать

---

³⁵ Там же. С. 321—322.

слухи, а сваливать на Толля.³⁶ Но был ли заинтересован Антонелли в распространении информации об арестах? Скорее наоборот. Да и побоялся бы он сочинять версию о Толле: последний был очень близок к Петрашевскому, и ложь очень легко могла бы быть раскрыта.

Тем более вероятно широкое распространение слухов о репрессиях, поскольку в донесении от 10 апреля Антонелли передает уже сведения, полученные от самого Петрашевского: тот был 7 апреля в доме В. А. Милютина и услышал от горничной, что его, Петрашевского, «скоро возьмут в полицию». Петрашевский и здесь усмотрел лишь болтливость Милютина, не более того, и якобы поручил «Пальму сказать Милютину от его лица, что подобная болтливость есть подлость и что он косвенным образом становится доносителем».³⁷

На следствии об этом факте спросили Пальма, и тот дал очень интересное письменное показание: «В маскараде, бывшем в Дворянском собрании на Святой неделе, одна маска подошла ко мне и после нескольких незначащих фраз сказала по-французски: „Пальм, ты бываешь в одном доме, где я не советовала бы тебе бывать“. — В каком это доме? — спросил я. — „Ты знаешь, это у Покрова“. — Я понял, что она говорит о вечерах Петрашевского, и сказал ей, что я бываю у Петрашевского, но там ничего опасного для себя не вижу. Она сказала: „Смотри же, будь осторожен“, и оставила меня, я потерял ее в толпе, но желал непременно узнать, кто она такая. Об этом я говорил Дурову, Момбелли и Петрашевскому. Петрашевский мне отвечал, что и ему в том же маскараде какая-то маска сказала, что его скоро возьмут в полицию или что-то в этом роде. Но ни Петрашевский, ни Момбелли не могли мне сказать, кто была говорившая со мною; я полагал, что это была порядочная женщина, судя по манерам и по французской речи. Тогда Петрашевский мне сказал: „Я узнаю, кто это был; а со мною говорила, кажется, девка Милютина или (он назвал еще какую-то фамилию, мне вовсе неизвестную и которую я не могу вспомнить); но они обе не знают французского языка, стало быть, с вами говорила другая“.

³⁶ Возный А. Ф. Указ. соч. С. 49.

³⁷ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 432.

Тут же Петрашевский прибавил: „А вот если я узнаю, кто это такая и кто ей разболтал, тому скажу, что это подло, что он становится косвенным образом доносчиком“». ³⁸

Далее Пальм добавил, что Петрашевский не мог ему поручать переговоры с Милютиным: он, Пальм, с ним не знаком (видел однажды на именинах Петрашевского). Святая (пасхальная) неделя длилась в 1849 г. с 3 по 9 апреля. Горничная Милютиных вполне могла проведать правду о будущих арестах: ее хозяева были связаны родственными и служебными узами с самыми высшими бюрократическими слоями Петербурга. Но кто была таинственная маска, предупреждавшая Пальма? Можно назвать лишь один из возможных вариантов — кто-либо из сестер Жадовских, Юлия или Клавдия Валерьяновны: с ними был знаком Катенев, свободно излагал им свои воззрения, и они советовали ему быть осторожнее, уехать на время в Москву и даже написать верноподданническую статью для отвода глаз. В целом же Катенев очень восторженно отзывался о сестрах Жадовских как о «своих». Между прочим, Жадовские одно время снимали квартиру у Петрашевских.

Еще одна тревожная информация — Катенев передавал агенту Наумову 19 апреля 1849 г. слова В. Р. Зотова: «...о собраниях Петрашевского есть слух, что их скоро прекратят и самого Петрашевского сошлют в деревню с воспрещением выезжать в столицу». ³⁹

Расходившиеся по столице слухи, да и сам радикальный дух, царивший в кружке, пугали слабых, некоторые знакомые Петрашевского, боясь за свое будущее, прекращали посещение его вечеров. Живший на квартире у организатора «пятниц» Барановский стал запирается на ключ в своей половине квартиры, благо что из этой части был особый выход. Прекратили посещение кружка В. Р. Зотов, Ап. Майков, В. В. Толбин.

Не в оправдание их поведения, а объясняя психологические основы таких поступков, подчеркнем, что Петербург и Москву в свете правительственных репрессий после февраля 1848 г. обуяла атмосфера страха.

---

³⁸ Там же. С. 279.

³⁹ ЦГВИА. . . Ч. 3, л. 145 об.

Друг Белинского и Герцена П. В. Анненков поспешил на несколько лет удалиться в деревню. В. И. Даль по одному намеку министра Л. А. Перовского прекратил свои петербургские «четверги», на которых собирались чуть ли не все столичные литераторы, и сжег громадного объема дневники-записки за 15 лет (невосполнимая потеря для русской культуры!); как ни уговаривал его Перовский остаться, но Даль настоял на служебном переводе из Петербурга в Нижний Новгород, где он тоже засел на много лет. Будущий известный академик-экономист, а в 1848 г. начинающий ученый, К. С. Веселовский прослышал, что за опубликование статьи «Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санкт-Петербурге» в «Отечественных записках», статьи, якобы критически изображающей экономику страны, ему грозит ссылка в Сибирь, и он тотчас же бросил опасную политэкономию и на много лет погрузился в статистику петербургского климата. . .

Тем большего удивления и преклонения перед благородством и мужеством заслуживает поведение большинства петрашевцев: они упорно продолжали собираться по пятницам и достаточно откровенно высказывать свои взгляды. Здесь немалую роль, конечно, играла уверенность в законности собраний и обсуждений, уверенность в неприступности их, но было, наверное, и другое: отвращение к трусости, к немоте, к лакейству, к принципу «моя хата с краю». Это чувство вкупе с любовью к родине, с желанием принести как можно больше пользы отечеству стимулировали стойкость, уверенность, необходимость продолжать свои вечера.

Антонелли сообщил Петрашевскому 27 марта о слухе, что в следующую «пятницу» правительство намерено арестовать всех, а тот, как будто нарочно, поставил в эту пятницу, 1 апреля, свой доклад, самый влободневный, самый широкий, самый острый.

В изложении К. К. Ольдекопа, суть доклада Петрашевского сводилась к следующему: «Дворянство могло бы просить о следующих трех улучшениях: публичном судопроизводстве, освобождении крестьян и свободном книгопечатании, но, по его мнению, более всего полезно первое, потому что им будет пользоваться 60 миллионов, между тем как освобождение крестьян пойдет в удел только 11 миллион(ов); а что же касается до

свободного книгопечатания, то так как в России класс пишущих весьма мал, то и этот вопрос должен идти после других». ⁴⁰

В более подробном изложении Антонелли, Петрашевский, действительно, считал самым первостепенным вопросом судебную реформу (введение адвокатуры и присяжных), принятие которой приведет и к справедливому решению двух других.

Главным оппонентом Петрашевского явился молодой правовед, чиновник Министерства юстиции Василий Андреевич Головинский (1829—после 1874). Он впервые посетил кружок (и был всего еще один раз, 15 апреля), но сразу выдвинулся в число самых ярких и радикальных его участников. Он оспорил основную идею Петрашевского и поставил на первое место освобождение крепостных. По словам Антонелли, «он говорил, что грешно и постыдно человечеству глядеть равнодушно на страдание этих 12 м[иллионов] несчастных рабов . . . Что освобождение крестьян не представляет никакого чрезвычайного затруднения, потому что они сами уже в эту минуту сознают всю тягость и всю несправедливость своего положения и стремятся всячески от него освободиться». Ольдекоп добавлял еще более колоритные сведения: «. . . он с чрезвычайным убеждением описывал быт крестьян, говоря, что более 100 человек ежегодно погибает дворян от их мщенья и что гибель ожидает дворян, если они (т. е. крестьяне. — *Б. Е.*) сами потребуют свободы». ⁴¹

Далее возникает некоторая неясность. В изложении Антонелли Головинский отрицал возможность правительства освободить крестьян по двум причинам: освободив крестьян с землею, правительство не найдет средств заплатить помещикам за потерю; «освободив же крестьян без земель или не заплатив за эти земли помещикам, оно должно будет поступить революционным образом — и след., должно будет действовать само противу себя». ⁴²

На следствии Головинскому предложили пояснить последнее. Он так истолковал свою мысль: освободить

---

⁴⁰ Там же. Ч. 35, л. 1 об.

⁴¹ Цит. по: *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевцы. М., 1965. С. 115—116.

⁴² Дело петрашевцев. Т. 3. С. 426.

крестьян может или правительство своей самодержавной властью, способное в случае волнений или недовольства помещиков применить военную силу (т. е. поступить диктаторским образом), или, что предпочтительнее, — может дворянство, но главное препятствие последнему — себялюбие (т. е. корысть) и незнание экономики, непонимание выгод освобождения. Фактически Головинский на допросе не ответил до конца, как же он представляет себе реальный процесс раскрепощения. Из всей совокупности материалов можно сделать такие противоположные выводы: первый (он вытекает, главным образом, из показаний самого Головинского на следствии) — освобождение крестьян с землей и без выкупа должно совершаться правительством, с ущемлением прав помещиков и с применением в случае нужды военной силы; второй — крестьяне сами должны освободить себя; в переходный период может быть установлена власть революционной диктатуры.

А так как Головинский хотя и говорил во время спора не очень однозначно, но чрезвычайно эмоционально (по словам Кропотова, «он начал кричать, горячиться, выходить из себя, вскакивать с кресла» . . .⁴³), то многие без колебаний поняли смысл его предложений именно во втором значении. Петрашевский явно принял рассуждения о насилии как призыв к *революционной военной диктатуре*, ибо в ответе Головинскому, по словам Антонелли, Петрашевский заявил, что в случае установления диктатуры («военного деспотизма») он первый «поднимет руку на первого диктатора», а 15 апреля, через две недели, продолжая спор, он добавил: «. . .нельзя предпринимать никакого восстания, не будучи вперед уверенным в совершенном успехе, что в нынешнее время и невозможно».⁴⁴ Видимо, Петрашевский постоянно размышлял об истории Великой Французской революции и о судьбе декабристов, об их планах восстания, о диктатуре и т. д., и поэтому слово «диктатура» у него невольно вызывало ассоциацию с восстанием и с деспотизмом. В начале февраля 1849 г. в разговоре с Антонелли на спровоцированный агентом вопрос о декабристах Петрашевский подробно объяснил, что главными ошибками предшествен-

⁴³ ЦГВИА. . . Ч. 47, л. 7.

⁴⁴ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 428, 435.

ников было малое число участников и спешка в организации восстания; важно, считал он, агитировать и организовывать всю массу народа: когда масса поднимется, правительство ничего не сможет с ней сделать; а «главное, не нужно спешить, но должно действовать осторожно, исподволь, и все полагать на время».⁴⁵

Трое допрашиваемых на следствии утверждали, что Головинский призывал к активности народа и даже к крестьянскому восстанию.

Филиппов: «Головинский заметил, что крестьяне, доведенные до крайности, могут сами потребовать свободы, что им нетрудно внушить, как противоестественно их отношение к помещикам, и что они сами понимают и чувствуют тягость своего положения».

Григорьев: «Головинский предполагал одну меру только, восстание самих крестьян».

Пальм: «Он говорил очень горячо и сказал, что для освобождения крестьян все меры хороши».⁴⁶

Но наиболее потрясающий текст преподносит в бесцензурных воспоминаниях Львов. Петрашевский санкционировал эти воспоминания, поэтому они представляют собой достаточно весомый аргумент (хотя Львов и ошибался в ряде мелких случаев). В ответ на сомнения Петрашевского, пишет Львов, Головинский горячо возразил: «. . . крестьяне не могут сносить долее своего положения, они готовы восстать!» — «Неужели вас может прельщать перспектива пугачевщины?» — заметил ему Львов. «Или вы желаете, — сказал Петрашевский, — чтобы власть перешла в руки попов — другого образованного сословия после дворян?»⁴⁷ — «Нет! — возразил Головинский. — Крестьянам надо диктатора, который бы повел их!» — «Как! — прервал его Петрашевский тихим, но твердым голосом, — диктатора! который бы самоуправно распоря-

---

⁴⁵ Там же. С. 395.

⁴⁶ Там же. С. 140, 243, 272.

⁴⁷ Это самое непонятное место в споре. Имел ли Петрашевский в виду диктаторов-разночинцев (из поповичей)? Или просто речь шла об угнетении крестьян духовенством? Скорее — последнее. Интересно, что в докладе Головинского упоминался термин «деспотизм духовный», и следственная комиссия неоднократно спрашивала присутствовавших на вечере 1 апреля: что под этим подразумевалось? Григорьев ответил: «. . . я полагаю, что он разумел влияние, которое имеет духовенство над крестьянами» (Дело петрашевцев. Т. 3. С. 243).

жался! Я ни в ком не потерплю самоуправства, и если бы мой лучший друг объявил себя диктатором, я почел бы своею обязанностью тотчас же убить его».⁴⁸

Сам Головинский на допросах решительно отрицал подобное, настаивая на своей правительственной версии. Так как он и по ряду других пунктов (подробности о вечерах у Дурова—Пальма) разошелся в показаниях с допрашиваемыми, то это очень раздражало следственную комиссию. Дубельт записал в журнале 23 июля: «Он так бессовестно упорен, что возбудил даже изумление комиссии, до такой степени, что его нечистосердечие и упорство определили записать в журнал».⁴⁹ Об упорстве Головинского было сказано и в судебном приговоре.

Трудно теперь точно восстановить истину: что же предлагал в действительности Головинский. Думается, что революционный путь и революционную диктатуру он явно имел в виду, наряду с возможностью освободить крестьян сверху.

В целом же выступление Головинского 1 апреля имело громадное историческое значение. Фактически впервые при николаевском царствовании в публичном собрании прозвучала социально-политическая угроза — немедленно освобождайте крестьян с землею и без выкупа, иначе они сами себя освободят!

После бурного вечера 1 апреля в следующую «пятницу» 8-го было мало посетителей (всего, с хозяином, 10 человек) и докладов не было. Петрашевский и Ястржембский анализировали труды Фурье и Прудона, отмечая достоинства и недостатки их учений.

15 апреля собралось 22 человека. Продолжался спор между Петрашевским и Головинским. Ахшарумов наивно предложил компромисс: «. . .вопрос[ы] о судопроизводстве и освобождении крестьян должны разрешиться в один и тот же день».⁵⁰ Главным событием дня было чтение Достоевским переписки Белинского с Гоголем в 1847 г., идейным стержнем которой было знаменитое письмо критика. Оно «произвело общий восторг», «общество было как бы наэлектризовано», — писал Антонелли. Даже доносчика проняло — письмо

---

⁴⁸ Литературное наследство. Т. 63. С. 174.

⁴⁹ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 6.

⁵⁰ Там же. С. 435.

«действительно интересно и прочесть его необходимо, потому что я, сознаюсь, передал его весьма слабо».⁵¹

22 апреля состоялась последняя «пятница». На ней было 14 человек. Речь произнес Петрашевский, посвятив ее современной русской литературе. Он упрекал писателей за недостаток образованности, противопоставлял им западных литераторов, ставил в пример успех романов Сю и Жорж Санд, призывал активнее воздействовать на публику современными идеями. Его поддержал затем Баласогло, сетуя, что Дуров и Достоевский, посещающие собрания уже три года, «не читали ни одной порядочной книги, ни Фурье, ни Прудона, ни даже Гельвециуса». Баласогло не совсем был прав: Достоевский по крайней мере Прудона читал, но важно общее направление взглядов и высказываний петрашевцев, предвещающее дух 60-х годов: пафос идейности литературы, необходимость методологической подкованности писателей и т. д.

Петрашевский ратовал также за организацию журнала на акциях. Это его давнишняя мечта: он ведь еще в юные годы мечтал о своем периодическом издании и впоследствии не оставлял надежды на журнал. Литератор В. В. Толбин, не очень часто посещавший «пятницы», был привлечен к допросу в следственную комиссию по делу петрашевцев и дал такое интересное показание: «Участвовал в журнале „Финский вестник“. Петрашевский хотел купить у него право и потому приглашал меня к себе».⁵² Показания Толбин записывал в тетрадь, волнуясь и спеша, поэтому текст внешне выглядит весьма безграмотным стилистически, но смысл понятен: Толбин участвовал в «Финском вестнике» Ф. К. Дершау, а Петрашевский хотел купить у издателя его журнал и с этой целью приглашал Толбина к себе — то ли для выяснения как осуществить покупку, то ли для приглашения к будущему сотрудничеству. Ясно одно — Петрашевский намеревался приобрести свой журнал. О том же говорил в своих показаниях следственной комиссии А. Н. Плещеев: «Петрашевский имел намерение войти в долю или взять совсем журнал „Финский вестник“, издававшийся г. Дершау; я надеялся помещать туда статьи мои, но

⁵¹ Там же. С. 435.

⁵² ЦГВИА. . . Ч. 91, л. 8.

это дело между г. Дершау и Петрашевским не сладилось, не знаю, почему, кажется, по денежным отношениям».⁵³

Предлагал издавать журнал совместными усилиями и Ханыков. В беседе с Петрашевским, Дебу, Кашкиным Ханыков в ответ на вопрос: как осуществить систему Фурье в России — отвечал: «...нам нужна публичность; купимте журнал и займемся разработкой русской истории и, найдя (найдем? — Б. Е.) в ней авторитет народный, например авторитет Петра Великого, в современном понимании реформы которого, мне кажется, заключается вся будущность России».⁵⁴

Об идее издания журнала петрашевцев на паях полицейский агент Наумов слышал от В. П. Катенева и А. Д. Толстова; редактором намечался В. Р. Зотов.⁵⁵ Последний, впрочем, на допросе отрицал свое участие в таком замысле.⁵⁶

Возникали у петрашевцев и другие издательские планы, например, Спешнев совместно с Н. Я. Данилевским намеревался выпустить «Энциклопедию естественных и исторических наук», но дальше предположений дело не пошло. О замыслах организовать собственные литографию и типографию речь будет ниже. Постоянно был полон разных издательских планов Баласогло. Всем этим замыслам, увы, не суждено было осуществиться.

На вечере 22 апреля обсуждались также, в продолжение прежних споров, проблемы цензуры. Петрашевский, как и в своих выступлениях 1 и 15 апреля, отводил цензурным делам второстепенную роль, будучи уверенным, что «ценсоров можно пробудить от усыпления, представляя истину за истину, и что тогда не может быть, когда весь свет принимает $2 \times 2 = 4$, чтобы они одни говорили 5». Петрашевский не учитывал, что «пять» могли говорить и более высокие сановники, способные приказать цензорам ни в коем случае не пропускать истину, и что дрожащие за свое место чиновники вряд ли вняли бы голосу правды. Дуров возражал Петрашевскому и предлагал, так сказать, «не-

---

⁵³ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 261.

⁵⁴ Там же. С. 25—26.

⁵⁵ ЦГВИА. . . Ч. 119, л. 362 об.

⁵⁶ Там же. Ч. 86, л. 31.

красовский» путь: «. . .на ценсоров не должно действовать убеждением, но обманом, воровски, так чтоб из множества идей хоть одна да проскочила . . ., обязанность редактора журнала быть в дружбе со всеми цензорами и властями, имеющими влияние на журнал. . .». ⁵⁷

Вечер кончился около трех часов ночи. Петрашевцы разошлись по домам, чтобы через какой-нибудь час-два встречать незваных гостей, жандармских офицеров, приехавших их арестовывать. . .

---

⁵⁷ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 442

ДРУГИЕ КРУЖКИ ПЕТРАШЕВЦЕВ

Вокруг кружка Петрашевского образовалось немало более частных кружков, которые тоже приобретали весьма радикальный характер. Но не все они были долговечны.

Самая ранняя из образовавшихся «дочерних» групп (начало 1847 г.) — кружок В. Н. Майкова—В. А. Милютина, куда входили М. Е. Салтыков, студент Р. Р. Штрандман (соратник Майкова по «Карманному словарю. . .»), будущий знаменитый критик В. В. Стасов и еще несколько человек. Их разногласия с Петрашевским возникли по поводу тематики выписываемых из-за границы книг (на общие деньги: петрашевцы, как уже говорилось, организовали складчину для создания коллективной библиотеки). Петрашевский настаивал на приобретении трудов европейских социалистов, а группа Майкова, особенно в лице молодого юриста В. А. Милютина, интересовалась политической экономией и более конкретными вопросами, например проблемами борьбы с преступностью. К тому же, несомненно, влияла и психологическая несовместимость: строгим и четким кабинетным мыслителям типа Вал. Майкова были, наверное, неприятны эксцентрические стороны характера Петрашевского, его несобранность, разбросанность. Группа просуществовала недолго: летом 1847 г. утонул Вал. Майков, вдохновитель и организатор кружка, а в апреле 1848 г. был сослан в Вятку Салтыков.

Позднее «отпочковалась» от петрашевцев и группа кружок С. Ф. Дурова—А. И. Пальма. Сергей Федорович Дуров (1816—1869) — выходец из бедных дворян, с 18-летнего возраста вынужденный тянуть чиновничью лямку и подрабатывающий себе на хлеб рассказами и очерками, был довольно известным поэтом. Сын лесничего и крестьянки, Александр Иванович Пальм

(1822—1885) тоже печатал стихи и прозу в литературных журналах. Будучи писателями, поэтами, Дуров и Пальм несколько тяготились социально-политическими и экономическими интересами, господствовавшими в кружке Петрашевского и решили в конце 1848—начале 1849 г. организовать свой кружок, который был бы литературно-художественно-музыкальным. Кроме того, Дуров, видимо, неуютно чувствовал себя при многочисленном скоплении «чужой» публики у Петрашевского.

Кружок Дурова был организован на паях, со взносом по три рубля серебром в месяц — на ужины и на прокат рояля. В числе посетителей были, помимо организаторов и хозяев (вечера проходили на квартире Дурова, где проживал и Пальм), — братья Федор и Михаил Достоевские, братья Евгений и Порфирий Ламанские, литератор А. П. Милюков, поэт А. Н. Плещеев, чиновник Н. А. Мордвинов, гвардейские офицеры Н. П. Григорьев, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львов, студент П. Н. Филиппов и Н. А. Спешнев. Последних двух ввел в кружок Достоевский.

Всего состоялось, судя по черновым записям Пальма, не меньше пяти вечеров, а по его показанию следственной комиссии — семь («Милюков был все семь вечеров»).¹

Первые вечера в самом деле были художественными: читались литературные произведения участников, исполнялись музыкальные произведения, рисовались карикатуры, но потом и эти собрания стали приобретать социально-политический оттенок, сближавший их с «пятницами» Петрашевского. По мнению П. И. Ламанского, «вечера Дурова приняли политическое направление. . . по предложению Филиппова и Момбелли». ² Так оно, вероятно, и было.

Не сохранившееся следственное дело Филиппова компенсируется частично кратким изложением показаний обвиняемого в судебном приговоре. Филиппов показал, что на собраниях Дурова «читал Момбелли рассуждение о том, что все они более или менее с одинаковым направлением и образом мнений должны теснее сближаться между собою, дабы под влиянием друг

---

¹ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 84/28, № 55 (дело петрашевцев). Ч. 101, л. 39.

² Дело петрашевцев, М.; Л., 1951. Т. 3. С. 327.

друга тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, а сам он, Филиппов, предлагал заняться общими силами разработыванием статей в либеральном духе, относящихся к вопросам, которые касаются до современного состояния России в юридическом и административном отношениях. Развивая эту мысль, он, Филиппов, довел ее до последней крайности и сказал, <что> каждый из нас должен не только не скрывать своих мнений, а, напротив, всегда и везде поддерживать их смело и открыто; что, рассматривая различные стороны нашей общественной жизни и убедившись в возможности некоторых начал ее, должно вменить себе в обязанность распространять свои мнения и представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов, все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации. Вообще разговоры на собраниях у Дурова принимали чисто либеральное направление, которое и сообщало этим собраниям характер политический; говорили там также, что учителя в учебных заведениях должны стараться читать сколь возможно в либеральном духе».³ Интересно, что идея Момбелли об организации общества единомышленников, проводимая им у Петрашевского, пропагандировалась и здесь, в кружке Дурова.

Из других выступлений социально-политического характера на вечерах у Дурова известен либеральный доклад А. П. Милюкова о цензуре и крепостных крестьянах. Сам автор резюмировал его на следствии так: «То, что причиной упадка литературы не был недостаток талантов, но произвол цензоров, слишком строго распорядившихся сочинениями. То, что постоянная мысль правительства было освобождение крестьян, между тем как вообще полагают противное. Способов к распространению этих мыслей не находили никаких, кроме обыкновенных разговоров. Целью распространения первой мысли полагали то, что цензоры, слыша ропот, будут строже сообразо<вы>ваться с уставом, а не поступать произвольно. Целью распространения второй мысли считали то, чтоб вразумить других, что само правительство желает этого и чтоб сами помещики смотрели на это дело иначе».⁴

---

³ Там же. С. 194.

⁴ ЦГВИА, . . Ч. 401, л. 17.

На собраниях у Дурова читались произведения явно нецензурного характера. Плещеев, уехавший в середине марта в Москву, прислал оттуда Дурову острое письмо, где давались весьма нелестные характеристики московскому высшему обществу, и даже будущий маскарад для царской фамилии изображался иронически; это письмо громогласно зачитывалось на вечере. Одним из главных «преступлений» членов кружка Дурова стал следующий факт: Ф. М. Достоевский дважды зачитал полученное от Плещеева знаменитое письмо Белинского к Гоголю, которое уже тогда приобретало всероссийскую известность и расходилось по стране в копиях. Это чтение стоило потом Достоевскому четырех лет каторги.

На одном из вечеров А. П. Милюков прочитал свой перевод введения к знаменитой в кругах утопических социалистов книге аббата Ламенне «Слова верующего» (она была запрещена русской цензурой, но широко распространялась нелегально). Во введении в духе идей христианского социализма утверждались принципы равенства и братства, подчеркивалось, что Христос как проповедник социалистических идеалов был осужден «архиереями и князьями». Долгие годы перевод считался утраченным, хотя и было известно, что книга переводилась коллективно. Несколько лет назад Ф. Г. Никитина обнаружила в архиве III отделения полный перевод всех 42 глав книги Ламенне (к сожалению, нет введения), сделанный Плещеевым и Мордвиновым. Какой-то отрывок из книги Ламенне и читал на вечере Филиппов.

На заседаниях было решено доставать для ознакомления и другие запрещенные цензурой произведения. Плещеев обещал представить текст драмы И. С. Тургенева «Нехлебник», незадолго до этого (22 февраля 1849 г.) запрещенный к печати.

Член кружка Н. П. Григорьев написал рассказ «Солдатская беседа», абсолютно нецензурный даже и для более либеральных времен XIX в.: помимо страшных картин, изображающих полное бесправие крепостного крестьянина и солдата, рассказ содержал колоритную сцену об избииении самим царем двух солдат. Точно известно, что Григорьев читал этот рассказ на обеде у Спешнева 2 апреля, устроенном специально для членов дуровского кружка. Григорьев дал Морд-

С. Ф. Дуров. Фотография 1850-х гг.

М. Е. Салтыков. Фотография 1860-х гг.

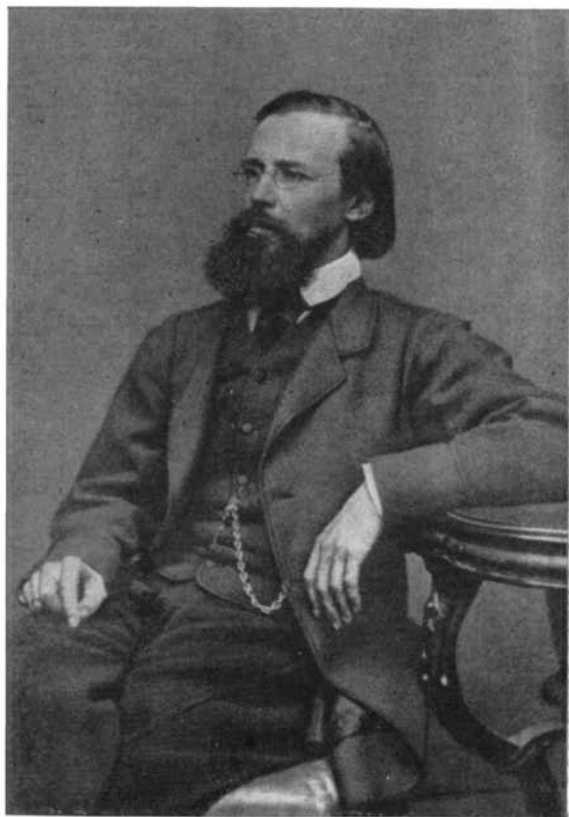

Ф. Г. Толль. Фотография 1860-х гг.

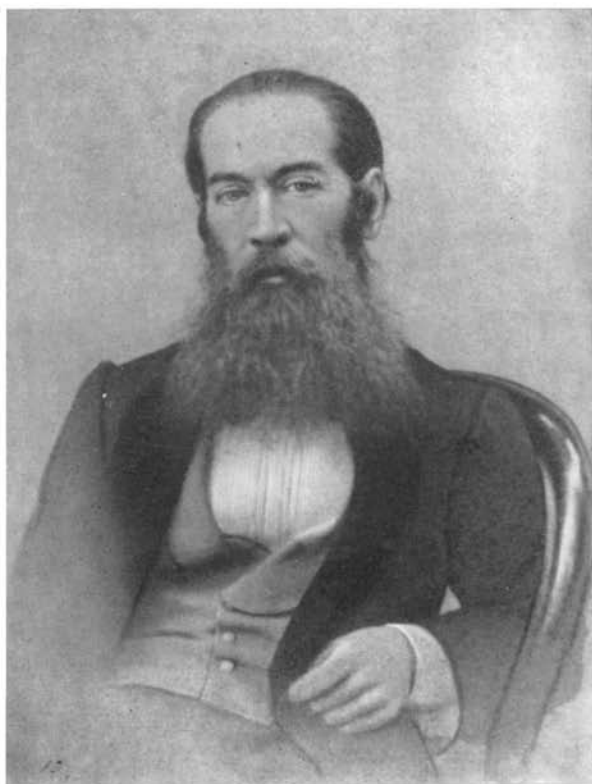
П. М. Дебу. Фотография 1860-х гг.

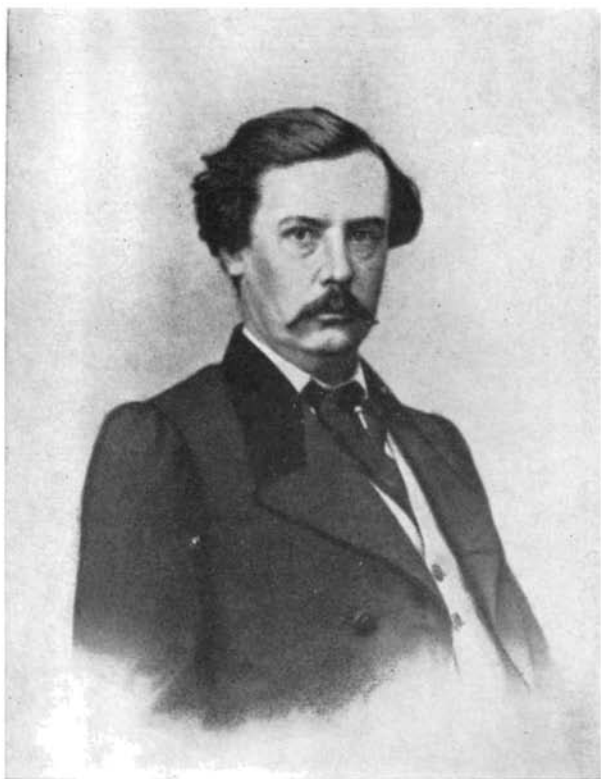
**А. П. Майков. Литографированный портрет
с фотографии 1860-х гг.**

А. И. Пальм. Портрет маслом 1840-х гг.

К. И. Тимковский. Фотография 1860-х гг.

В. В. Толбин. Фотография 1850-х гг.

винову текст «Солдатской беседы» на дом, чтобы тот списал копию (очевидно, было намерение размножить рассказ).

На заседании кружка возникла мысль о необходимости более широкого распространения нелегальных произведений. Дуров показывал на следствии: «Момбелли и Григорьев излагали мысли писать статьи, противные правительству. Распространять же эти статьи предполагалось посредством домашней литографии». Более конкретно сказал Милюков: «Предполагалось печатать сочинения, которые бы разъясняли вопрос о крепостном состоянии и намерении правительства».⁵

Ф. Н. Львов, преподававший химию в кадетском корпусе, предложил свои услуги по созданию литографии. Он рассказал коллегам о литографическом процессе, а в следующий раз, наведя справки, сообщил, что закупка материалов для домашней литографии обойдется приблизительно в 20 рублей серебром; братья Достоевские стали отговаривать общество от заведения литографии, подчеркивая опасность такого пути, и все согласились, что проще каждому желающему переписывать понравившийся текст.

Неизвестна степень активности Федора Михайловича: не исключено, что главным агитатором отказаться от литографирования был осторожный и консервативный Михаил, хотя, впрочем, сам Ф. М. Достоевский брал на следствии инициативу на себя. В таком случае Достоевский проявил себя хорошим конспиратором: отговаривая в довольно пестрой дуровской компании от литографирования, он в узком кругу Спешнева готов был заняться устройством тайной типографии (об этом далее).

Кружку Дурова явно не хватало энергичного руководителя типа Петрашевского или Спешнева. В следственном деле Мордвинова есть интересное показание Григорьева: «Вообще г-н Мордвинов не был из первых. Он и Плещеев молодые, горячие и легко увлекаются. Вот выражение, которое я слышал от одного из самых серьезных социалистов: Вы, т. е. я (разговор был откровенный) и Мордвинов, принадлежите к разряду тех странных сангвинических натур, которые безотчетно увлекаются другими, такие люди не способны

---

⁵ Там же. Ч. 101, л. 23.

руководить».⁶ Уж не Спешнев ли был этим «серьезным социалистом»? Вполне вероятно, что он присматривался к кружку, предполагая составить из некоторых его участников ядро своей собственной организации: Момбелли, Филиппов, возможно — Григорьев и Мордвинов.

Но робкие Дуров и Пальм, очевидно, стали побаиваться нового направления в деятельности кружка, которое фактически ничем уже не отличалось от «пятниц» Петрашевского, разве что малолюдностью собраний. 17—18 апреля организаторы кружка объявили, что следующего вечера не будет. Означало ли это, что они вообще решили прекратить собрания, трудно сказать, так как в ночь на 23 апреля большинство членов кружка было арестовано вместе с другими петрашевцами.

Зато А. Н. Плещеев явно намеревался продолжать свои вечера, которые он организовал параллельно с деятельностью кружка Дурова—Пальма. С ноября 1848 по февраль 1849 г. у Плещеева собирались друзья: сперва два раза в месяц, затем еженедельно. Круг этот в основном известен по вечерам у Дурова: Достоевские, Пальм, Дуров, Щелков, Мордвинов, Спешнев, Момбелли, братья Ламанские; из новых — посетители кружка Петрашевского В. А. Милютин, Н. Я. Данилевский, В. А. Головинский, а также бывшие лицеисты экономист В. П. Безобразов и чиновник А. В. Пальчиков. Читались у Плещеева, как и у Дурова—Пальма, литературные произведения, в том числе и запрещенные. Известно, например, чтение ядовитого фельетона Герцена «Москва и Петербург» (1842), ходившего по России в списках и совершенно нецензурного в течение всего XIX в. Если бы не арест, Плещеев несомненно продолжил бы свои вечера по возвращении в столицу.

В Петербурге с октября 1848 по апрель 1849 г. существовал еще один заметный кружок, в который входили известные нам петрашевцы — это кружок Николая Сергеевича Кашкина (1824—1914). Сын декабриста, Н. С. Кашкин серьезно заинтересовался социалистическими системами, особенно фурьеризмом. Узнав, что его сослуживцы, братья Константин и Ипполит Дебу, посещавшие «пятницы» Петрашевского, знакомы с трудами Фурье, Кашкин пригласил их к себе для совместного изучения и толкования сочинений

---

⁶ Там же. Ч. 107, л. 23.

французского утописта. К Кашкину стали ходить и другие петрашевцы, в том числе студент А. В. Ханыков, молодой чиновник, бывший лицеист Е. С. Есаков и вездесущий Н. А. Спешнев, который был желанным гостем во всех кружках и в самом деле успевал всюду. Из будущих петрашевцев, т. е. из тех членов, которые вначале вошли в кружок Кашкина, а затем уже стали посещать «пятницы», следует назвать Д. Д. Ахшарумова. Еще в кружке участвовали сослуживцы или друзья Кашкина: О. Ф. Отт, А. И. Европеус, Э. Г. Ващенко — всего человек 12.

Собрания были, как и у Петрашевского, еженедельные, но по вторникам. К новому году (1849) в квартире Кашкина поселились приехавшие из деревни родители, ему стало неудобно приглашать к себе единомышленников, и он упросил приятеля О. Ф. Отта устраивать вечера у него, и первые два месяца 1849 г. собрания были перенесены в дом Отта; в марте же несколько вечеров было проведено снова у Кашкина. Главная тема собраний — изучение трудов Фурье, а также дискуссии по научным проблемам. На одном из вторников А. И. Европеус говорил, по словам Ващенко, «о непотребуемости *морали* как науки, лишенной вовсе всякого значения в наше время; завелся спор».⁷ Сам Европеус пояснял: «. . . не об одной морали, а о науках неточных, к которым относил еще политическую экономию и метафизику, делая общее заключение, что эти науки, не имеют определенного объема и содержания».⁸

На следующем вторнике, видимо в развитие мыслей Европеуса, И. М. Дебу говорил «о *политической экономии* как о науке неположительной и фальшивой; опять завелся спор». В духе критических идей утопических социалистов, а также позитивизма О. Конта молодые ученые нападали на установившиеся системы философии и политической экономии как на ненаучные.

Для более основательного изучения научной литературы, как и в кружке Петрашевского, было решено организовать библиотеку из произведений социалистов и политэкономов, со взносом в десять рублей серебром; заведующим ею выбрали К. М. Дебу.

⁷ Там же. Ч. 30, л. 5.

⁸ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 182.

Почему же Кашкин и его друзья, в отличие от группы Дурова—Пальма не собиравшиеся давать кружку литературно-музыкальное направление и интересовавшиеся одной из главных тем кружка Петрашевского — фурьеризмом, не влились в «пятницы»? Тому было несколько причин. Братья Дебу, очевидно, не были удовлетворены весьма пестрым составом посетителей Петрашевского, среди которых можно было подозревать и шпионов, вообще — недовольны большим количеством народу, разноголосицей мнений; кроме того, Кашкин и братья Дебу намеревались, как только еще начинавшие заниматься фурьеризмом, всерьез, научно штудировать труды Фурье, а этим лучше было заниматься в малочисленной компании.

Однако Кашкин и его друзья видались с Петрашевским, обсуждали с ним и фурьеристские проблемы, и дела по организации своей библиотеки из книг утопических социалистов (даже просили Петрашевского помочь в выписке этих книг: он уже поднаторел в общении с соответствующими книгопродавцами, рисковавшими доставать даже запрещенные издания, да и книги ему обходились дешевле: при массовых закупках книгопродавцы делали скидку). Члены кружка Кашкина пригласили Петрашевского на обед, который был организован в день рождения Фурье, 7 апреля 1849 г. В Париже и в других западных центрах фурьеризма, вплоть до городов Северной и Южной Америки, ученики и продолжатели ежегодно отмечали день рождения основателя системы; русские фурьеристы решили не отставать от зарубежных единомышленников. Бывший лицеист А. И. Европеус, серьезно интересовавшийся политэкономией, предоставил для обеда свою квартиру. Из Парижа был выписан портрет Фурье. Участвовали в собрании почти все члены кружка: Кашкин, братья Дебу, братья Европеусы, Ханыков, Ахшарумов, Есаков, Ващенко, а также Спешнев и Петрашевский. Долго прождали «главного» фурьериста Н. Я. Данилевского, который (как потом он показал на следствии) поостерегся явиться, убоявшись развития на обеде «идей социальных или идей политических», а также «противузаконности» самого собрания (конечно, мог бы и предупредить о своем отказе — было бы благороднее!). Поэтому сели за стол в семь часов вечера.⁹

⁹ Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 331.

За обедом были произнесены три речи, превратившиеся в целые доклады.

Первым говорил Ханыков. Речь его отличалась крайностями суждений: чувствуется, что молодой фурьерист страстно увлечен учением, и он подчеркнул в нем в самом деле наиболее резкие, экстремальные идеи. С одной стороны, Ханыков всячески противопоставлял фурьеризм современным социалистическим и коммунистическим течениям как гармоническую систему, способную в фаланстерах примирить угнетателей и угнетенных, а с другой — докладчик требовал разрушить государство, разрушить семью, которая так же деспотична и безнравственна, как и государство; религия тоже объявлялась спутником деспотизма и невежества, ей противопоставлялась наука.

Вторым говорил Петрашевский. Сохранились отрывки, наброски этой речи: поспешность, с которой они писались (сокращения, стилистические несоответствия, не дописанные до конца фразы), заставляет предполагать, что некоторые мысли были занесены на бумагу заранее, а некоторые приходили в голову прямо на обеде — может быть, даже во время речи Ханыкова.

Во всяком случае выступление Петрашевского в какой-то степени явилось полемическим коррективом к речи Ханыкова. Поблагодарив за приглашение, Петрашевский начал с подчеркивания трудностей, стоявших перед русскими фурьеристами: хорошо, что у них имеется основа учения, но необходимо еще «знание действительности», необходимо уметь применять фурьеристские социально-экономические идеи в чрезвычайно трудных русских условиях. Петрашевский как бы сводил своих юных слушателей (впрочем, К. Дебу по возрасту был значительно старше самого Петрашевского) с абстрактных небес на конкретную землю. Любопытно, что Петрашевский в этой речи отрицает утопический характер своего мировоззрения: «Нам, фурьеристам, смотрящим на человека не в отвлечении, но берущим человека таким, как он есть в действительности. . .».

Петрашевскому, видимо, не понравилось противопоставление, которое делал Ханыков между фурьеризмом и социализмом, и он назвал себя и своих единомышленников «социалистами фурьеристского толку». Под социализмом, говорил он, «следует разуметь учение или учения, имеющие целью устройство быта об-

шественного, сделать согласными действия с потребностями природы человеческой». ¹⁰ Петрашевский стремился также соединить, а не разобщить политические проблемы с социальными. В то же время, на фоне острых, задиристых, радикальных речей членов кружка Кашкина выступление Петрашевского выглядело сдержанным, умеренным, трезвым.

Третью речь произнес Д. Д. Ахшарумов. В свою очередь, она была как бы ответом Петрашевскому. Подобно выступлению Ханыкова, она отличалась некоторой абстрактностью и риторичностью, доходящей до крайностей: «Разрушить столицы, города, и все материалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша, великая цель, больше которой не было на земле другой цели». Ох, и достанется потом Ахшарумову от царских судей за разрушение столиц — ведь этот призыв был воспринят как пропаганда революции. Такому толкованию помогали и другие рукописи Ахшарумова, весьма радикальные по идеям. А в самом деле: какими же мирными способами можно было разрушить все города? Но Ахшарумов, как и большинство увлеченных юных фурьеристов, еще не дошел в отличие от Петрашевского до разработки реальных путей преобразования России. Конечно, и Петрашевский был еще достаточно абстрактен в своих представлениях, но он все-таки стремился согласовать идеалы с конкретными жизненными условиями.

Оттенки разногласий и некоторая полемичность выступлений не достигли, однако, открытой противоречивости и недоброжелательства: речи заканчивались аплодисментами и тостами не только в честь Фурье, но и за дружбу и согласие между присутствующими. В заключение несколько слов еще сказали Кашкин и Есаков, а И. Дебу предложил коллективно перевести «Теорию всеобщего единства», одно из главных сочинений Фурье. Все, после некоторых споров, согласились остановиться именно на этом труде. Ващенко предоставил свою квартиру, где почти все участники собрались

---

¹⁰ Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 516—519.

11 апреля. Редакторами перевода были избраны Европеус, Ханыков и И. Дебу.¹¹ Имевшийся у кружковцев экземпляр был разорван на 11 частей, которые с помощью жребия были распределены между ними, и участники пообещали друг другу закончить перевод к августу—сентябрю. Увы, дни фурыеристов на свободе были уже сочтены. Ващенко, дольше других (до 18 мая) остававшийся на свободе, сжег все книги социалистов, в том числе и свою часть для перевода. Недолговечность и относительная камерность кружков Дурова—Пальма, Плещеева и Кашкина способствовали тому, что полицейские и жандармские сыщики не сразу про них узнали.

Особый круг петрашевцев составила группа лиц, как-то связанных с владельцем табачной лавки П. Г. Шапошниковым. Во время следствия на эту группу было заведено общее дело, куда вошли материалы самого Шапошникова, В. П. Катенева, А. Д. Толстова, Г. П. Данилевского, Б. И. Утина, В. В. Вострова. В. И. Семейский написал о них общую статью: «Петрашевцы. Студенты Толстов и Г. П. Данилевский, мещанин П. Г. Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин»,¹² оставив за бортом лишь приказчика Вострова, в самом деле второстепенного персонажа.

Группа эта очень неоднородна по составу, да и многие «содельцы» не были знакомы друг с другом. Данилевский показывал на следствии, что он не знаком с Шапошниковым и Толстовым, а знает лишь по университету Катенев. Утин отрицал знакомство с Шапошниковым и Катеневым, подтверждая лишь связь с Толстовым. Эти показания вполне правдоподобны. Связывающим всех звеном был «треугольник» Толстов—Катенев—Шапошников. Довольно хорошо узнали всех втершиеся в этот круг агенты Министерства внутренних дел Н. Ф. Наумов и В. М. Шапошников (не путать с П. Г. Шапошниковым). Следует также учесть особую связь участников этой группы с кружками Петрашевского; никто из них не бывал на «пятницах»; посещал Петрашевского лишь Толстов, а сам Петрашевский всего три раза за-

---

¹¹ Эти имена названы в показаниях Ханыкова и Европеуса. Ващенко вместо Ханыкова называет, колеблясь («кажется»), Петрашевского, И. Дебу — своего брата Константина.

¹² Голос минувшего. 1916. № 11. С. 5—28; № 12. С. 97—118.

ходил в табачную лавку Шапошникова, очевидно при-
сматриваясь к хозяину, о котором слышался от
Толстова.

Петрашевского не могла не заинтересовать эта в ос-
новном купеческо-мещанская группа лиц: разрабатывая
планы будущих социально-политических деяний, он
большие надежды возлагал на «третье сословие»;
и в плане торгово-промышленного развития России,
и как на источник учителей, агитаторов, действующих
в широких народных слоях, хорошо знающих народ-
ные нужды.

Однако заинтересовались этой группой и совсем
другие инстанции. Подосланный к Петрашевскому агент
Антонелли встретил у него 6 февраля 1849 г. студента
Толстова, «характера до чрезвычайности либерального
и эксцентрического», нападавшего «на нынешний по-
рядок вещей» и ожидавшего его разрушения: «... во
всех действиях правительства столько противоречий и
отсутствия здравого смысла, что для произведения
революции каждый день представляется по несколько
случаев». ¹³ Конечно, И. П. Липранди тотчас же обратил
внимание на это новое имя в донесении Антонелли от
9 февраля. В дальнейшем Липранди использовал для
слежки прибывших 3 марта в столицу его агентов
В. М. Шапошникова и Н. Ф. Наумова, ¹⁴ действовав-

---

¹³ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 397, 398.

¹⁴ Где их откопал Липранди, неизвестно. Выдавали они себя
за дядю и племянника. Василий Макарович Шапошников, 37 лет,
галичский купец 3-й гильдии, обучался в Костромском уездном
училище; Николай Федорович Наумов, 25 лет, галичский ме-
щанин, обучался в галичском уездном училище (ЦГВИА...
Ч. 3, л. 150, 160). Оба были чудовищно безграмотны, особенно
Наумов; наверное, им впервые в жизни пришлось составлять
донесения, письменные тексты; через полтора месяца они не-
много поднаторели, и почерк и стиль стали яснее. Оба, видимо,
обладали хорошей памятью, донесения их очень подробно, до-
статочно нейтральны, отстраненны; лишь в отдельных случаях
Наумов вклинивает собственные оценки, например дается от
себя характеристика П. Г. Шапошникову: «... человек весьма
вредный для общества» (Там же. Л. 122). — Надо сказать, что
Петра Григорьевича многие не любили, а у агентов ненависть
еще увеличивалась от его не скрываемого к ним презрения;
Катенев насплетничал В. М. Шапошникову, что его однофами-
лец считает его «дураком — не более», а самому В. М. Шапош-
никову Петра Григорьевич характеризовал Наумова: «... ничего
не пошимает» (Там же. Л. 125). В самом деле, большим умом оба
агента не отличались, некоторые добавки «от себя» для нас вы-

ших ранее под видом купцов в г. Галиче Костромской губернии.

В. И. Семейский предполагал, что сама поездка агентов в Кострому была уже вызвана донесениями Антонелли о Толстове и о его костромском знакомом чиновнике И. П. Аристове, но даты опровергают это предположение: Антонелли впервые упомянул Толстова в донесении от 9 февраля (об Аристове же вообще у него нигде нет ни слова), а В. Шапошников писал к Липранди 17 февраля из Галича о получении его письма из Петербурга от 8 февраля и о предполагаемой своей поездке в Кострому — 21-го, а затем — в Петербург. К тому же агенты и не уезжали в Костромскую губернию, а находились там длительное время: Наумов по крайней мере несколько месяцев отсутствовал в столице, а Шапошников чуть ли не впервые приехал в Петербург в марте. Их «деятельность» в Костроме была скорее всего связана со слежкой за раскольниками, серьезно интересовавшимися Липранди. Неизвестно, занимались ли они и там купеческими делами, но в Питер они прибыли как торговцы костромским нюхательным табаком. У Липранди, видимо, возникла идея организовать постоянный наблюдательный пункт в одном из двух домов на Покровской площади, принадлежавших матери Петрашевского (там же проживал и сам организатор «пятниц»). Помещений было много, сдавались квартиры для жильцов, внизу была портерная (пивная). И в самом деле, Шапошникову и Наумову очень легко было договориться с домовладелицей о сдаче в наем помещения под табачный магазин. В середине

глядят комично, хотя в те времена они могли иметь для авторов и дурные последствия. Ср., например, следующее обобщение, сделанное Наумовым (он к нему, как и в большинстве донесений, приплетает и второго агента): «Однажды Толстов, говоря со мною о происшествиях за границею, сказал, что все, что в наших газетах об этом пишут — ложь, а правду правительство запрещает вовсе писать. Да и как писать правду, ведь если бы о республике французской написать правду, что там хорошо, то потребуют этого и у нас, да и теперь как бы ни охуждать в наших газетах все, что там делается, но уже никто не верит, а, напротив, верят, что там хорошо, и потому правительство наше и усиливается охуждать. Общее мнение в народе таково, что все, что пишет газета, и есть большею частию ложь, и действительно, я, Наумов, и Шапошников, из разговору по гостиницам заметили, что общее мнение не верит нашим газетам о заграничных происшествиях» (Там же. Л. 121—121 об.).

апреля агенты переехали в дом Петрашевского, но открыть магазин не успели из-за арестов участников «пятниц».

Неясно, предполагал ли Липранди убить сразу двух зайцев с помощью новых агентов: следить за посетителями Петрашевского и одновременно втереться в круг Толстова—П. Г. Шапошникова — или же последнее произошло случайно, по интересу агентов к табачной торговле¹⁵ (с П. Г. Шапошниковым Наумова познакомил Катенев еще в прошлый петербургский период жизни агента, т. е. по крайней мере несколько месяцев назад; с самим Катеневым Наумов был знаком уже «четыре года»).

Ясно только, что первые доносы Шапошникова и Наумова были посвящены исключительно дому Петрашевского и его посетителям. 3 марта агенты приехали в Петербург, а 4-го, в пятницу, они уже сообщают, кто и откуда прибывал к Петрашевскому после девяти часов вечера (очевидно, допрашивали затем извозчиков: откуда везли седоков?). Таковы же донесения агентов от 11 и 18 марта. Видимо, это было главное задание Липранди. 14 марта агенты начали вести переговоры с дворником Петрашевских Алексеем о наличии помещения под табачный магазин.

Попутно же они, наверное, получили задание разведать о Толстове, и тут-то скорее всего помог случай, знакомство Наумова и через него В. М. Шапошникова с П. Г. Шапошниковым. Одно донесение начинается прямо с Толстова, которого не очень грамотные агенты обычно именуют Толстым: «13 марта на Петербургской стороне для узнавания о Толстом, а как с ним в кратких связях один торговец табачный, торгующий на <Большом> проспекте в доме <Семенова> Петр Григорьев. . .»

---

¹⁵ Загадочной выглядит фраза в статье Семевского: «Донесение Антонелли (о Толстове. — В. Е.) было сообщено шефу жандармов гр. Орлову, вследствие чего тот, „видя в Толстове мысли чрезвычайно свободные и нрав до крайности буйный“, приказал „обставить“ его двумя другими агентами — Василием Шапошниковым и Наумовым» (Голос минувшего. 1916. № 11. С. 9). Не спутал ли Семевский Орлова с Липранди? Каким образом гр. Орлов мог в марте 1849 г. включиться в слежку? Возможно, здесь эпизод с вызовом Толстова в III отделение к Дубельту (об этом см. ниже) смешан с планомерной слежкой, осуществлявшейся Липранди.

(в донесениях последний всюду будет называться без фамилии).

Естественно, агенты были заранее настроены на открытие подпольных организаций, а тут, в табачной лавке «Петра Григорьева» им попросту повезло: постоянными посетителями были и Толстов, и Катенев, и сам владелец оказался чуть ли не революционером, да и приказчик его В. В. Востров (он всюду в донесениях фигурирует как Василий Васильев, т. е. опять же без фамилии) тоже выглядел участником нелегальной организации. Самый первый донос, о табачном магазине, посланный В. М. Шапошниковым около 14 марта, написан в гиперболическом тоне и не без удивления: «Чтоб узнать о Толстом, поручил я известному вам, ваше превосходительство (все доносы посылались к Липранди. — *Б. Е.*), Николаю Наумову находиться при нем, который (Наумов. — *Б. Е.*) как хороший знакомый хозяину табачного магазину и у него сидельцу Василью Васильеву, узнал от последнего, что хозяин их хороший знакомый и друг задушевный Толстому и что в магазин к ним прежде был съезд, приятели разные, особы и студенты и переодевшийся военный разговаривали про французскую революцию и просили быть Петра Григорьева членом их общества; сначала он отказывался и, как видимо, очень боялся, а после поступил, о чем очень часто было совещание, а как стали обращать внимание (посторонние? полиция? — *Б. Е.*), то он не стал принимать и в неделю четыре раза уходил на собрание, а к ним приезжал офицер Ханыков,¹⁶ Толстой и неизвестное мне (Вострову? — *Б. Е.*) лицо, фамилия которого от меня скрыта, и каждый из них привозил по выписке из какой-то книги на французском языке и каждую выписку прочитывали и после трактовали, и неизвестный человек говорил им, что кому из ми<ни>стров какой конец и что у них решено ца<ря> и проч<их> цар<ской> фамилии уби<ть> и как, когда и где, но отложено, потому что одного студента из их общества взяли за сочинение стихов и сослали на Кавказ; в ту самую

---

¹⁶ Известны два брата Ханыковых — Яков и Александр, чиновник и вольнослушатель университета, из них петрашевецъм был Александр; офицер Ханыков неизвестен, Востров так, вероятно, называл Александра.

почь; когда взят студент, давали друг другу сведения, чтобы быть осторожным и готовым и отнюдь не забывать своего дела. С того дни идут дела весьма скрыто; Толстой, Ханыков и неизвестная особа в лавке не бывали, но я им (т. е. Василий Васильев) носил от Петра Григорьева письма к Толстому и от него обратно и что и теперь идет совещание, но где, не сказал, а уговаривал Николая Наумова поступить в общество, и он, Василий Васильев, по совету их готов убить с удовольствием. Потом пришли еще некоторые из того числа (какого? — *Б. Е.*) и увезли его, Наумова, в один вольный дом содержательницы Блюм. . .».¹⁷

Такое соседство подпольной революционной организации с публичным домом выглядит фантазмагорической комедией, но агенты всерьез, истово регистрируют все беседы и все факты своей жизни, включая посещение кабаков, театров и увеселительных заведений. Но главное, конечно, не в этом. Если бы реально существовало радикальное политическое общество, вынашивавшее планы цареубийства, то доносы агентов Липранди должны были бы произвести фурор в правительственных кругах. Наверное, однако, Липранди знал, с кем имеет дело, и сам немедленных мер не принял.

В действительности никакого тайного общества вокруг табачного магазина не существовало, оно возникало лишь в мыслях и желаниях ведущих участников группы.

Самыми энергичными, деятельными участниками группы были Толстов и Катенев, правда, участники очень незрелые, чрезвычайно путаные по идеям и целям.

Алексей Дмитриевич Толстов родился приблизительно в 1826 г. (большинство материалов его дела, как и дел Катенева и Шапошникова, не сохранилось), в провинции, вероятно, в дворянской семье, так как в 17 лет окончил гимназию и знал французский язык; некоторое время затем он учился в Московском университете, не сдал экзаменов и остался второгодником

---

¹⁷ В этом доме В. П. Катенев в присутствии многих лиц «провозглашал республику», что тут же было отражено в донесении Наумова; на следствии Катенев отрицал это провозглашение, тогда вызвали г-жу Блюм для допроса, но она к этому времени уже умерла.

(на первом курсе?); после этого, в 1845 г., перевелся в Петербургский университет, на восточный факультет, где и числился студентом весной 1849 г., т. е. или он начинал в Петербурге с первого курса, или снова оставался второгодником (обучение в университетах тогда было четырехлетнее). Характер у Толстова был экзальтированный, страстный, Петрашевский, познакомившийся с ним в начале 1849 г. у Ханыкова, опасался за него: «. . . человек очень умный, но не совсем воздержанный от напитков и чрезвычайно горячий, особенно в спорах, вообще неосторожный, и потому может попасться».¹⁸

Как и большинство петрашевцев, Толстов возмущался современным строем, современным состоянием страны. В относительно обобщенном для следственной комиссии и в то же время путаном изложении откровенных признаний Толстова агент Наумов писал: «Когда я познакомился хорошо с Толстовым, то он зазывал меня к себе, оуждая мне действия правительства, и сказал, что при таком правлении государя народ всегда будет более отягчен и угнетен. Вы сами видите, говорил мне Толстов, что он окружен людьми из негодяев, а что стоит государству содержать их. Россия всем изобильна, а в Сибири золота, серебра и других металлов также большое изобилие, а где оно у нас? Одни бумаги, которые глупые считают за деньги, а умные никогда. Кто имеет капитал, тот в наш банк денег не кладет, а отсылают за границу. Промышленность остановилась. Коммерция в самом стесненном положении. У нас в университете на каждого студента положено 12 к. с «серебром» в сутки, а собаке приказано отпускать по 90 коп. серебром». По окончании курса наук если нет протекции и денег, то все должностные места заняты. А на способности никто не обращает внимания».¹⁹

Главным виновником во всех бедах Толстов называл царя. В исповеди, написанной во время следствия, Толстов честно признавался: «И если не составил положительного, обдуманного в голове плана, как извести царскую фамилию, то не потому, чтоб имел сожаление к ней, а потому, что считал это дело беспо-

¹⁸ Голос минувшего. 1916. № 11. С. 13.

¹⁹ ЦГВИА. . . Ч. 3, л. 162—162 об.

лезным до тех пор, пока не будет приготовлен к этому народ, пока народ не убедится в том, что нет необходимости в царе, что все равно выберут другого, пожалуй. И если, может быть, не совершил бы сам своевольно смертоубийства, то только потому, что в сердце моем еще оставалось несколько капель чистой крови и подобное злодеяние казалось мне слишком кровавым, а если бы нашел человека, способного на это, и если б знал, что я тут не могу попасться, я не преминал его настроить».²⁰

Для большинства петрашевцев чрезвычайно показателен этот — последекабристский — скепсис по поводу результативности цареубийства и опора на народное мнение. Интересно, что Толстов, видимо, вместе с Катеневым внимательно изучал материалы о декабристах и о суде над ними, материалы следствия и суда давали читать Наумову, который доносил об этом: «Толстов мне объяснил: видишь и разумей, что из них некоторые живы, а у других есть родственники, и как ты думаешь, они забыли то, что им сделали? Нет, никогда. Из них многие также будут участвовать и участвуют уже с нами». Толстов преувеличил: кажется, никто из декабристов не стал петрашевцем, но преемственность поколений была прямая (ср. участие сына декабриста Н. С. Кашкина в кружках петрашевцев). А методы возникали совсем другие, не декабристские. Толстов вразумлял Наумова, принимая его за единомышленника: «. . . они (правительство. — *Б. Е.*) думают, что у нас теперь, как прежде, какой-нибудь один полк взбунтуется, и мы будем действовать силою, нет, у нас теперь все иначе, мы действуем не так. Из нас многие отправились внутрь России и действуют на все классы народа».²¹ Прямо, как предтеча народничества! В другой раз Толстов приводит Наумову образный пример: «Представьте, что если сделается пожар в одном месте, потом в другом, третьем, четвертом и так далее, то никакая пожарная команда не в силах будет противустать».

Поэтому же Толстов довольно быстро отказался от предполагавшихся листовок: «Мы было думали распускать для народа разные полулистки, чтоб его

---

²⁰ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 367.

²¹ ЦГВИА. . . Ч. 3, л. 93 об.

паставлять, и разбрасывать их незаметно по гостиницам и харчевням, а после раздумали, потому что это усугубило бы надзор правительства».²² Более результативной им представлялась устная пропаганда, большие надежды Толстов возлагал на единомышленников, выходцев из народа: потому-то его и привлекали, с одной стороны, П. Г. Шапошников с Востровым, а с другой, — появившиеся недавно Наумов и В. М. Шапошников, выдававшие себя за «своих». Наумов доносил Липранди: «Толстой надеется на меня, Наумова, по рекомендации его друзей, что я ему буду полезен в том, что они меня могут приспособить к тому и дать наставления, как действовать на дворовых людей, крестьян и мещан, а в особенности на раскольников». Толстов при Наумове «пропагандировал» извозчика к неповиновению помещику, в другом месте он бранил купца за долготерпение и доказывал мошенничество правительства.

Большую роль отводил Толстов молве, слухам: и как пропагандистским приемам, и как способам проверки народного отношения к фактам. Когда из Москвы пришел слух о бунте, в который мало кто поверил, но тем не менее Толстов активно участвовал в его распространении, то Наумов спросил Толстова и Утина: «. . . для какой же цели распускать эти слухи, если они несправедливы? Оба студента засмеялись, и Толстой сказал: „Э, брат, ты не знаешь и не понимаешь. Этим мы пробуем народное мнение. Вот видишь, как молва будет об этом кричать, то мы и увидим, какое это произведет влияние, чтоб соображать будущее“».²³

А история со слухом о бунте такова. Утин, узнав от знакомой, англичанки Марии Варн, что она слышала у какого-то знатного лица рассказ посетителя о бунте в одной из внутренних губерний, передал этот факт Толстову, тот уже распространил его как сведение о «бунте в Москве» в сопровождении дерзких слов о царе.

Наумов узнал о нем 30 марта, на следующий день по поручению Толстова сообщил об этом Петрашевскому, а Толстова 31 марта уже вызывал инспектор университета, который отвез студента сперва к по-

---

²² Там же. Л. 101 об., 164.

²³ Там же. Л. 121.

печителю М. Н. Мусину-Пушкину, затем к министру народного просвещения гр. С. С. Уварову, а затем к самому Дубельту, который, впрочем, принял Толстова лишь на следующий день, 1 апреля. Видимо, история дошла до Дубельта и от него и исходило требование Толстова к начальству. Толстов подозревал в доносительстве Наумова, на что последний резонно возражал, что так быстро он не мог сообщить Дубельту о событии. Толстов же сам признавался, что он многим лицам говорил о бунте, в том числе и университетским товарищам и профессорам. Всюду у начальства, от инспектора до Дубельта, Толстов отрицал свою причастность к слуху о бунте и, видимо, убедил их. Уваров даже обещал Толстову, что он попросит Дубельта впредь не вызывать студентов прямо в III отделение, а относиться к министру с соответствующей бумагой (впрочем, вряд ли Уваров преуспел в этом: дни его министерства уже были сочтены, вскоре он вынужден будет подать в отставку).

Интересно, однако, что, желая проверить честность Наумова и по крайней мере запугать его на будущее, Толстов развивал перед ним фантастическую картину, которая два десятилетия спустя, увы, будет с некоторыми коррективами реализована группой известного революционера—авантюриста С. Г. Нечаева: Когда Наумов решительно отрицал свое доносительство, Толстов сказал ему следующее: «Через три дня мы непременно узнаем виновного и убьем его, несмотря хотя был <бы> отец или мать, подобно как мы с год тому назад сделали с одним рассказчиком, которому отрезали язык и отрубили руки». На замечание Наумова, каким образом можно это узнать, Толстов сказал: «Мы не только это узнаем, но у нас такая связь, что если бы я завтра сказал Дубельту что-то про наших, то они в тот же час узнают и я исчезну, и потому-то я, несмотря на казнь, какая бы она ни была, никогда не скажу правды и своих не выдам, лучше погибнуть одному, двум, нежели предать целое общество».²⁴

А на самом деле в 40-х годах ни о каких «казнях» предателей и речи быть не могло. Момбелли предлагал ввести следующий пункт в правила приема новичков в тайное общество: «В одном из параграфов приема

---

²⁴ Там же. Л. 117—117 об.

можно включить угрозу наказания смертью за измену: между нами и между теми, которых мы можем принимать, исполнителя не найдется, да и не нужно и бесполезно; но написанная или сообщенная словесно угроза будет еще более скреплять тайну, обеспечивать ее, и недействительность ее должна быть известна только одним основателям».²⁵ В реальности же и до таких угроз дело не доходило.

Правовед Н. П. Балин, одноклассник доносчика Д. Ф. Политковского вспоминал: «Хотя мы и стращали Политковского, что мы ему кости переломаем, но к чести нашей благовоспитанности дальше простых запугиваний мы не заходили. Мне его даже жалко было, но он был противен для меня до невыносимости».²⁶ Одноклассники лишь настояли, чтобы Политковский «исчез» из училища, что тому и пришлось сделать. Подобные чувства испытывали петрашевцы к агенту Антонелли, но они даже не могли настоять на его исчезновении — он открыто продолжал существовать в Петербурге и служить доносчиком. Правда, он заработал на улице оплеуху от выпущенного из крепости П. И. Белецкого (что стоило Белецкому ссылки в Вологду), но не более того. П. А. Кузмин прибег к неоднократно нравственному издевательству над этим дождком: «. . . первые прибывающие в каждое публичное место лица, кроме лакеев, это шпионы . . . отличаются они от лакеев тем, что лакеи в вязаных перчатках и без шляпы, а шпионы в лайковых перчатках и со шляпами в руках. Я бывало нарочно приезжал поране, чтоб видеть впуск шпионов . . . Видал нередко в числе впускаемых и негодяя Антонелли, и должен сознаться, случалось, набирал я знакомых из молодежи и, взявшись с ними под руки, подводил к Антонелли и просил их взглядываться в его наружность, чтоб он не втерся в кружок их знакомств. . .».²⁷ Но Антонелли, видимо, было как с гуся вода — такие не испытывают нравственных угрызений. Воистину был прав Белинский, писавший В. П. Боткину 5 ноября 1847 г.: «. . . подлецы потому и успевают в своих

²⁵ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 369.

²⁶ Петрашевцы и их время в воспоминаниях Н. П. Балина // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 85.

²⁷ Из записок генерал-лейтенанта П. А. Кузьмина // Русская старина. 1895. № 4. С. 77.

делах, что поступают с честными людьми как с подлецами, а честные люди поступают с подлецами как с честными людьми».²⁸

Еще более экзальтированным и деятельным был Василий Петрович Катенев (1830—1856), петербургский мещанин, сын почетного гражданина. Он учился в коммерческом училище, затем в Ларинской гимназии, но курса не кончил. С 1846 г. — вольнослушатель юридического факультета Петербургского университета, журналист, очеркист.

Катенев очень много беседовал с агентом Наумовым, надеясь, видимо, на воспитание его в революционном духе, поэтому записи-донесения Наумова об этих разговорах дают богатый материал для мировоззренческой и психологической характеристики Катенева. Следует, конечно, учитывать, с одной стороны, некоторую хлестаковщину «учителя», желание Катенева порисоваться,²⁹ с другой — желание Наумова выслужиться, подчеркнуть крамолу в словах и делах объекта наблюдения. Естественны для юного вольнодумца антирелигиозный пафос пропаганды и ненависть к монархическому режиму. Несколько необычны мотивы ненависти и раннее ее возникновение.

18 апреля собеседники, находясь в трактире, наблюдали за окном большую похоронную процессию, и Катенев «вспомнил, как он, будучи 13 лет, видел раз такую точно толпу на Елагином острове во время гулянья, и кричали ура, когда проезжал государь, что он тогда уже получил ненависть к царю и поклялся в душе отомстить ему за это и довести до того, чтобы и ему, Катеневу, также кричали ура».³⁰

Катенев еще напускал на себя маску романтического злодея.

Из донесения Наумова о встрече 8 апреля: «Я спросил Катенева, отчего он так грустен. Жажду крови, — отвечал Катенев, и жажду до такой степени, что готов

²⁸ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 412.

²⁹ Желая подчеркнуть свою приверженность к французской республике, Катенев нарочито одевался «как республиканец». Наумов описал этот костюм: «... в белых с большими клетками брюках, в белой круглой шляпе, желтом жилете, черном сюртуке и толстой палке с набалдашником одного из революционеров Франции» (ЦГВИА ... ч. 3, л. 132 об.).

³⁰ ЦГВИА. ... ч. 3, л. 145.

зайти в цирюльню, чтоб увидеть там чашки две крови, что в подобном расположении вызывался даже убить императора и изъявлял этот вызов в магазине Петра Григорьева, при нем и Толстове, которые этому смеялись. Я чувствую, что во всю мою жизнь не сделал я ничего доброго, но стремился к злодеяниям. Отец, мать и все семейство меня отвергают, я чувствую приближение смерти, которая не иначе должна последовать, как от виселицы или топора».³¹

Слух о бунте в Москве или за Москвой, с добавлением уже самим придуманного сведения об убийстве при этом царя, находившегося тогда в Москве, Катенев намеревался распространить во время петербургских маскарадов по случаю пасхи: для широко употреблявшихся на маскарадах лотерей-аллегри Катенев предполагал заготовить по форме лотерейных билетов несколько десятков или даже сотен листков с сообщениями о бунте и об убийстве царя и разбросать эти листки или раздарить знакомым; в акции должен был принять участие и Наумов. Идея не была реализована по нескольким причинам, из которых, видимо, наиболее серьезная — решительно отговаривал от такой операции Г. П. Данилевский, подчеркивая бесполезность и опасность затеи. Интересно, что в кругах петрашевцев замыслы Катенева приобретали еще более радикальный вид. В. Энгельсон в своей статье о Петрашевском истолковал идею таким образом, что на маскараде 21 апреля на билетах лотереи будут написаны призывы к восстанию, и государь тут же будет заколот кинжалом.

Мечтая о будущей революции, Катенев составил план Петербурга, с обозначением узких проездов: «Нам нужно это для построения баррикад; чем тесней улицы или переулки, тем удобней для действий, потому что в тесной улице или переулке можно действовать из окошек, бросать все, что ни попадет, и даже обливать кипятком, если б вздумалось пустить солдат нас забрать. А что удобные места нашли только в переулках Васильевского острова, Сенной площади и около Владимирской церкви». Узнав, что Катенев намеревается выкупить у ростовщика заложенное студентом Куприяновым духовое ружье, Наумов поспешил сам

---

³¹ Там же. Л. 128.

купить это оружие и приложил его к очередному донесению.

Катенев был горячим пропагандистом, умел разговаривать с народом (вероятно, более результативно, чем Толстов).

Из донесения Наумова о встрече с Катеневым 10 апреля: «. . . он мне рассказывал, что вчерашнего числа он с извозчиком Федотом и братом Федота Михаилом пили чай в Русском трактире, где Катенев, выдумывая на императора разные клеветы и всячески его ругая, довел извозчиков до такого раздражения, что и они вместе с ним согласовались».³² Катенев интересовался раскольниками, выспрашивал о них Наумова, намеревался специально поехать в Москву для общения с раскольничьими кругами.

Для пропагандистских целей Катенев замышлял организовать на акциях по 150 рублей ассигнациями свой журнал (или газету), которую может возглавить В. Р. Зотов, тогдашний редактор «Литературной газеты». Катенев, очевидно, питал к Зотову почтение как начинающий писатель-очеркист; расписывая Наумову мифический «Клуб ламартинистов», якобы тоже подпольный кружок, отличный от петрашевцев («. . . в нем нет ни военных, ни разночинцев, кроме писателей»), Катенев сделал Зотова членом этого клуба. Следственная комиссия долго потом допытывалась у Зотова, да и у других допрашиваемых: что это за клуб? Имя Ламартина тогда было у всех на устах, он ведь был не только выдающимся поэтом, но и довольно бесславно закончившим в бурные месяцы 1848 г. свою политическую карьеру главы республиканского правительства (у Г. П. Данилевского портрет Ламартина висел на стене вместе с другими знаменитыми деятелями эпохи революции), поэтому Катенев и назвал его именем свой фантастический клуб.

Был ли Катенев вполне нормальным? Некоторые записи-донесения Наумова настолько странны, что заставляют предполагать следующие варианты: или Катенев был достаточно невежественным во многих гуманитарных областях (но желал, однако, показывать свою образованность!), или он откровенно разыг-

---

³² Там же. Л. 144, 173.

рывал явно уж невежественного Наумова; или он в самом деле был умственно не совсем здоров.

Приведем следующие примеры.

Обсуждая с Катеневым газетную статью, где выражена мысль, что главное в государстве не форма правления, а идеи, Наумов спросил: «Что такое форма и идеи?» Катенев растолковал, что «форма означает правление монархическое, а идеи — республиканское».

Об учителе французского языка Флене: «Я спросил, к какой он принадлежит партии, и Катенев сказал: „К нашей, да иначе и быть не может, потому что он француз и учился в той же школе, где и Наполеон, то как ему не быть нашим“».

«Катенев еще говорил мне, что берет два лучшие пистолета у Ивана Васильева (ростовщика-торговца. — *Б. Е.*) и велел ему приготовить несколько пуль и фунт пороху, которые сей последний и обещал на днях ему доставить. На вопрос мой, для чего ему все это, Катенев отвечал: „Чтобы всегда были в готовности пистолеты, и когда пришлют за мною от Дубельта бумагу, то я явлюсь к нему с пистолетами, и если меня посадят, то я вместо ответа убью себя. Смотри же, — продолжал Катенев — если я пропаду и дня три не буду, ты Расскажи всем знакомым, что я убил себя у Дубельта“». ³³

Вполне возможно, что все три предполагаемых варианта имели место, но некоторая ненормальность чувствуется в этих мыслях и поступках. Во время следствия болезнь Катенева усилилась, он был признан помешанным, отправлен в больницу, где и скончался через несколько лет. Многие яркие и необычные черты характера и склада ума Катенева предвещают будущих персонажей Достоевского, особенно из романа «Бесы».

Самым молодым участником описываемой группы был Борис Исаакович Утин (1832—1872), выходец из торговой еврейской семьи (отец, купец 3-й гильдии, служил в Архангельске комиссионером у откупщика Мясникова). Младший Утин был православным, окончил в декабре 1848 г. Петропавловское немецкое училище в Петербурге и готовился к поступлению на юридический факультет Петербургского университета. Жил он в своеобразном частном общении

³³ Там же. Л. 129, 173, 176—176 об.

(шесть-семь студентов снимали отдельную квартиру), но, кажется, его сожители особым радикализмом не отличались и в круги петрашевцев не входили. Больше всего Утин дружил с Толстовым, через последнего с ним познакомился и Наумов, который в своих донесениях, как правило, именуется Утина «студентом». Из донесений вырисовываются некоторые колоритные детали, характеризующие взгляды Утина.

1 апреля, после вызова Толстова к Дубельту по поводу распространения слухов о бунте и брани по адресу императора, Наумов, безуспешно ища Толстова, забрел к Утину, который только что с ним виделся. «Я спросил Утина, — доносил Наумов, — о чем же спрашивали Толстого. „Только о бунте, — отвечал Утин, — о порицании государя — об этом не спрашивали, потому, конечно, что все благомыслящие люди знают, что государя везде ругают и все недовольны, да нечего об этом и спрашивать“». ³⁴

В другой раз 12 апреля Наумов застал Утина «читающего какой-то французский журнал, в котором он, показав вырезанную статью о России, ³⁵ сказал: «Как глупо наше правительство! Статью вырезает, а заголовок оставляет». ³⁶

При аресте у Утина были отобраны рукописи: перевод из брошюры Ф. Фейербаха (брата знаменитого философа) «Религия будущности» (популярное изложение фейербахских идей о замене христианства культом человека: «Религия будущности есть не что иное, как вера в справедливость естественного стремления к счастью, вера в силу человеческой природы. . .»), а также школьное сочинение самого Утина «В чем должна заключаться идея истории литературы вообще и русской в особенности». Наиболее существенные мысли сочинения заключаются в следующем: «Из истории литературы больше чем из всякой другой истории узнаем мы внутреннюю жизнь народа . . . Только Пушкин,

---

³⁴ Там же. Л. 119.

³⁵ По разысканиям В. И. Семева, имеется в виду заметка «Россия» из парижского еженедельника «La semaine» за 1 апреля 1849 г., № 13 (см.: Голос минувшего. 1916. № 12. С. 111—112), послужившая, по предположению В. А. Энгельсона, одним из толчков, повлиявших на решение Николая I немедленно произвести аресты петрашевцев.

³⁶ ЦГВИА . . . Ч. 3, л. 136 об.

Грибоедов, Лермонтов, и, наконец, Гоголь проявляют собою народный гений. Они служат залогом нашей будущности, которая, по всем данным, должна казаться утешительной. В самом деле, направление, данное Гоголем нашей литературе, всеобщий дух исследования, анализа и критики, журнальная деятельность, живое участие, с каким общество встречает каждую новую идею, — все показывает, что силы наши пробуждены и что мы с ними можем сделать при благоприятных внешних обстоятельствах».³⁷

В противовес Толстому и Катеневу Утин отличался осмотрительностью и осторожностью. Первое время он явно не доверял Наумову (когда последний 31 марта пришел к Утину в поисках Толстова, тот хотел отделаться незнанием, но случайно вышедший из комнаты Толстов выдал себя), да и в последние недели он не очень с ним откровенничал, поэтому для суда он дал слишком мало материала. На следствии он тоже вел себя крайне осторожно, взвешивал каждое слово, если можно было, то опровергал обвинения фактами (утверждают, что говорил о недовольстве крестьян? клевета, в Архангельской губернии крестьяне очень зажиточны), и вообще в ответах Утина на вопросы следственной комиссии большую роль играет частица «не»: «не знаком», «не говорил», «не слышал», «при мне говорено не было», «не делалось» и т. п. Эта осторожность и отсутствие реальных обвинений помогли Утину, он был освобожден из крепости 26 сентября 1849 г.

Самым старшим из главных деятелей описываемой группы был Петр Григорьевич Шапошников. Ровесник Петрашевского (родился в 1821 г.), он смотрел на окружавшую его молодежь несколько свысока («мальчишки!»), вообще он отличался повышенным самомнением. Московский мещанин самоучка (в Петербург Шапошников перебрался в 1847 г.), он жадно тянулся к знаниям, посещал университетские лекции, усиленно читал. Наумову он давал на дом перевод поэмы Вольтера «Естественный закон» и немецкую книгу И. Голуховского «Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека» (СПб., 1834), переведенную известным шеллингианцем профессором Д. М. Велланским.

---

³⁷ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 337—338.

Когда Шапошников вместе с другими петрашевцами уже сидел в Петропавловской крепости, Липранди доносил Дубельту о результатах добавочного обыска в квартире подследственного в июле 1849 г.: над дверью найден тайник с рукописями, из которых Липранди обращал особое внимание адресата на «Проект об улучшении Кавказа» и «Список сенаторам» и добавлял, что, по его мнению, «несовместно иметь у себя мещанину» такие бумаги.³⁸ К сожалению, Липранди не указал, чьей рукой написаны эти тексты.

Шапошников был большим любителем театра и даже мечтал стать актером. А. В. Ханыков на следствии показывал, что, случайно зайдя в табачную лавку Шапошникова, он услышал от хозяина приветствие — цитату из Шекспира: «. . . мне показалось это довольно оригинальным, я начал с ним говорить о Шекспире, о драматическом искусстве вообще. Обо всем этом говорил он довольно порядочно».³⁹

Шапошников был очень самолюбив. При агенте В. М. Шапошникове, своем однофамильце, он пренебрежительно отзывался о Толстове и Катеневе и противопоставлял их «значительным лицам, которые приезжают к нему поговорить»; в числе таких лиц он считал и Петрашевского, в самом деле приезжавшего несколько раз «посмотреть» на умного и развитого торговца. При другом разговоре с агентом он присоединил к «мальчишкам» и Наумова: «. . . вот такие головы пустые Толстов и Катенев и твой племянник Наумов мечтают опровергнуть трон и вознес^тись сами, а знаете, что выйдет из этого, что возьмут их и передерут; ⁴⁰ для

---

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1-я эксп. III отд., оп. 1849, д. 214, ч. 12, л. 14 об.

³⁹ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 23.

⁴⁰ В окружении Шапошникова очень часто употреблялись слова «отдерут», «передерут», «высекут» при прогнозировании будущих наказаний со стороны полиции или жандармов. Конечно, знакомые Шапошникова были близки к податным сословиям (не освобождаемым по закону от телесных наказаний) и немало вокруг себя видели (или слышали об этом) применения розог и пшицрутенгов, но следует учесть, что в николаевской России вообще, видимо, страхи розог и палок были широко распространены. Сосланный в Тобольск декабрист И. И. Пущин в письме к М. И. Муравьеву-Апостолу от 8 июля 1849 г. сообщает о слухах по поводу арестованных петрашевцев: якобы их высекли и отпустили; правда, сам Пущин сомневается в до-

такого дела, указав на свою голову, сказал, нужно иметь такую, как у Петра, и особенный гений». И далее: «Да, говорит, ко мне являются люди злые: и львы, и тигры, но увидят меня, ложатся у моих ног и после делают, что мне нужно».

Такое самомнение еще развивали и «мальчишки», уверенные, что именно П. Г. Шапошников в революционную пору сможет поднять народ на восстание. Однофамилец В. Шапошникова хвастал, что «он один имеет силу в случае, если бы глупая толпа поподчевана была свинцовыми орехами и побежит, остановить ее и воодушевить, и при его содействии она достигнет своей цели». В случае создания в России республиканского строя Шапошников мечтал быть министром торговли.

Противоречивость личности П. Г. Шапошникова очень хорошо охарактеризована Толстым в одном из его письменных показаний на следствии, которое не сохранилось, но известно нам по пересказу из сводного акта, составленного чиновником следственной комиссии: «Шапошников человек всесторонне неоконченный и так останется на всю жизнь; актерство, кажется,

---

стове́рности этих сведений (Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 235).

иностранцы, не очень разбиравшиеся в законах страны, вообще не выделяли особо представителей привилегированных сословий. Брат петрашевца Ханыкова, Яков Николаевич в письме к Ю. Ф. Самарину от 15 августа 1848 г. описывает колоритный эпизод в салоне министра иностранных дел гр. К. В. Несельроде, произошедший со славянофильствующим гр. В. Толстым (братом того Толстого, который чуть не подрался на дуэли с Толлем); он оказался «подле дамы, разговаривавшей с датским посланником; предметом рассуждения были догадки об участии, ожидающей Трубецкого, который побил в Царском Селе часового, не допускавшего куда-то сестру его, и датский посланник с видом сожаления заметил, que c'est tres désagréable pour Troubetz<koï> car il risque d'être fortinement rossé (что это очень неприятно для Трубецкого, ибо он рискует быть сильно высеченным — *фр.*) Толстой» переспросил у него фразу, и когда тот повторил ее, то Толстой» возразил ему, что так как он не был за границю, то не знает, секут ли за подобные проступки в Дании, но что в России это не водится. Датчанин вспыхнул, дама постаралась замять разговор. . .» (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 265, картон 206, № 3, л. 9 об.).

Нельзя не согласиться с Белинским, считавшим отмену телесного наказания одной из насущнейших социальных задач, стоящих пред Россией, но как хорошо бы сделать исключение и высечь питающего княжескую фамилию выроodka, избившего солдата!

преимущественная его стихия, а из самолюбия он показывает себя всегда большим, нежели есть в самом деле, что Шапошников не знал положительно своего призвания, а он, Толстов, подстрекал, что его призвание на республиканской площади. К этому Толстов прибавил, что мещанин Петр Шапошников не может быть вредным для правительства, потому что кроме всего он еще и трус, и если бы он, Толстов, предложил ему какую-либо деятельность для злоумышленной цели, то он согласился бы; если же Шапошников говорил что-нибудь либеральное, то лишь из самолюбия, желая показать себя умным. Он же, Толстов, почти уверен, что до знакомства с ним Шапошников не был либералом, а при нем, Толстове, говорил вольно только так, чтобы не показаться невежею». ⁴¹

А «мальчишки» еще и ранили самолюбивую натуру Шапошникова: и в самом деле называли его невежею. Он показывал на следствии: «. . . в разговоре я стал порицать Катенев и Толстова за их безумные мысли и разговоры, на что мне Катенев стал возражать: что я не понимаю их, что я глупая славянщина 16 века и что я не достоин жить с ними в одно время». ⁴²

По сути же Шапошников был весьма чужд революционным, вообще насильственным мерам. 9 апреля в обстоятельном разговоре с агентом-однофамильцем он разъяснял, что «сила есть во всяком человеке», но в сочинении Пушкина выражается «душа добрая, любящая все прекрасное, нежное», а «в Николае Пугачеве также сила, но выражена делами: вешать, убивать и губить все прекрасное». Шапошников отказался расшифровать, кого он подразумевал под «Николаем Пугачевым» (при всей невежественности, его собеседник, конечно, знал, что настоящий Пугачев — Емельян): очевидно, речь шла о Николае I. Но той яростной ненависти к царю, какой отличались Толстов и Катенев, у Шапошникова не было. 3 апреля он торжественно начал говорить Наумову о желании встретиться на Дворцовой набережной Николая I, после чего и Наумов, и мы, живущие полтора века спустя, ожидаем какой-то решительной акции. Но желание Шапошникова, оказывается, скромное: «Скажу ему, чтобы дал

---

⁴¹ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 368.

⁴² Там же. С. 369.

свободное книгопечатание и усовершенствовал Александринский театр».

Видимо, в самом деле Шапошников был не из храброго десятка, он неоднократно осаживал Толстова и Катенева, предупреждая, что они плохо кончат, сам же был очень осторожным в разговорах, не доверял не только Наумову, но и уважаемому им Петрашевскому. Однофамильцу, которого он из-за его возраста принимал за почтенного человека, Шапошников делал предупреждения: дескать, неспроста «племянником» Наумовым при содействии Толстова и Катенева приобретает помещение в доме Петрашевского под табачный магазин (конечно, Шапошников понятия не имел об агентуре, а предполагал союз с Петрашевским); «А как квартира взята на меня, продолжает запись предупреждения агент, то я впоследствии получу себе неприятности, каких я . . . не предвижу. Меня возьмут к графу Орлову и отдерут, да еще хорошо бы, а то и больше».⁴³

Противоречивость воззрений, колебания, высокомерие Шапошникова создавали напряженные отношения между ним и «мальчишками». По донесению Наумова, Катенев однажды чрезвычайно резко отзывался о Шапошникове, узнав о пренебрежительном отзыве последнего по своему адресу («. . . при вас же ударю его в рожу. . .»), присутствовавший здесь же приказчик Шапошникова Востров тоже назвал хозяина «двуличным подлецом»; но, по Некрасову, у слабых людей «все вином кончается»: «После мы все трое, заключает Наумов, зашли в трактир в Большой Морской, где пили чай и ром».

На следствии Шапошников клялся в преданности престолу, отмежевывался от Толстова и Катенева. Все это не освободило его, однако, от предварительного приговора к расстрелу (конечно, по сравнению с другими приговоренными, это безумно жестокая кара для такого человека); по конфирмации он был отправлен рядовым в Оренбургские линейные батальоны.

Между тем, как и большинство петрашевцев, группа охарактеризованных лиц лишь подходила к каким-то организационным формам. Толстов откровенно заявил на следствии, что он только «полагал составить общество для произведения переворота в России».⁴⁴

⁴³ ЦГВИА. . . Ч. 3, л. 122, 137 об.

⁴⁴ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 368.

В кругу петрашевцев был еще один человек, которому не удалось создать организацию, хотя он, наверное, несколько лет мечтал о ней, готовился к ее оформлению, к вербовке членов — это Николай Александрович Спешнев, одна из самых загадочных фигур в истории русского революционного движения.

Обосновавшись в Петербурге после жизни за границей, Спешнев с 1847 г. стал посещать кружок Петрашевского, а затем, как уже было отмечено, и «филиалы» кружка, т. е. вечера у Дурова—Пальма, Плещеева, Кашкина. На собраниях он имел обыкновенно отмалчиваться, внимательно слушал и наблюдал, лишь иногда проявляя недюжинные ум и знания. Антонелли его попросту не заметил, в большой папке донесений 1849 г. он лишь однажды мельком его упомянул: «... какой-то Спешнев, бывший лицеист». А по сути, после Петрашевского он был среди кружковцев «номером вторым» по значению, а если сравнивать их социально-политические воззрения, то Спешнев был еще более радикален, чем Петрашевский: он не только ратовал за первостепенное освобождение крестьян, но и считал, что преобразования в России можно осуществить лишь революционным путем; в будущем он предполагал национализацию земли и промышленности, полное уравнивание в правах всех сословий.

Спешнева, видимо, не удовлетворяли относительно легальные формы существования известных ему петербургских кружков и относительно легальные идеи, там обсуждавшиеся. Он присматривался к посетителям, сразу же отмечал наиболее радикальных и активных (например, К. И. Тимковского), приглашал к себе домой для беседы. Когда на вечере у Петрашевского в ноябре 1848 г. появился Рафаил Александрович Черносвитов, умный и говорливый провинциал, очень интересно описывавший совершенно новую, замечательную область России — Восточную Сибирь, а сам в то же время внимательно вглядывавшийся в собеседников, то недаром они оба — Черносвитов и Спешнев — приметили друг друга и потянулись друг к другу. Черносвитов тоже, видно, искал себе толковых сообщников.

Начали они с нейтральных фраз, затем перешли к социальным проблемам (оба подчеркнули перво-степенность реформы крепостной системы), а затем стали уже обмениваться визитами.⁴⁵ Черносивитов явно интересовался наличием в центре России революционных организаций и революционного движения (потому и обратил внимание на кружок Петрашевского). Спешнев, желая больше выведать сведений и суждений от собеседника, темнил, намекал на принадлежность к подпольным обществам и даже на главенство, свое и Петрашевского, в этом подполье. Черносивитов, который тоже темнил и тоже намекал на участие в тайной организации, пожелал самый ответственный разговор вести втроем. Он позвал к себе Спешнева и Петрашевского и откровенно изложил им свой грандиозный план революционного переворота.

Прежде всего должна восстать Восточная Сибирь, а когда пошлют на усмирение значительные воинские силы (корпус), то за спиной их встанет Урал с 400 тысячами недовольных рабочих, который двинется на южные волжские («низовые») губернии и к донским казакам, всюду поднимая народ; на потушение этого пожара потребуются уже все войска, и тогда восстанут Петербург и Москва — «и все кончено».⁴⁶

Спешнев отнесся к замыслу недоверчиво (выдумывает? увлекает? провоцирует?), осторожный по отношению ко всяким тайным заговорам Петрашевский — тем более (любопытно, что в одном разговоре без Спешнева Черносивитов предлагал Петрашевскому обсудить вопрос о цареубийстве). По словам Спешнева, «Петрашевский стал говорить вообще против бунта и восстаний черни», противопоставляя им фурьеризм. Спешнев после этого распрощался с Черносивитовым и, похоже, больше не возобновлял переговоров. А Петрашевский,

---

⁴⁵ Подробное изложение бесед Спешнева с Черносивитовым (при участии Петрашевского) см. в копии показаний Спешнева на следствии: Дело петрашевцев. Т. 3. С. 457—462.

⁴⁶ Ср. аналогичные (но более узкие и более теоретические) рассуждения в дневнике Момбелли, когда он узнал о разгроме Кирилло-Мефодиевского братства на Украине (Момбелли был немного знаком с Шевченко): «С восстанием же Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие» (Дело петрашевцев. Т. 1. С. 312).

наверное, еще сильнее уверился в том, что жандармы подослали к ним агента (у него с самого начала знакомства, как и у Спешнева, возникли такие подозрения). В показаниях на следствии Петрашевский иначе как «агент-provokator» и не называл Черносивитова. . .

Личность Рафаила Александровича Черносивитова тоже до сих пор остается загадочной. Мотивы его действий, неожиданные революционные проекты как-то очень не вяжутся с его прошлым и с его социальным положением. Почему вдруг золотопромышленник и бывший исправник, с помощью войска подавлявший около 10 лет назад бунты рабочих на уральских заводах, становится революционером и пропагандистом общероссийского восстания? И другие петрашевцы (Львов, Достоевский) относились к Черносивитову как к подосланному к ним шпиону-provokatorу. Последнее исключается: арест, крепость, допросы, суровое наказание, вынесенное судом Черносивитову, никак не согласуется с такими подозрениями. Никаких документальных объяснений резкой перемены взглядов Черносивитова за десятилетие нет, можно лишь строить гипотезы. Наиболее вероятная из них следующая. Черносивитов — недюжинная, энергичная натура, мечтавшая о значительно более широких масштабах деятельности, чем ему уготовила судьба; патриот и знаток Сибири, он прекрасно понимал, какие необъятные возможности таит этот край; очевидно, что-то он извлек и из духовного общения с декабристами, хотя они отнеслись к нему настороженно;⁴⁷ пребывание в европейской части России, знакомство с петрашевцами, разговоры и намеки в их кругу могли развить в сознании Черносивитова представление о том, что революционный взрыв в стране очень близок; а зная глубину недовольства

---

⁴⁷ Н. Д. Фонвизина сообщала своему деверю И. А. Фонвизину 17 февраля 1850 г. о временах до арестов петрашевцев: «Был здесь некто Черносивитов. . . Он все вертелся в Туринске около наших, но они хотя и принимали его как чиновника, но не доверяли ему и не любили» (опубликовано: *Тальская О. С.* Откуда произошло слово «декабристы»? // *Сибирь и декабристы.* Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 164). Ирония звучит в письме И. И. Пущина к дочери Анне от 19 июля 1849 г.: «. . . я здесь сейчас узнал, что Черносивитова поймали в Тюкале и повезли в Петербург. . . признаюсь, не полагал, чтобы он мог принадлежать к комюнизму, зная, как он делил собственность, когда был исправником (исправником. — *Б. Е.*)» (*Пущин И. И.* Указ. соч. С. 236).

уральских рабочих, он вполне серьезно мог предполагать там наличие больших людских резервов для повстанцев, и планы его, изложенные в показаниях Н. А. Спешнева, — отнюдь не хлестаковщина и не мальчишество, а реальная уверенность в силе Урала. В дальнейшем же, в свете общедемократических идеалов петрашевцев, Черносвитов мог мечтать о Сибири как об особой российской республике, где ему предстояло играть значительную социально-политическую роль.

Спешневу представлялась возможность еще в одном случае заняться организацией тайного общества, но и здесь его ждало разочарование: сообщники оказались далекими от революционных замыслов. Речь идет о попытке реализовать давнюю мечту Момбелли. Последний еще до знакомства с Петрашевским (а познакомился он с ним осенью 1848 г.) вынашивал идею общества «взаимной помощи»,⁴⁸ своеобразного духовного братства, члены которого создавали бы нечто вроде большой семьи, где господствовали бы любовь, дружба, откровенность, прощение мелких недостатков при большой нравственной требовательности друг к другу, суровая критика серьезных недостатков, взаимная поддержка, материальная и моральная помощь и т. п. Видимо, вскоре после вхождения в круг Петрашевского Момбелли познакомил его со своими планами, назвав в качестве единомышленника своего давнего товарища Ф. Н. Львова, а Петрашевский предложил со своей стороны Спешнева и К. М. Дебу, и эта «пятерка» с конца ноября 1848 по январь 1849 г. от четырех до шести раз собиралась у Спешнева,⁴⁹ да еще один или несколько раз у Львова, подробно обсуждая условия создания общества.

Наиболее радикальные идеи предлагал, конечно, Спешнев. В социальном отношении он подчеркивал главную цель — освобождение крепостных крестьян, а в политическом — подготовку всероссийского восстания. Спешнев определил три внеправительственных пути преобразований страны: иезуитский (т. е. созда-

---

⁴⁸ История неудавшегося «общества взаимной помощи» излагается согласно подробным показаниям Момбелли и Львова (Дело петрашевцев. Т. 1. С. 347—370, 414—423).

⁴⁹ Львов позднее приводил три точные даты собраний у Спешнева: 7, 14, 23 декабря 1848 г. (Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 176).

ние тайного общества и тайное «разложение» существующего строя), пропагандный и восстание — и предлагал соединить их все вместе, а для этого учредить центральный комитет, который организует частные комитеты: комитет товарищества (т. е. общества взаимной помощи), комитет для устройства школ пропаганды (фурьеризма, коммунизма и либерализма) и, главное, «комитет тайного общества на восстание».

В бумагах Спешнева жандармами был обнаружен черновик проекта обязательств для членов тайного общества, где в первом пункте вновь принятый обещал, что он обязуется по распоряжению комитета явиться в назначенное место и время «и там, вооружившись огнестрельным или холодным оружием или тем и другим, не щадя себя, принять участие в драке (т. е. в битве. — *Б. Е.*) и, как только могу, споспешествовать успеху восстания». Во втором и третьем пунктах предлагалось участнику «приобрести» надежных новых пять членов и передать им те же требования-обязательства.

Спешнев пояснил на допросе, что, будучи за границей в 1845 г., он интересовался устройством тайных обществ (от древних христианских общин до современности) и начал писать «рассуждение о тайных обществах и наилучшей организации тайного общества применительно к России», но перед возвращением на родину сжег это неоконченное сочинение, а черновой листок проекта случайно остался в его бумагах; никому сочинение и листок он не показывал. Возможно, так оно и было в действительности, но даже если он и не показывал свой проект петрашевцам, то сама идея тайного революционного общества, конечно, не оставляла его, и недаром он начал совещания об организации общества с предложения тайных путей и создания руководящего органа — центрального комитета.

Петрашевский в своих предложениях делал главный акцент на пропаганде фурьеризма, скептически относясь к замыслам Спешнева.⁵⁰ Момбелли, страстно

---

⁵⁰ «Иезуитский» способ он явно отвергал; в одной из бесед с Антонелли Петрашевский сравнивал «с орденом иезуитов» III отделение и подчеркивал, что «это и тому подобные учреждения сделаны для того, чтобы подавить все умственные развития и тем охранить монархическую власть. Что подобные учреждения не только подлость, но даже святотатство, потому что они развращают нравственность человека» (Дело петрашевцев. Т. 3. С. 403).

жаждавший создания «общества взаимной помощи», готов был искать компромиссный путь, т. е. включить в программу и фурьеристскую, и социалистическую пропаганду, и надежду на будущее восстание народа. А главное — он, как и Спешнев, ратовал за тайный характер организации, за большую ответственность, которую брали бы на себя участники и даже за введение пункта об угрозе смертью за измену.

Львов стремился перевести разговор на конкретную почву, каков должен быть минимум членов общества (он почему-то предлагал число 11 — по воле случая именно столько будет участников обеда в честь Фурье), как будет проходить прием новых членов. Дебу единственный, кто с порога отверг самую идею организации — он категорически протестовал против подпольности общества.

Петрашевский, просветитель и юрист, стал предлагать создание «ученого комитета», который подробно бы разобрал все предложения, чтобы выделить в них сходные мотивы, найти сферы согласия и т. д.

Спешнев же, видя, что его радикальные социально-политические идеи находятся под угрозой растворения в общефилантропических принципах, прислал письмо, где, по словам Момбелли, «иронически отзывался о нашей затее, называл ее „chasse au places“⁵¹ желал молодым людям (мне и Львову) всякого счастья и отказывался от предложения, говоря, что он связан условиями, более положительными». Петрашевский смеялся над последней фразой, видя в ней ребяческое хвастовство; да и в самом деле — никаких ведь других организаций у Спешнева не было, были лишь далеко идущие замыслы.

Параллельно с идеей тайного общества Спешнев строил издательские планы, более основательные и более крупные, чем план подпольной литографии.

Спешнев, который поддерживал связи со своими зарубежными друзьями, получил от кого-то из них (вероятно, от польского эмигранта К. Э. Хоецкого)

---

⁵¹ Погоня, охота за местами (фр.). — Неясно, что под этим подразумевал Спешнев: то ли иронизировал по поводу мечтаний Момбелли о взаимной поддержке членов в чиновничьем мире, о помощи в устройстве на службу, при повышении в должности и т. п., то ли имел в виду занятие руководящих мест в тайном обществе. Более вероятно первое предположение.

предложение печататься в журнале французских утопических социалистов «Revue indépendante» («Независимое обозрение»). Известно, что Хоецкий намеревался еще до Герцена организовать вольную русскую типографию в Париже, а Спешнев планировал приобретение и создание соответствующих рукописей. Спешнев предлагал также и другим петрашевцам (он говорил об этом Данилевскому и Плещееву) готовить свои нелегальные произведения для отправки за границу с целью их опубликования в печати.

Имеются достоверные данные о попытке Спешнева организовать и свою типографию в Петербурге. В судебном приговоре (следственные дела Спешнева и Филиппова, как уже сказано, не сохранились) так повествуется об этом со слов Филиппова и Спешнева: «Филиппов недели за две до ареста вознамерился устроить уже не литографию, а типографию и действовать независимо и в тайне от других, предполагал собирать и распространять печатанием такие сочинения, которые не могут быть напечатаны с дозволения цензуры. С этой целью он, Филиппов, занял у Спешнева денег и заказал для типографии нужные вещи, из коих некоторые уже привезены были к Спешневу и оставлены, по его вызову, в квартире его. Сей замысел не касается никакого кружка и никаких лиц, кроме его, Филиппова, и Спешнева, ибо оба они положили хранить это дело в величайшей тайне. . . Показание Филиппова о заведении им типографии подтвердил подсудимый Спешнев, объясняя, что просил Филиппова заказать разные части типографского станка и что потом получил от Филиппова все вещи, чтобы не оставались в его руках. Причем Спешнев присовокупил, что . . . мысль о заведении типографии принадлежит именно ему, Спешневу, и что Филиппов напрасно в этом случае берет на себя вину».⁶²

На самом деле круг участников был шире. Ап. Майков, оказавшийся невольным свидетелем тайного предприятия, подробно поведал о нем в позднейшем (1885) письме к П. А. Висковатову. Еще более подробно о том же, с перечислением лиц, участвовавших в создании типографии, Майков рассказал своему другу, поэту А. А. Голенищеву-Кутузову (сохранилась запись

---

⁶² Дело петрашевцев. Т. 3. С. 194—195.

этого разговора, сделанная Голенищевым-Кутузовым). Майков назвал Спешнева, Филиппова, Мордвина, Момбелли, Григорьева, Ф. Достоевского, В. А. Милютин. Здесь несколько сомнительно последнее имя (помимо того, что Милютин давно уже не посещал кружки петрашевцев, он еще к весне 1849 г. уехал из Петербурга в южные губернии России, в командировку), остальные же вполне достоверны: это тот же самый радикальный актив кружка Дурова—Пальма.

Из воспоминаний Майкова, дополняющих показания петрашевцев на следствии, вырисовывается следующая картина. Не удовлетворенные идеей литографии, некоторые члены кружка замыслили создать собственную подпольную типографию. Спешнев дал деньги, а Филиппов составил чертежи отдельных частей типографского станка и заказал их в разных петербургских мастерских — для конспирации. Изготовленные части были свезены на квартиру не Спешнева, а Мордвина, где и собраны в единый механизм. Работать на станке не удалось, так как вскоре почти все участники кружка были арестованы и посажены в крепость. Обыскивавшие квартиру жандармы не обратили внимания на станок, так как как он стоял в комнате физических и химических приборов и был принят за таковой же. Но жандармы запечатали комнату, а родные Мордвина так ловко открыли дверь снятием с петель, что печати не были повреждены, и станок был изъят из комнаты.

В этой истории сомнительно следующее: Мордвин не был арестован, его не держали в крепости, а лишь вызвали на допрос в начале сентября; если тогда и был обыск в его квартире, неужели Мордвин свыше четырех месяцев после арестов друзей спокойно держал станок в комнате, не подумав об его укрытии или уничтожении?! Не спутал ли Майков квартиры Мордвина и Спешнева?

Итак, Спешневу и по объективным, и по субъективным причинам не удалось создать тайную организацию, но тем не менее на его квартире в 1848/49 г. шли постоянные заседания по поводу таких обществ, да и по другим поводам: оказывается, у него были относительно камерные и относительно «легальные» фурьеристские собрания, нечто среднее между вечерами у Петрашевского и Кашкина. О последних поведал на следствии А. В. Ханыков: «Я всего был раза 4 у Спеш-

нева по случаю сведенного мною знакомства с ним у Петрашевского и желая убедить его в системе Фурье, ибо он был коммунистических убеждений. Потом по случаю совещания о переводе сочинений Фурье, предложенных Тимковским. В первые три раза, кроме Дебу 1-го, Дебу 2-го и меня, никого не было. В тот вечер, когда был Тимковский, находились кроме меня: Дебу 1-й, Дебу 2-й, Момбелли, Кайданов, Петрашевский . . . Тимковский читал перевод „Палероальский дурак“, сочинение одного из учеников Фурье Кантагреля». ⁵³ Иными словами, можно с достаточным основанием говорить, наряду с другими, и о «кружке Спешнева».

Отметим еще сборы на квартире К. М. Дебу, связанные с изучением в кружке Кашкина социалистической литературы.

Из показаний Ханыкова: «У Дебу положенных дней не было, собирались довольно редко с целью разъяснить темные вопросы в учении Фурье». ⁵⁴ Об одном из таких собраний поведал Э. Г. Ващенко: «. . . в продолжение этого же времени (сезон 1848/49 г. — *Б.Е.*) мне случилось быть у Дебу, где я встретил всего один раз Кашкина, старшего Европеуса, ⁵⁵ Отто, Ахшарумова и брата Дебу. Тут читали какую-то книгу, названия которой не припомню, одного из французских социалистов». ⁵⁶ Подобные несистематические и довольно в узком кругу собрания, видимо, были очень распространены среди петрашевцев и среди участников «дочерних» кружковых образований. Важно также, что в среде петрашевцев широко культивировалось обучение, разъяснение социалистических и философских систем новичкам. Петрашевский имел чуть ли не два десятка учеников в своем кружке, формально не получавших никаких программ, но фактически постоянно руководимых учителем, который с помощью бесед, рекомендаций, вручения источников, разъяснений создавал сведущих социалистов. Из вскользь брошенной Д. Д. Ахшарумовым фразы «. . . когда через Ханыкова

⁵³ Там же. С. 33—34.

⁵⁴ Там же. С. 32.

⁵⁵ Александр Иванович, один из активных членов кружка Кашкина. У него был еще младший брат Павел (1829—1872), который лишь изредка участвовал в собраниях.

⁵⁶ ЦГВИА. . . Ч. 30, л. 6.

Дебу стали читать социальные книги. . .»⁵⁷ мы узнаем об аналогичной «просветительской» деятельности Ханькова. А старший Дебу, Константин Матвеевич, буквально вытащил из развратно-разгульного мира юношу Ващенко, обучал его, снабжал книгами (вначале монографиями Ламартина и Луи Блана о французских революциях, а затем трудами Фурье и Консидерана), ввел в кружок Кашкина, где молодой человек продолжил изучение работ социалистов-утопистов.⁵⁸ Многих подобных неформальных собраний и объединений мы, наверное, еще и не знаем, да и не всегда сами участники стремились структурно упорядочить эти союзы.

Случайно, например, из доноса Антонелли стало известно о «либеральном» вечере 16 апреля у П. А. Кузмина, куда собралось 20 человек, в том числе и видные петрашевцы Толль, Баласогло, Момбелли. А может быть, такие вечера Кузмин устраивал и ранее?

Петрашевский по понедельникам бывал на вечерах у юриста А. Г. Нагурного (Нагорного), якобы, по сведениям Антонелли, фурьериста; Антонелли не без основания вопрошал в своем донесении: «..не бывают ли у Нагорного по понедельникам собрания?». Организовывал ли вечера Нагурный — неизвестно, но на «пятницах» он несколько раз бывал, по сведениям Петрашевского, в 1848 г.

Итак, в напряженной атмосфере конца 40-х годов всюду возникали молодежные кружки. Отчаянными репрессивными мерами можно было лишь задержать процессы развития, но остановить и уничтожить их — невозможно.

---

⁵⁷ Там же. Ч. 102, л. 20.

⁵⁸ Там же. Ч. 30, л. 4—4 об., 6.

АРЕСТЫ ПЕТРАШЕВЦЕВ СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД НИМИ

Когда наконец агенты полиции внедрились в кружки петрашевцев и от них начали поступать сведения о составе кружков, о всех разговорах, планах и т. п., то Перовский и Липранди, разумеется, хотели продлить срок слежки. Но у Николая I были другие намерения. Царь задумал поход русской армии на Запад, в помощь Австрии, находившейся в критическом положении из-за венгерского восстания: Венгрия могла стать самостоятельным государством, отделившись от империи, а своими силами молодому австрийскому императору Францу-Иосифу явно было не справиться с повстанцами. Николай I, ненавидевший любые восстания против «законной» власти, добровольно пришел на помощь. В ближайшие дни — 23 и 26 апреля — должны были произойти важные события; переход части русской армии под командованием фельдмаршала гр. И. Ф. Паскевича в австрийскую Галицию и появление царского манифеста о помощи Австрии и о вступлении русских войск на территорию Венгрии. А в тылу оказывался какой-то загадочный враг, какой-то подпольный революционный кружок, который, как всегда бывает при неполных сведениях, представлялся могущественным и опасным: вдруг в Петербурге или во всей России вспыхнет свое восстание! Важный аргумент, подтверждающий такие страхи Николая I, приводит Энгельсон в статье «Петрашевский»: в парижской газете «La semaine» появилась статья, «которая, обсуждая венгерские дела, говорила, что скоро у царя будет много своих хлопот». И этот намек был «каплей, переполнившей чашу».¹ Поэтому, несмотря ни на какие просьбы Перовского проводить тайную слежку, Николай I приказал 20 апреля передать все материалы

¹ Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сб. материалов. М.; Л., 1926. С. 93.

и списки в III отделение и произвести аресты кружковцев.

Можно вообразить удивление и обиду Л. В. Дубельта, управляющего III отделения, с молодых лет приятеля Липранди, когда он узнал, что уже много месяцев, втайне от него велась слежка за «подпольными» организациями! Липранди в подробном донесении Перовскому (он регулярно их писал во время арестов и следствия над петрашевцами) отмечает «негодование» и «оскорбленное самолюбие» Дубельта.²

21 апреля гр. А. Ф. Орлов представил царю составленные с помощью Липранди списки петрашевцев «с описанием действий каждого из них и с означением их жительства». Николай I ответил «торжественным» согласием: «Я все прочел; дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо. Приступить к арестованию, как ты полагаешь; точно лучше, ежели только не будет разгласки от такого большого числа лиц, на то нужных . . . С Богом! Да будет воля Его!».³

Антонелли, узнав о готовящейся операции, видимо, трусил и предупреждал Липранди, что некоторые пет-

---

² См. об этом: *Нечаева В. С.* Петрашевцы и Т. Г. Шевченко // Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1939. Вып. 5. С. 22.

³ Петрашевцы / Изд. В. М. Саблина. М., 1907. С. 151—152.— В этой переписке до сих пор остаются загадочными следующие места. Орлов заканчивает свою записку: «Долгом считаю присовокупить, что ежели Вы удостоите предложение мое Вашим утверждением, то Высочайшая воля Ваша насчет Кропотова должна измениться, а поэтому не прикажете ли доставить его к Вашему Величеству 23 апреля в 7 часов утра или в другое Вам удобное время». А Николай I ответил на это: «Кропотова я вытребую от тебя, когда уже все будут взяты». Что бы это могло значить? В. И. Семевский в статье «Следствие и суд по делу петрашевцев» предполагает, что, возможно, Кропотов был агентом Орлова или же незадолго до арестов явился к Дубельту или Орлову с раскаянием. Однако в лакейски униженном послании к следственной комиссии, вымаливая прощение, Кропотов подробно объясняет, почему же он, враг социализма «не донес» на петрашевцев. Так что отпадают оба предположения Семевского. Может быть, Орлов и Николай I, проведая каким-то образом (из донесений Антонелли, например, если только они могли быть известны в III отделении) об относительно частом посещении Кропотовым собраний у Петрашевского, а с другой стороны, о верноподданническом его мировоззрении, предполагали вызовом его к царю заставить рассказать все, что он знает о кружке? Во всяком случае подробные письменные показания и покаянный

рашевцы (сам глава, затем Дуров, Филиппов, Толль, Ястржембский) — очень сильны, каждый из них справится «с тремя добрыми мужиками», у некоторых имеется оружие; у Петрашевского есть несколько пистолетов⁴ и т. д. Антонелли советовал атаковать дом сразу с двух входов — парадного и черного.

Дубельт же решил не рисковать своими «добрыми мужиками» и отказался от захвата петрашевцев всех сразу в одной квартире. Аресты были намечены в ночь с 22 на 23 апреля, с пятницы на субботу, но уже после вечера у Петрашевского. Эта «пятница», последняя, завершилась где-то около четырех часов утра, а аресты начались еще позднее, около шести часов (может быть, кто-то из агентов дежурил на улице и сообщил о разезде гостей?) И все же к дому Петрашевского подъехало сразу несколько черных карет: видимо, боялись вооруженного сопротивления. Арестовывать главу кружка пошел сам Дубельт.

Утром 23 апреля Антонелли еще строчил последнее донесение о вчерашней «пятнице», а все ее участники уже были в страшном доме у Цепного моста. Ночью, без шума (в России тогда все аресты совершались ночью) в III отделение было привезено 34 «злоумышленника». Кстати, арестованные быстро узнали, кто их предал. Помощник Дубельта А. А. Сагынский, отмечавший прибывших в приемном зале, держал перед собой список, куда для проформы был внесен и Антонелли, но его явно не собирались арестовывать, около его фамилии значилось: «агент». Достоевский удосужился заглянуть в этот список и прочитал знаменательную пометку, тотчас же он рассказал об увиденном всем товарищам, которые находились в зале.

тон их помогли Кропоткову сократить пребывание в Петропавловской крепости: он был выпущен на свободу 6 июля 1849 г., но с увольнением из Кадетского корпуса (где он был дежурным офицером, воспитателем), и с отдачей под секретный надзор.

⁴ По агентурным сведениям, исходящим от Антонелли, эти пистолеты — подарок зятя (мужа сестры), офицера З. И. Верховского: «Верховский, даря ему (Петрашевскому. — Б. Е.) карманные пистолеты, сказал, что они, может быть, тебе пригодятся. Петрашевский говорил о Верховском как о глупце, и так как Петрашевский, вероятно, и при своих родных выражается вольно и резко, а это и могло быть причиной слов, произнесенных Верховским при подарке пистолетов» (ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 82/24, № 55, ч. 119, л. 447 об.). Очевидно, Верховский предполагал, что Петрашевскому не избежать дуэли.

Долгое время считалось, что сотрудники III отделения допустили оплошность, не спрятав от арестованных список. А. Ф. Возный же резонно предположил, что А. А. Сагтынский, презиравший шпионов (он еще в 1840 г. предупреждал Герцена о них), да еще служащих в соперничавшем ведомстве (Министерство внутренних дел), мог нарочно так положить список, чтобы кто-нибудь из арестованных смог прочесть позорную пометку у фамилии Антонелли.⁵

Не очень понятно, каким образом были подсчитаны 34 арестованных, а именно это число приведено в донесении гр. Орлова Николаю I. Ниже Орлов добавляет, что «не привезено еще 7 человек»: Плещеев (находится в Москве), Серебряков (двое суток не ночует дома), Григорьев (не отыскан), Берестов, Ламанский, Михайлов, Тимковский (квартиры неизвестны).

Но в списке размещения арестованных, привезенных в Петропавловскую крепость в ночь с 23 по 24 апреля, числится 36 человек.

В Алексеевский рavelин были помещены следующие лица (далее в скобках при каждом арестанте указывается номер камеры): Бутаевич-Петрашевский (1), Толль (2), Баласогло (10), Головинский (17), Дуров (16), Кузмин⁶ (4), Белецкий (7), Филиппов (8), Достоевский⁷ (9), Григорьев⁸ (14), Катенев (11), Толстов (15), Ястржембский (12);

в Никольскую куртину — Кузмин⁹ (4), Кайданов (3), Деев (16), Спешнев (15), Данилевский¹⁰ (5), Утин (14), Кропотов (13), Дебу¹¹ (6), Львов¹² (2), Пальм (10), Момбелли (7), Григорьев¹³ (9), Ламанский¹⁴ (1);

⁵ *Возный А. Ф.* Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. С. 54.

⁶ «Отставной капитан-лейтенант», т. е. Алексей Кузмин, брат «главного» Кузмина, Павла: его по ошибке, вместо брата, включили в число основных «зачинщиков».

⁷ Федор Михайлович.

⁸ «Московский мещанин», т. е. П. Г. Шапошников.

⁹ Павел Алексеевич.

¹⁰ Григорий Петрович.

¹¹ «Губернский секретарь», т. е. Ипполит Матвеевич.

¹² П. С. Львов, штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка, арестованный по ошибке вместо однофамильца и тоже штабс-капитана Ф. Н. Львова (ошибка вскоре раскрылась, 29 апреля будет арестован Федор Николаевич).

¹³ Это «реальный», Григорьев (Николай Петрович) в отличие от «псевдонимного», по отчеству названного так П. Г. Шапошникова.

¹⁴ Порфирий Иванович.

в Трубецкой бастион — Ахшарумов (3), Кашкин (2), Чириков (1), Щелков (4), Бернардский (5), Дебу¹⁶ (7), Мадерский (6);

в бастион Зотова — Ольдекоп (3), Берестов (2), Достоевский¹⁶(1).¹⁷

Как видно из этого списка (в 36 человек), в него уже вошли трое из семи не обнаруженных ранним утром 23 апреля: Григорьев, Берестов, Ламанский. Очевидно, их разыскали в течение дня, если они вечером уже были доставлены в крепость. Но тогда же оказывается, что утром в III отделение было доставлено не 34, а 33 человека?! Где же тридцать четвертый? В. М. Семевский указывал, что вместе с настоящими петрашевцами были для виду арестованы и три агента: Антонелли, Шапошников, Наумов. Но вряд ли они шли в счет «виновников». Ведь тогда привезенных на рассвете 23-го должно было бы стать не 33, а 36. Следует также учесть, что ни в каких воспоминаниях (а их немало) о первых часах привезенных в III отделение не говорится об Антонелли как о присутствующем. С другой стороны, имеется спокойный и подробный отчет Антонелли для Липранди о последней пятнице у Петрашевского — 22 апреля, написанный 23 числа. Отчет составлен, как все предыдущие, обстоятельно, без малейшего намека на «последнее» собрание — Антонелли явно не знает, что петрашевцы больше уже не будут собираться. Текст заканчивается: «В таком духе разговор продолжался еще часа полтора, и наконец часа в 3 все разошлись по домам».¹⁸ Невероятно, чтобы этот отчет Антонелли писал, будучи арестованным с другими, в III отделении.

Таким образом, число 34 не составить при учете арестованных агентов. Может быть, сюда была включена дама, которую жандармы застали у П. А. Кузмина и которую привезли вместе с ним в III отделение? А. А. Сагтынский велел немедленно освободить ее.

---

¹⁶ «Коллежский советник», т. е. Константин Матвеевич.

¹⁶ «Губернский секретарь», т. е. Андрей Михайлович: он арестован по ошибке, вместо брата Михаила (последний будет арестован 6 мая).

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1849, № 214, ч. 1, л. 86—87. Список за подписью коменданта крепости И. А. Набокова.

¹⁸ Дело петрашевцев. М.; Л., 1951, Т. 3. С. 442.

Но наиболее вероятным представляется, что 34-м по счету был В. В. Востров, приказчик у П. Г. Шапошникова. Он был арестован в доме Петрашевского вместе с агентами В. М. Шапошниковым и Наумовым, которые сняли у Петрашевского помещение якобы под табачную лавку (очевидно, Востров ночевал у них). Так как агенты не были отправлены в казематы Петропавловской крепости, то, вероятно, и Востров был оставлен пока в помещении III отделения, а затем он начал проявлять признаки умопомешательства и был отправлен в больницу.

При арестах производился обыск помещений. Все книги и бумаги, находившиеся в квартире (независимо от принадлежности — забирали и чужие книги, журналы, рукописи), связывались в пачки и отправлялись на особых фурах в III отделение. Естественно, попало немало и запрещенных изданий. Энгельсон пишет, что когда Дубельт, арестовывая Петрашевского, стал рассматривать его книги, то хозяин их воскликнул: «. . . у меня, видите ли, есть только запрещенные сочинения».¹⁹

К. М. Дебу оправдывался перед следственной комиссией: «В библиотеке же моей много ежели найдены 5 сочинений, не пропущенных цензурою, да в какой библиотеке их нет?».²⁰ Обилие запрещенных книг у петрашевцев навело жандармов на слежку за книжными магазинами. Было установлено наблюдение за книжным магазином Августа Лейброка на Невском проспекте (ныне — дом № 36). Агенты донесли, «что Лейброк — офицер какой-то иностранной службы (шпион, что ли? — *Б. Е.*) и будто бы из евреев и что он не пользуется хорошою молвою и подозревается в доставлении запрещенных книг».²¹ Но, кажется, Лейброка не удалось поймать с поличным, зато из бумаг Петрашевского узнали, что он заказал большую партию бесцензурных изданий у Иосифа Лури, владельца книжного магазина тоже на Невском проспекте (ныне — дом № 20); по прибытии из-за границы товара там был произведен обыск И. П. Липранди и жандармским полковником Станкевичем — «нашли три ящика с запре-

¹⁹ Петрашевцы в воспоминаниях. . . С. 84.

²⁰ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 77.

²¹ ЦГВИА. . . Ч. 119, л. 314 об.

ценными книгами», Лури был немедленно арестован и затем выслан из Петербурга.

Привезенных в III отделение петрашевцев разместили по разным комнатам, в основном — поодиночке, и продержали целый день, до позднего вечера. Около полудня всех арестованных обошел с кратким допросом гр. Орлов.

При аресте, при содержании петрашевцев в III отделении и при отправке вечером в Петропавловскую крепость жандармы руководствовались «иерархическим» списком, составленным Липранди на основе донесений агентов: вначале шли 13 «главнейших виновников» (они все потом попали в Алексеевский равелин), затем остальные. Степень «реальной» виновности, конечно, Антонелли никак не мог установить при его умственном уровне и при чрезвычайно кратком и поверхностном знакомстве с петрашевцами, а Шапошников с Наумовым настолько преувеличенно изобразили роль и значение своих «объектов» — П. Г. Шапошникова, Катенева и Толстова, — что они тоже оказались среди этих тринадцати главнейших виновников. Явно по указанию Антонелли в число зачинщиков попали Головинский и Белецкий. Первый всего два раза был на заседаниях кружка Петрашевского, зато произнес 1 апреля яркую речь о необходимости освободить крепостных крестьян, и этот факт был подробно изложен в донесении Антонелли. А учитель истории П. И. Белецкий, которого Антонелли, кажется, и видел всего однажды, на вечере у П. А. Кузмина 16 апреля (у Петрашевского Белецкий не бывал), вообще речей не произносил, а лишь «вольно» рассуждал о преподавателях и учащихся в Кадетских корпусах. Но если рыбак рыбака видит издалека, то рыбак не рыбака видит еще дальше; Антонелли проникся нескрываемой ненавистью к «либералу»: «Белецкий — это такое существо, которое так и напрашивается на оплеуху или петлю».²³

---

²³ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 438. — Отношение было взаимным. Так как за Белецким трудно было найти какую-либо вину, то он был выпущен из крепости 10 июля с отдачей под секретный надзор и с запрещением преподавать в учебных заведениях. Он, таким образом, был одним из первых вышедших

Так как 13 главных «виновников» считались наиболее опасными, то их отправляли из III отделения в крепость в «индивидуальных» каретах при жандармских офицерах (поездка совершалась кружным путем, через Васильевский остров, по Исаакиевскому и Тучкову мостам). Первым поехал при полковнике Левентале Петрашевский, в 10 часов 15 минут вечера 23 апреля; в 10 часов 30 минут — Толль, в 10 часов 45 минут — Баласогло, а затем зачастили: Головинский — 10 часов 55 минут, Дуров — 11.00, Кузмин — 11.05 и так далее. После первых тридцати петрашевцев стали отправлять по двое и по трое при жандармских майорах и поручиках. Последняя тройка — Момбелли, Григорьев, Ламанский — выехала в 1 час 50 минут, т. е. уже почти под утро.²³

В крепости же, как уже было сказано, всех разместили по одиночным камерам. Заключенные в Алексеевский рavelин сидели в Секретном доме, треугольном здании внутри рavelина (там томились четверть века назад декабристы) — ныне оно не существует (уничтожено в конце XIX в.). Остальные казематы сохранились.

По указанию гр. Орлова, 114 «нижним чинам» жандармского дивизиона, участвовавшим в арестовании петрашевцев в ночь на 23 апреля, и «37-ми человекам», переправлявшим бумаги и книги арестованных, была выдана награда. . . в 50 копеек серебром каждому. Зато офицеры жандармского корпуса, испросили у своего шефа 765 рублей 50 копеек серебром за «расходы» в апреле—ноябре 1849 г. по делу петрашевцев, якобы на «разъезды» по «отысканию и арестованию разных лиц в С.-Петербурге и загородных местах». Орлов вначале усомнился (на полях его вопрос: «на какие разъезды?»), но затем выдал испрашиваемую сумму.²⁴

Царю полагалось быть более щедрым в своих милостях, тем более что он демонстрировал их применительно

на свободу и знавших, кто был главным шпионом-доносчиком. Встретив Антонелли на улице, Белецкий нанес ему публично оскорбление (дал оплеуху), за что был отправлен 23 июля в ссылку в Вологду.

²³ ЦГАОР . . . л. 78—78 об.

²⁴ Там же. Л. 91—21 об., 116, 123.

к арестованным и их семьям, а не к жандармам. Некоторые петрашевцы не отличались расчетливостью в быту. Например, долги К. М. Дебу (в основном, как бы теперь мы сказали, в «сфере обслуживания» — портным, сапожникам, лавочникам и т. п.) достигали фантастической суммы в 2354 рублей серебром, т. е. около 10 тысяч рублей ассигнациями. Николай I в начале 1850 г. распорядился выдать родственникам половину этой суммы. Долги И. Л. Ястржембского были более скромными — 241 рублей серебром, царь велел оплатить их полностью. Кроме того, жене К. И. Тимковского была назначена ежегодная пенсия в 300 рублей, жене А. П. Баласогло и отцу Ф. Г. Толля — единовременные пособия в 300 рублей серебром. В свете этих «щедрот», отваливаемых монархом (у которого вряд ли была спокойная совесть, ибо слишком несоразмерны были «преступления» и жестокие наказания петрашевцев, и нужно было актерски замолить грехи и показать широту души), освобождается от этического подозрения в каком-либо неблагоприятном поступке во время следствия неимущий и обремененный семьей М. М. Достоевский, освобожденный из крепости 24 июня 1849 г. и получивший затем «негласную» подачку от царя — 200 рублей серебром.

Зато — об этом мало кто знает — все деньги, истраченные на следствие (суточные чиновникам и писарям, канцелярские припасы и т. д.), а также сумма суточных во время суда, предложено было взыскать с имений двух «главных виновников» — Петрашевского и Спешнева. Однако военный суд постановил взыскать деньги с одного Петрашевского. Была указана и сумма — 256 рублей 94 копейки серебром. Но это только расходы следственной комиссии, да и без суточных. Непонятно, за чей счет отнесли остальное.

Вернемся, однако, к началу следствия. 23 и 26 апреля Николаем I были учреждены две комиссии: 1) непосредственно следственная, под председательством генерал-адъютанта И. А. Набокова, коменданта Петропавловской крепости (в нее еще вошли кн. П. П. Гагарин, генерал-адъютант кн. В. А. Долгоруков, Л. В. Дубельт, Я. И. Ростовцев), 2) для разбора бумаг и книг арестованных (ее председатель — кн. А. Ф. Голицын, члены — А. А. Сагтынский, И. П. Липранди, секретарь А. Ф. Орлова А. К. Гедерштерн).

И. А. Набоков — просто исполнительный служака, мало что смысливший в идейной жизни отечества.

Более серьезным деятелем, к тому же издавна хорошо знавшим законы империи, был князь П. П. Гагарин, член Государственного совета. Он отличался невероятной работоспособностью, живым, въедливым характером и фактически руководил комиссией. Западник по воспитанию, он был в то же время отъявленным консерватором, крепостником.

Кн. В. А. Долгоруков — с юных лет военный, малообразованный и туповатый, зато ревностный служака и консервативный верноподданный; он прошел путь от юнкера до генерал-лейтенанта и до товарища (т. е. заместителя) военного министра (а впоследствии он был и министром, и шефом жандармов).

Я. И. Ростовцев — тоже усердный верноподданный (ведь именно он сообщил Николаю Павловичу, будущему императору, о готовящемся восстании декабристов), начальник военно-учебных заведений, крепостник, генерал-адъютант его величества.

Вряд ли нуждается в особой характеристике Л. В. Дубельт. Важно только учесть его щекотливое положение как не участвовавшего в раскрытии «заговора» и поэтому — прямую заинтересованность показать слабую, ограниченную опасность, которую представляли петрашевцы. Дубельт, как ни парадоксально, оказался самым либеральным членом следственной комиссии.

Глава «ученой» комиссии князь А. Ф. Голицын — статс-секретарь, образцовый бюрократ николаевской школы, больше смысливший в области формы, в сфере нарушения «порядка», чем в идеологической сути.

Казалось бы, самыми образованными во всей этой компании генералов должны были быть И. П. Липранди и А. А. Сагтынский. Первый, однако, всю свою образованность направил на выискивание в рукописях арестованных (даже в школьных и студенческих записях лекций) следов демократических, республиканских, антирелигиозных идей; соответствующие выписки Липранди сопровождал собственными примечаниями вроде следующего: «При этом нельзя не обратить внимания и на то, что большая часть учителей и воспитателей у нас иностранцы — поляки и немцы. К последним до сих пор существовало полное доверие по их, будто бы, основательности и патриар-

хальному добродушию, но нынешние обстоятельства таковы, что это доверие сохранить трудно».²⁵

А видный чиновник III отделения, тайный советник А. А. Сагтынский оказался весьма невежественным в области русской культуры человеком. Препровождая к И. А. Набокову бумаги Р. Р. Штрандмана, он обращал внимание следственной комиссии, что среди них находились «прилагаемые при сем стихи, в коих при недостатке смысла видно дурное направление». Эти стихи — знаменитая сатира А. Кантемира «К уму своему!» Положим, Сагтынский никогда не читал Кантемира; но ведь любой гимназист тогда знал, что *сибирские* вирши писались русскими поэтами до начала XVIII в., никак не позже. В руках таких контролеров и следователей оказались судьбы нескольких десятков арестованных интеллигентов.

Обе комиссии приступили к работе 26 апреля. Очевидно плана у них не было никакого. Оценщики бумаг и книг принялись за сизифов труд, за просмотр многих тысяч страниц рукописей, а следственная комиссия начала наугад вызывать на допросы самых второстепенных «злоумышленников», если судить по предварительному «иерархическому» списку, составленному Липранди: а иного списка у комиссии и не могло быть. 28 апреля были допрошены Пальм, Кропотов, Григорьев, Чириков, 29-го — Львов, Ольдекоп, Ламанский, Бернадский, 30-го — Ахшарумов, Спешнев, Серебряков, Михайлов и т. д.²⁶ Лишь 6 мая на допрос были вызваны петрашевцы из «главного» списка в 13 человек: Ф. М. Достоевский, П. А. Кузмин, П. И. Белецкий, а Петрашевский впервые был допрошен лишь 16 мая!

---

²⁵ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 452—453.

²⁶ К концу апреля были арестованы все четыре оставшихся на свободе петрашевца, входившие в первоначальный список III отделения и не разысканные 23-го: 24 апреля были взяты А. И. Тимковский и Н. А. Серебряков, 25-го — А. М. Михайлов, 28-го в Москве арестован А. Н. Плещеев. Доставленный в III отделение Михайлов был предварительно допрошен 25 апреля и назвал среди посетителей «пятниц» Петрашевского несколько имен, которые явно не были зарегистрированы Липранди и его агентами: Н. Я. Данилевский, А. Н. Майков, В. А. Милютин, Л. Н. Ховрин, В. А. Энгельсон. Большинство сведений о допросах арестованных заимствуется из статьи В. Н. Семеновского «Следствие и суд по делу петрашевцев» (Русские записки. 1917. № 9—11).

В этом был свой умысел, намерение говорить с «главными» уже вооружившись фактами.

Разумеется, постепенно члены комиссии более ясно стали представлять круг участников кружков и роль тех или иных петрашевцев, узнали о кружках Кашкина, Плещеева, Дурова—Пальма, об обеде в честь Фурье, поняли, что такие «главные», как П. И. Белецкий, вообще не имели отношения к каким-либо кружкам. Поэтому, с одной стороны, продолжались, по требованию комиссии, аресты прежде оставшихся в тени петрашевцев (в течение мая были арестованы А. В. Ханьков, А. И. Европеус, А. П. Беклемишев, Э. Г. Ващенко, Е. С. Есаков, А. Н. Барановский, в июне — Н. Я. Данилевский и П. Н. Латкин; последним был арестован в июле Р. А. Чернозитов — в Томской губернии; в крепость он был доставлен 21 июля). В то же время отпускались на волю явно второстепенные лица: в июне были выпущены П. А. Деев, К. К. Ольдекоп, А. А. Кузмин, М. М. Достоевский, П. Н. Латкин, в июле — А. Н. Барановский, П. И. Белецкий, А. И. Берестов, Е. Е. Бернадский, Г. П. Данилевский, Н. И. Кайданов, Д. А. Кропотов, П. И. Ламанский, А. М. Михайлов, А. Т. Мадерский, Н. А. Серебряков, А. И. Тимковский, М. Н. Чириков, А. Д. Щелков. 30 июля был отправлен на Кавказ унтер-офицером А. Д. Толстов. Последний «выпуск» из крепости до суда состоялся 26—27 сентября (отпущены П. А. Кузмин, Б. И. Утин, Э. Г. Ващенко, А. П. Беклемишев, Е. С. Есаков). Был еще освобожден 26 сентября В. В. Востров, но он находился уже в безнадежном состоянии в тюремной больнице и умер там в ноябре.

Таким образом, в заключении побывало около 50 человек, а всего к следствию (к допросам) привлекалось 122 человека. На первых порах большое количество подозреваемых и не допрашивали и не обыскивали, поскольку не хотели придавать событию всероссийский масштаб: было выгоднее показать его «узкий» характер. Поэтому ограничились введением секретного надзора еще над несколькими десятками человек. Между прочим, в это число попали и известные профессора Московского университета Т. Н. Грановский и П. Н. Кудрявцев, с которыми общался арестованный А. Н. Плещеев (их фамилии упомянуты в письме Плещеева к Дурову). И. А. Набоков обратился с запросом

о них к военному министру кн. А. И. Чернышеву, а тот — к московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому. Любопытно заключение ответа последнего от 7 июня 1849 г.: «Затем для положительного дознания о образе мыслей Грановского и Кудрявцева следовало бы произвести у них внезапный обыск и тщательно рассмотреть все их бумаги, но в настоящее время, спустя более месяца после арестования Плещеева, мера сия не обещает важного результата и может принести более вреда, нежели пользы. По сему уважению я признал достаточным ограничиться ныне учреждением строжайшего секретного надзора за Грановским и Кудрявцевым».²⁷

Возможно, о подобных «попустительствах» узнал Николай I, который выразил неудовольствие военному министру Чернышеву; последний изложил царское поведение в особом предписании к следственной комиссии от 8 июля, с требованием призывать к допросу всех лиц, «о которых содержащимися в крепости упоминаемо было при разных случаях, с тем, что если по отобранном у них ответам или по бумагам они окажутся виновными и нужными для дальнейших допросов, то арестовать их немедленно, в противном же случае отпустить».²⁸

Комиссия составила список всех упоминавшихся при допросах лиц (158 человек) и разбила их на четыре разряда: к первому (72 человека) отнесли «посещавших собрания или оказавшихся, более или менее, прикосновенными делу личным своим участием»; ко второму (25 человек) — «о коих отбираются дополнительные сведения, для определения степени прикосновенности их к делу»; представители третьего разряда (55 человек) «не посещали собраний», а четвертого — «или умерли, или сосланы уже в отдаленные места империи за политические их преступления» (всего шесть человек, в числе их — покойный Вал. Майков и сосланный Салтыков). Принадлежащих к первому разряду было предложено «подвергнуть допросу»: ко второму — по мере их виновности, к третьему — «допросу не подвергать», к четвертому — «признать для комиссии не существующими».

---

²⁷ ЦГВИА. . . Ч. 52, л. 4.

²⁸ Там же. Ч. 119, л. 1—1 об.

Опять же, комиссия сделала «попущение» не только для четвертого разряда, но и для большинства отнесенных к первому: если подлежащие допросу только посещали собрания Петрашевского или им подобные, «без участия в зловерном их направлении» и «по неумышленности или по незнанию своего долга не доносили о них правительству», то предложено не арестовывать их. Однако Николай I настоял на аресте, допросе (с последующим освобождением под секретный надзор), а по поводу четвертого разряда потребовал не забвения, а тщательного анализа всех связей с «преступниками», содержащимися в крепости. Русский царь не выносил «либерализма» окружающих. 10 мая его наследник (сам Николай I выехал 2 мая в Варшаву) разрешил не арестовывать второстепенных участников «дела» Е. С. Есакова и Э. Г. Ващенко, ограничившись опечатыванием их бумаг, но, когда царю сообщили об этом, он отменил решение сына, велел арестовать обоих участников и принять за правило подобные меры в дальнейшем.

Николай, видимо, готов был пересажать пол-Петербурга, лишь бы до конца искоренить крамолу. Комиссия вынуждена была расширить круг допрашиваемых. - Заседала комиссия в Петропавловской крепости, в Комендантском доме — там же, где когда-то, четверть века назад, другая комиссия разбирала дела декабристов. Здесь же, в Комендантском доме, производились допросы. Вызывали, как правило, по одному, очные ставки были весьма редки. Помимо устных допросов, широко применялись письменные: вначале от большинства арестованных были взяты их предварительные письменные объяснения, а затем каждому допрашиваемому задавались письменные вопросы и при этом отпускалось несколько листов чистой бумаги, где он должен был написать подробные ответы, уже сидя в камере; иногда писать разрешалось в течение нескольких суток.

Многодневное и даже многомесячное сидение в одиночных камерах Петропавловской крепости, без свежего воздуха, без прогулок, без медицинской помощи, при полном незнании, что творится на воле, как ведут себя товарищи по несчастью — все это являлось суровым испытанием для заключенных. В несчастии, да еще длительном, лучше всего проявляются мужественные черты характера, выдержка, мировоззренческая и нрав-

ственная стойкость, как, с другой стороны, ярче проявляются и отрицательные свойства. Среди петрашевцев оказались и слабые духом. Нестойким проявил себя Н. П. Григорьев. Он уже в конце апреля, и недели не отсидев в тюрьме, обратился к Николаю I с покаянным письмом, с уверениями в верноподданных чувствах, с униженными мольбами о помиловании. Так же униженно и покаянно вел себя Григорьев на следственных допросах. Не помогло: он попал в основную группу «злоумышленников», приговоренную к расстрелу, который был потом заменен ему на 15 лет каторжных работ.

Самым недостойным в нравственном отношении образом повел себя уже на первом допросе 28 апреля офицер Д. А. Кропотков: он стал всю вину валить на Петрашевского, изображая его к тому же полупомешанным дураком, сообщая все анекдоты, которые ходили в публике о поведении главы кружка. Себя же Кропотков изображал противником преобразований страны и даже противником либерализма: «Под словом либеральное направление я понимаю направление, не соответствующее с существующими у нас в России постановлениями. Я принадлежу к числу тех русских, которые с особенною гордостью называют себя коренными русаками . . . моя жизнь с колыбели освещалась тремя яркими светильниками: любви к нашей вере, родному государю и отечеству».²⁹ И Кропотков своими ответами вымолил прощение: он был отпущен на волю 6 июля, в одной из первых групп освобожденных. Неожиданно низко повел себя Ястржембский (одолевал страх наказания, что ли или в самом деле забыл и перепутал?). Резкое мнение о царе, высказанное им во время лекции по политэкономии (эту фразу запомнили многие — бесспорно, ее произнес именно докладчик), Ястржембский готов был свалить на других: «. . . слова: Российское государство имеет целью подчинить достоинство людей выгоде одного, были сказаны кем-то другим; не хочу ни закрывать никого, ни показывать на невинного, а мне показалось, будто слова эти сказал Баласогло или Дуров».³⁰

Но в большинстве арестованные оказались более стойкими. Даже испугавшиеся, заболевшие, думавшие

---

²⁹ ЦГВИА. . . Ч. 47, л. 56.

³⁰ Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 220.

о судьбе семьи, они каялись, просили пощады, но не старались «утопить» ближнего, спасая себя,³¹ и всячески стремились к абстрактным разглагольствованиям — чтобы как можно меньше было конкретных фактов — и очень широко использовали формулы забывчивости и незнания: «не видел», «не помню», «не знаю», «не знаком». Наиболее сильные духом даже старались взять вину на себя, выручая товарища: Спешнев соревновался с Филипповым в благородстве, ибо каждый доказывал, что именно по его инициативе был заготовлен типографский станок. Момбелли очень тревожился за судьбу Львова (ведь это он, Момбелли, ввел Львова в кружок Петрашевского), выгораживал его и совестливо писал в своих показаниях: «Я бы желал, чтобы каким-нибудь чудом Львов услышал мои слова, потому что одно из двух: или он в справедливом негодовании клянет меня, или берет на себя, что, по всей справедливости, должен свалить на меня».³² А Львов трогательно думал о Момбелли и всячески пытался на следствии подчеркнуть его добрую душу и невинные идеалы, не опасные юридически.

Далеко не все из арестованных, как оказалось, понимали сложные философские, социально-политические проблемы, обсуждавшиеся на собраниях, и даже не всегда понимали относительно простые для нашей современности термины. Например, допрашиваемый учитель А. Т. Мадерский признался: „Значение слова «диктатура» для меня непонятно“. Можно бы подумать, что Мадерский хитрит и разыгрывает простачка, но его путанные ответы свидетельствуют о другом, о реальном непонимании смысла терминов. Вот его показание о выступлении на одной из «пятниц» К. А. Тимковского, который, по мнению Мадерского, «говорил между прочим, что я не хочу вам вложить в руки кинжал или другое какое-либо орудие, но предложить средство более мирное. Он говорил, что революция есть дело хорошее».³³

---

³¹ См., например, в показаниях художника Е. Е. Бернарковского: «... я упоминаю о Баласогло, что я вместе с ним отправился к Петрашевскому; я никак не позволю себе думать, что Баласогло приглашал меня (к себе. — Б. Е.) с намерением меня познакомить. *Боже меня сохрани, я никак не виню Баласогло*» (ЦГВИА... Ч. 41, л. 2 об.).

³² Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 370.

³³ ЦГВИА... Ч. 38, л. 30, 38.

Вряд ли такое смешение понятий и смыслов были хитрым расчетом.

Некоторые же допрашиваемые явно изображали наивных простачков. А. Н. Майков на вопрос об его «снотшениях внутри государства и за границею» ответил: «Не только за границу, но и внутрь России я писем не пишу и оттуда не получаю; если получу письмо, то с какой-нибудь комиссией от моей бабушки». ³⁴ И между прочим, подобная «наивность» при подлаживании под вкусы членов комиссии оказывала смягчающее действие. Майков много позже, в 1885 г., писал П. А. Висковатову, что на допросе он избрал такую тактику: «. . . я весьма свободно и развязно отвечал об теории Фурье и фаланстериях, и даже не без юмора, члены (комиссии. — Б. Е.) смеялись, когда я рисовал, какие это будут казарменные жилища, где будет и мой номер, и вся жизнь будет на глазах и никаких амуров не останется в тайне. Распространялся о неуживчивости Дост<оевско>го, который перессорился со всеми, кроме меня, но, наконец, в последнее время охладел и ко мне, и мы видались реже. С Петрашевским поддерживал знакомство из учтивости, да и забавно было». ³⁵

Удивительно умели подлаживаться некоторые подсудимые под мировоззрение и даже под стиль представителей верховной власти. Например, Е. С. Есаков, лицеист, посетитель кружка Петрашевского, участник обеда в честь Фурье, который хотя и не был радикальным идеологом, но, разумеется, не принадлежал и к раболепным монархистам, написал изумительный по содержанию и тону ответ на анкетный вопрос следственной комиссии — «Какие были ваши политические убеждения и как желали вы их осуществить?»: «Искреннее убеждение, что ход событий в жизни народов зависит не от частных лиц, а от воли Провидения и направления правителей, которым оно вручает власть между людьми; убеждение, что политические перевороты всегда сопряжены с несметными бедствиями; наконец, что безрассудно было бы отдельному лицу иметь иные желанья, чем 62 миллионна людей, процветающих, как было с их предками, в течение нескольких столетий, под скипетром своих монархов — это

³⁴ Там же. Ч. 92, л. 3 об.

³⁵ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 266.

убеждение всегда заставляло меня считать бесплодными и пагубными действия, направленные к политическим изменениям. Поэтому я никогда не помышлял об осуществлении каких-либо подобных предположений в моем отечестве, и всегда подчинялся требованиям существующего в нем порядка, не касаясь ни в чем мер правительственных». ³⁶ Такой текст сделал бы честь самому Бенкендорфу, любившему провозглашать благоденствие России.

Яркая и деятельная натура Петрашевского достойно проявила себя и на следствии. Он не защищался, а непрерывно требовал и нападал. Требовал свод законов, требовал предъявить доносы, по коим клеветнически обвиняются подозреваемые. Учил комиссию, какими принципами ей руководствоваться: не методом Ришелье, который готов был из любых семи слов составить такой преступный смысл, за который можно присудить к смертной казни, а изречением Екатерины II: «Лучше простить десять виновных, нежели одного невинного наказать». А главное — сам обвинял: обвинял арестовавших его, что в течение трех суток, как положено по закону, не была объявлена причина заключения в крепость, обвинял комиссию, что в ходе следствия постоянно нарушались законы, имели место злоупотребления властью, подлоги по службе — и прочее: Петрашевский действовал как хороший юрист, прекрасно осведомленный во всех тонкостях ведения процесса. Вдобавок он еще преподнес комиссии послание-проект, который он требовал довести до сведения императора. Он предлагал русскому правительству немедленно осуществить четыре мероприятия: 1) разрешить курение на улицах (такой «закон» появится лишь при Александре II), что якобы увеличит продажу табаку и принесет казне доходу не менее 600 тыс. рублей серебром; 2) уравнивать старообрядцев и раскольников в правах со всеми; 3) ограничить страшные злоупотребления в судах и учреждениях, введя в I департаменте Сената (там рассматривались все административные нарушения) председательствование одного из членов императорской фамилии; 4) дать В. Консидерану взаймы 200 тыс. рублей ассигнациями для организации фаланстера под Парижем,

---

³⁶ ЦГВИА. . . Ч. 29, л. 51—51 об.

Ясно, что такое поведение могло лишь до белого каления доводить следователей (как потом в Сибири Петрашевский своей постоянной борьбой за правду и справедливость сделался первейшим врагом губернатора и был сослан в такую глушь, где смерть не заставила себя долго ждать).

Петрашевский, очевидно, много думал и о товарищах: он не мог не чувствовать той великой ответственности за их судьбу, которую он, вольно или невольно, взял на себя. И ему очень хотелось бы, чтобы друзья по несчастью вели себя подобно ему, т. е. избрали бы сходную наступательную тактику. А так как допросы проводились поодиночке, свиданий и прогулок не было, то он решил разбросать по дороге в следственную комиссию своеобразные инструкции. Петрашевский писал их обломанным от вентилятора «зубом» на кусках клеевой окраски-штукатурки, отдираемых от стен камеры. В них он рекомендовал те же приемы: требовать привода доносчиков, требовать очных ставок, протестовать против любых нарушений законов, как можно меньше сообщать фактов, самому задавать вопросы, не обороняться, а нападать. Конечно, чрезвычайно мало было шансов, что эти записки достанутся заключенным, они и в самом деле попали в руки стражников (но, может быть, какая-то часть все-таки дошла до адресатов?).

Петрашевский догадывался о провокации, замысленной властями над его кружком, считая впрочем инициатором не Липранди, а III отделение. В показании 1—2 июля Петрашевский прямо подчеркнул: «Умысел бунта, орудие и покушение, все сие было в III отделении, а я и другие в сие вовлекались . . . Сперва является ко мне в ноябре 1848 года *Черносвитов* — (*умысел*), потом в январе является *Антонелли* — как *орудие*. . . Наконец, за месяц до захвата приходит и рекомендуется *Наумов* — *покушение*».³⁷ Петрашевский ошибочно счел и Черносвитова агентом, в остальном же он был весьма близок к исторической истине.

Интенсивнейшая деятельность Петрашевского в крепости в сочетании с очень распатанной от перенапряжения нервной системой дала себя знать самым драматическим образом: приблизительно с конца июня у него появились признаки умопомешательства. Они отрази-

---

³⁷ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 165, 172.

лись в его неоднократных письменных обращениях в следственную комиссию, которая не могла не замечать ненормальности, но колебалась, не хитрая ли это уловка вполне здорового человека. Думается, что Петрашевский не лукавил, а на самом деле на какое-то время оказался душевнобольным: об этом свидетельствуют многие его прошения в комиссию от конца июля. Характерно, однако, что, даже будучи не совсем нормальным человеком, он в этих прошениях постоянно апеллирует к честности, добру, благородству, тревожится за судьбу товарищей. Предполагая возможную смерть, он придумывает различные варианты использования его тела для медицины и промышленности, а средства от продажи его доли имения он завещает следующим образом: одну треть перевести В. Консидерану в Париж для организации фаланстера, одну треть отдать сестре Ольге, а остальную часть — в распоряжение общества посещения бедных, в Петербургский университет для учреждения премии за лучшую работу о судопроизводстве; 500 рублей раздать солдатам Алексеевского рavelина и т. п.

Одно из самых темных и загадочных пятен в истории следствия — проблема пыток: применялись ли те яды, наркотики, электрошоки, прекращение выдачи еды и питья, о которых писал в своих жалобах и воспоминаниях Петрашевский, о чем он рассказывал в Тобольске Н. Д. Фонвизиной?³⁸ Похоже, что нет дыма без огня, и если пытка электрической машиной и ядами — плод воспаленного воображения узника, то успокоительные и усыпляющие лекарства, морение голодом и жаждой, угрозы физической расправы — вещи, видимо, реальные. Недаром ведь трое заключенных сошли с ума во время следствия — В. В. Востров, В. П. Катенев, Н. П. Григорьев; многие были на грани сумасшествия; А. Т. Мадерский обнаружил черты умственного расстройства после освобождения из крепости. Когда члены следственной комиссии увидели всю значительность Спешнева, то стали думать, какие меры воздействия применить к нему в случае запирательства; запросили наследника, можно ли заковать в кандалы (Николай I был за границей);

---

³⁸ См.: *Житомирская С. В. Встречи декабристов с петрашевцами // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 619—620.*

Александр Николаевич разрешил с оговоркой: «если эта мера употреблялась прежде». Оказалось, что некоторых декабристов уже заковывали!

Очень странно, однако, повел себя на следствии Спешнев. То ли от чрезмерной гордыни, не позволяющей «юлить», то ли в страхе за судьбу своих малых детей-сирот (их мать умерла), он давал достаточно подробные и откровенные показания, в которых, с одной стороны, оправдывал товарищей и брал очень многие «вины» на себя, а с другой — сообщил факты, которые без показаний Спешнева, возможно, и не стали бы известны комиссии: например, подробности разговоров с Черно-свитовым о всероссийском восстании.³⁹ И получилось так, что в результате Петрашевский получил бессрочную каторгу, Момбелли и Григорьев — по 15 лет каторги, Львов — 12 лет, а Спешнев, фактически революционер номер один, единственный составитель проекта о тайном обществе — 10 лет каторжных работ.

Пожалуй, образцом выдержки, железной воли и хитрости заключенного и допрашиваемого может служить поведение штабс-капитана П. А. Кузмина. Он никого не выдал, никого не обвинил, на вопросы отвечал четко, но уклончиво или старался представить себя совершенно солидарным с мнением членов комиссии и даже правительства. Разговоры у Петрашевского насчет недостатков судопроизводства? — Да, были; конечно, в высших судебных инстанциях сидят люди очень опытные, но ведь не все подают апелляцию, у многих и средств нет, чтобы приехать в Петербург хлопотать: разве сочувствие к таким людям вредно?! — Разговоры об отмене крепостного права? — Да, были; но ведь и правительство принимает меры по улучшению быта крестьян (далее пересказывает указ об обязанных крестьянах); неужели кто-нибудь станет опровергать благодетельность этих узаконений?! — Письмо Белинского к Гоголю? — Да, читалось. Оно произвело на меня грустное впечатление, видно, что писано в раздраженном, болезненном состоянии. Но «не суди, да не осужден будешь»; и вспомним еще евангельскую

---

³⁹ Львов считал, что Спешнев выдал сведения из-за пыток голодом: «Спешнева морили три дня голодом; надобно полагать, что он сдался и сделал те открытия, какие только мог» (Литературное наследство, М., 1956. Т. 63. С. 183).

притчу (следуют цитаты: «Пусть первый камень бросит тот. . .» и т. д.). Таким образом, Кузмин ни разу не дал себя за что-нибудь «зацепить», блистательно выкрутился, истолковывая в благонамеренном духе весьма острые и опасные места из своих дневников и заметок — и получил 26 сентября 1849 г. освобождение из крепости (конечно, все освобожденные попадали затем на долгие годы под секретный надзор).

Интеллектуальная гибкость Кузмина, твердая принципиальность в сочетании с осторожностью позволили ему в тяжких условиях не только успешно тянуть служебную лямку, но и сделать неплохую военную карьеру, дослужиться до генерал-лейтенанта. Позже, уже будучи генералом, П. А. Кузмин по приказу свыше председательствовал в военных судах на процессах некоторых народовольцев. По мнению многих из них, он сумел построить эти процессы таким образом, что революционеры получали минимальное наказание и с благодарностью вспоминали о нем.

Для комиссии главный криминал — не агитация за фурьеристский фаланстер или мечты об улучшении судопроизводства и даже не проекты об отмене крепостного рабства, т. е. не социальные аспекты идей, а политические «злодеяния»: прежде всего, разумеется, попытка организовать тайную революционную организацию, а затем — недовольство монархическим режимом, резкие слова о Николае I и т. п.

Так, Н. Я. Данилевский, один из лучших знатоков учения Фурье, основной докладчик о фурьеризме на «пятницах», заработал всего лишь административную ссылку в Вологду, а третьестепенного петрашевца Н. П. Григорьева, вина которого заключалась в создании рассказа «Солдатская беседа», где в очень неприглядном виде был представлен царь, приговорили к расстрелу, замененному 15 годами каторги.

Следует еще учесть, что следственная комиссия не включала в себя служащих Министерства внутренних дел, горячо заинтересованных в раздувании дела до грандиозных масштабов, а входивший в комиссию Дубельт был готов даже, наоборот, всячески приглушить остроту: III отделение было кровно заинтересовано в том, чтобы показать дело, затеянное соперничающим ведомством Перовского, не стоящим внимания. В некоторых воспоминаниях участников Дубельт

выглядит чуть ли не добряком, по крайней мере, — сочувствующим арестованным и допрашиваемым. . . Еще бы ему быть грозным судьей! — он готов был любому петрашевцу подсказывать ответы, которые представили бы действия кружковцев невинными. Это не значит, что он был таким терпимым, наоборот, в душе он ненавидел петрашевцев, но мечтал о других мерах наказания, как видно из его интимных записок: «Всего бы лучше и проще выслать их за границу. Пусть их там пируют с такими же дураками, как они сами. . . . А то крепость и Сибирь — сколько ни употребляют эти средства, все никого не исправляют; только станут на этих людей смотреть, как на жертвы, станут сожалеть об них, а от сожаления до подражания недалеко». ⁴⁰

Липранди чувствовал возможность относительно либеральных выводов, к которым придет комиссия, нервничал и писал для нее докладные записки, всячески раздувая «состав преступления» и всероссийскую опасность «дела». Самое обширное послание Липранди от 17 августа 1849 г. особенно подробно освещает главные мысли автора: открыто большое, с разветвлениями по всей России «общество пропаганды», жаждущее социально-политических преобразований и лишь нуждающееся для бунта в «физической силе», т. е. в привлечении народа к восстанию. . . Но на данном этапе корень зла — в идеях, и Липранди предлагал противопоставить «ложным» идеям не репрессии, не казни, а «истинные» идеи, т. е. вести планомерную и активную борьбу на ниве просвещения, учения, литературы.

Однако с первым положением Липранди не согласилась следственная комиссия, которая не нашла организованного «общества пропаганды» и всероссийских его разветвлений, а со вторым положением, точнее предположением, не согласились Николай I и его окружение: они все-таки предпочли репрессии; возможно, они понимали, что на ученой и литературной ниве проиграли бы свободное соревнование. Отношение правящих кругов к науке и просвещению великолепно отобразил Дубельт в уже цитировавшихся его записках: «В нашей России должны ученые поступать как апте-

---

⁴⁰ Заметки г.-л. Л. В. Дубельта // *Голос минувшего*. 1913. № 3. С. 161.

кари, владеющие и благотворными, целительными средствами, и ядами — и отпускать ученость только по рецепту правительства».

Представители господствующих сословий, не отличающиеся нравственным здоровьем, не уверенные в прочности своего существования, готовы хвататься за любые возможности укрепить свои позиции: в этом отношении и политические враги, которые, казалось бы, только распатывают устои, могут принести пользу. Еще один социально-политический парадокс: противник может оказаться выгодным при разваливающемся строе! Уже отмечалось выше, что Перовский и Липранди использовали наличие кружков петрашевцев для упрочения своего шатающегося престижа. Любопытно, что и некоторые деятели следственной комиссии пытались извлечь большую корысть из процесса, корысть, далеко выходящую за рамки личной наживы: тут воистину на первое место ставились классовые интересы.

Широко известно то напряженное внимание, которым сопровождали реакционные придворные круги каждый шаг, каждое слово подрастающего наследника Александра Николаевича, будущего Александра II: распространялись слухи о его мягкости, о либерализме, который внушался ему добросердечным воспитателем В. А. Жуковским. Крепостники серьезно беспокоились за судьбу режима и готовы были любым способом оттянуть восшествие на престол либерала (как они его трактовали), а может быть, даже и любым способом подмочить в глазах императора репутацию его старшего сына. И вот, оказывается, процесс над петрашевцами был использован и в этом направлении.

Ф. Н. Львов, сосланный в Сибирь, хотел сохранить для русской истории наиболее важные моменты следствия и суда над петрашевцами и пересылал соответствующие мемуарные материалы Герцену в Лондон. Герцен опубликовал большинство из них. В «Колоколе» от 1 августа 1862 г. появилась статья «Львов и Гагарин (Отрывок из записки о деле Петрашевского)», в которой, со слов Львова, был рассказан следующий эпизод.

Член Государственного совета князь П. П. Гагарин, фактический глава следственной комиссии, вызвал однажды на допрос Львова и наедине стал соблазнять его прощением, которое нужно было купить ценою

крупного доносительства: «Скажите же, на кого вы надеялись? . . . как бы высоко, выше всех нас, исключительно ни было поставлено это лицо, назовите его!». И дал время на обдумывание. Львов путем умозаключений и перебора всех вариантов пришел к однозначному выводу: его провоцировали написать донос на наследника! Львов — участник ранних, допетрашевских, вечеров у Момбелли, в среде гвардейских офицеров, чьим дивизионным начальником был великий князь Александр Николаевич (именно он запретил вечера, узнав о них, но ведь можно было по-разному истолковать этот случай). Как отметил Герцен в предшествующем номере «Колокола» (15 июля 1862 г.), «носились слухи, что тогдашний наследник предостерег Момбелли и Львова». «Предостерег» это совсем не то, что «запретил». Вот кого запятнать хотелось Гаттарину, связав наследника с петрашевцами. Герцен справедливо предполагает по этому поводу: «Что бы последовало за этим открытием? Повторилось ли бы дело царевича Алексея, или просто это было лакейское желание поссорить отца с сыном? Может быть, олигархическая партия действительно уже предвидела, что сын отнимет у нее рабов и хотела воспользоваться удобным случаем для того, чтобы заставить его отказаться от престола». Другое дело, что реальный наследник был далек не только от петрашевцев, но и от многих либеральных идей, внушавшихся ему Жуковским: например, именно он дал санкцию на заковывание в кандалы тех петрашевцев, которые запирались во время следствия, не отвечали должным образом на вопросы комиссии. Но сам факт провоцирования Львова (который, естественно, отказался от доноса) весьма знаменателен,

***

17 сентября следственная комиссия закончила работу, подготовила всеподданнейший доклад о 28 главных «злоумышленниках». Впрочем, трое из них — Ващенко, Беклемешев, Есаков — были признаны заслуживающими снисхождения, и царь разрешил освободить их без суда — с учреждением, естественно, секретного надзора,

По указанию Николая I, 24 сентября была создана «смешанная» военно-судная комиссия под председательством генерал-адъютанта гр. В. А. Перовского (брата министра внутренних дел), в которую вошли три генерал-адъютанта и генерал-лейтенанта: гр. А. Г. Строганов (бывший управляющий Министерством внутренних дел), Н. Н. Анненков (директор канцелярии Военного министерства), А. П. Толстой и три сенатора, тайных советника: кн. И. А. Лобанов-Ростовский, А. Ф. Веймарн, Ф. А. Дурасов.

Спрашивается, почему суд был *военным*? Ведь из 28 преданных суду петрашевцев лишь четверо были военными; ну, еще с большой натяжкой сюда можно причислить двух отставников — Ф. Достоевского и Черносвитова; остальные же 22 были абсолютно гражданскими лицами. Да и время было как будто не военное, если не считать недавно завершившегося заграничного похода частей русской армии, посланных в помощь Австрии для подавления восстания Венгрии. Но Николаю I было важно предать «преступников» именно военному суду по полемому уголовному уложению, по которому за богохульство полагались каторжные работы от 6 до 12 лет, а за подстрекательство к бунту и за умысел свергнуть царя — смертная казнь. Даже за одно создание — без распространения — противоправительственных сочинений следовало заключение в крепости от 2 до 4 лет.

Военно-судная комиссия получила соответствующие инструкции и приступила к весьма объемной работе по изучению около 10 тысяч листов следственных дел. Членам пришлось около двух месяцев ежедневно заседать с 9 до 4 часов дня и с 8 до 11 вечера, т. е. их рабочий день составлял 10 часов. Судьям уже невозможно было обстоятельно беседовать с заключенными, вызовы были по сути формальными и краткими; единственное добавление к работе следственной комиссии — очная ставка (22 октября) Петрашевского и Черносвитова.

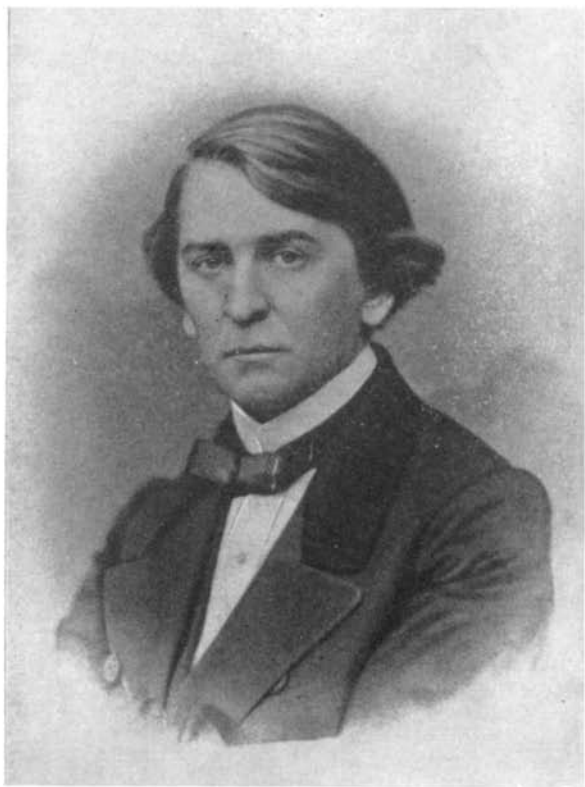
Хотя военно-судная комиссия по составу, и особенно по личности председателя, была значительно ближе к Перовскому-министру и к Липранди, но и она не смогла утверждать, что было организовано «общество пропаганды». Однако был всячески подчеркнут политический и антиправительственный характер деятельности

кружков и главных «зачинщиков». Из оставшихся 25 подсудимых комиссия, впрочем, предложила «освободить» А. П. Баласогло и Н. Я. Данилевского как наименее «виновных», сослав их на службу соответственно — в Петрозаводск и Вологду, что и было осуществлено по согласованию с Николаем I в ноябре 1849 г.

16 ноября военно-судная комиссия в общем закончила работу, в результате был составлен приговор: 15 человек (Петрашевского, Спешнева, Момбелли, Григорьева, Львова, Филиппова, Ахшарумова, Дурова, Достоевского, братьев Дебу, Толля, Головинского, Пальма, Шапошникова) — к расстрелу, Ястржембского — к 6 годам каторги, Ханыкова, Кашкина, Европеуса, Плещеева — к 4 годам каторги, Тимковского — к поселению в Сибири; Черносвитов был оставлен «в сильном подозрении», а Катеневу, сошедшему с ума, приговор был отсрочен.

Решение комиссии поступило на рассмотрение самой высшей военно-судебной инстанции — генерал-аудиториата, состоявшего из восьми генералов. Этот ареопаг еще ужесточил меры: все наказанные (21 человек) были приговорены 19 декабря к расстрелу, Черносвитов сосылался в Вятку под строгий надзор. Однако тут же, для того чтобы монарх мог публично проявить свои милости, предлагались на утверждение царю более снисходительные меры наказания смертникам: Петрашевского, лишив всех прав, сослать на бессрочную каторгу, Момбелли и Григорьева — на 15 лет каторги, Спешнева, Львова, Филиппова, Ахшарумова — на 12, Ханыкова на 10, Дурова, Достоевского, К. Дебу — на 8, И. Дебу, Толля, Ястржембского — на 4 года каторги, Плещеева — сослать в Сибирь, Кашкина — в г. Холмогоры, Головинского — в рядовые Оренбургского корпуса, Пальма — перевести тем же чином из гвардии в армию, Тимковского — сослать в Олонец, Европеуса — в Вятку, Шапошникова — на 6 лет в арестантские роты.

Николай I, однако, распорядился по-своему. Ряд снисхождений он утвердил без изменений, некоторым подсудимым еще снизил сроки: Спешневу оставил 10 лет, Дурову и Достоевскому — 4 года, Толлю — 2 года, а некоторым (Филиппову, Ахшарумову, И. Дебу) заменил каторгу военными арестантскими ротами с со-

**А. Н. Плещеев. Литографированный портрет
с фотографии конца 1850-х гг.**

Ф. М. Достоевский. Рисунок К. Трутовского 1847 г.

Н. С. Кашкин. Акварель 1848—1849 гг.

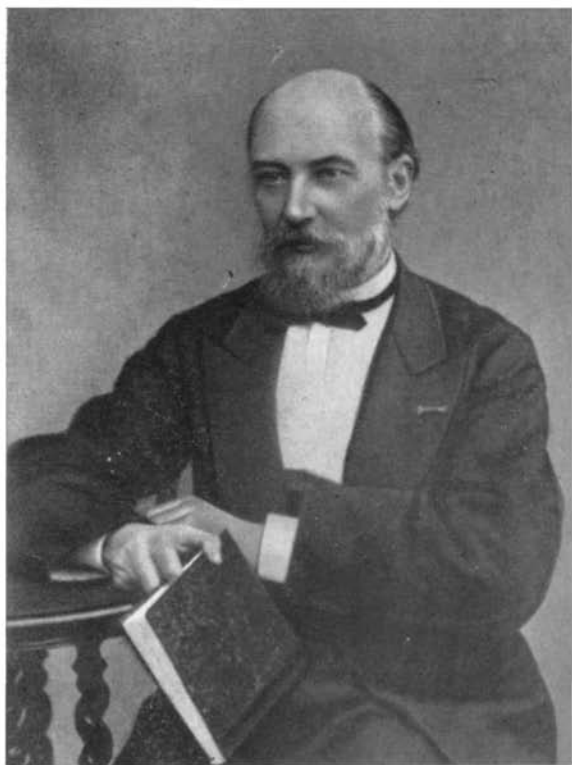
А. Н. Европеус. Фотография 1850-х гг.

В. Н. Майков. Портрет маслом середины 1840-х гг., нарисованный отцом, Н. А. Майковым

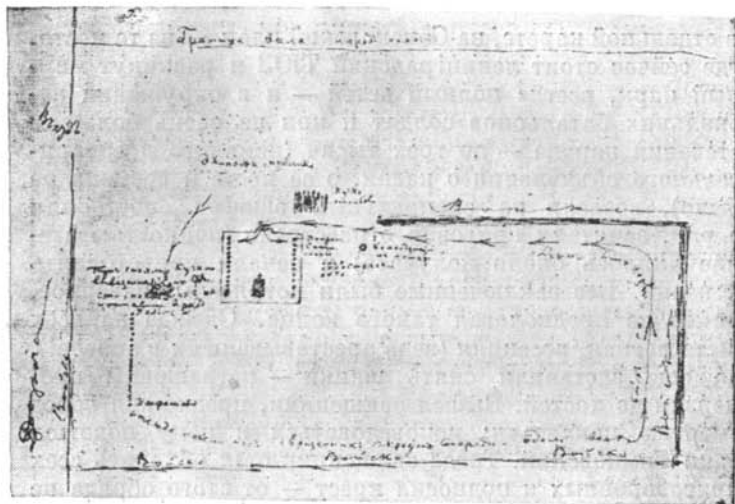
М. М. Достоевский. Фотография 1850-х гг.

Ф. И. Львов. Фотография 1860-х гг.

П. П. Семенов. Фотография 1850-х гг.

План инсценировки казни петрашевцев 22 декабря 1849 г. Рисунок Д. Д. Ахшарумова 1901 г.

кращением сроков или даже — Ханыкову — отправкой рядовым в Оренбург; Шапошников, вместо арестантской роты, тоже отправлялся рядовым в Оренбургский корпус. Зато с рядом петрашевцев царь расправился куда более сурово: Ястржембскому он увеличил каторгу до 6 лет (царь не любил поляков!), Тимковскому дал вместо ссылки 6 лет арестантских рот (очевидно, за активные попытки создать социалистические общества), Кашкину и Европеусу — отправку рядовыми на Кавказ, Плещееву — рядовым в Оренбург. Черносвицова приказано было отправить на жительство в Кексгольмскую крепость.

По желанию Николая I, всех первоначально приговоренных генерал-аудиториатом к расстрелу должны были вывести к месту казни, инсценировать подготовку к убийству, а затем зачитать «высочайшую конфирмацию» — прощение. Жестокий спектакль и был разыгран, как по нотам. Поразительно, что о коварном-обманном замысле и об исполнении его не постыдились опубликовать в газете «Русский инвалид» (от 22 декабря) официальное подробное сообщение.

Ранним морозным утром 22 декабря 1849 г. двадцать одного петрашевца привезли из крепости, каждого

в отдельной карете, на Семеновский плац — на то место, где сейчас стоит ленинградский ТЮЗ и раскинут мирный парк, всегда полный детей — и в окружении нескольких батальонов солдат и при не очень большом стечении народа — до трех тысяч (никакого предварительного объявления о казни, о ее месте и времени не было), возвели на специальный эшафот, построили в ряд, зачитали приговор о расстреле (полностью чтение длилось около получаса) и начали готовить к казни. Все заключенные были потрясены: наверное, никто не предполагал такого конца. Одежда на всех была легкая, весенняя (ведь арестовывали их в апреле!), да еще заставили снять шапки — петрашевцы промерзли до костей. Вышел священник, предложил перед смертью покаяться; исповедоваться к нему подошел один Тимковский. Тогда священник стал обходить всех приговоренных и подносил крест — от этого обряда не отказывались, все поцеловали крест: ведь большинство петрашевцев в духе христианского социализма считало Иисуса борцом за равенство и братство людей. По воспоминаниям Достоевского, он сказал по-французски Спешневу: «*Nous serons avec le Christ*». На что тот ответил с усмешкой: «*Un peu de poussière*» («Мы будем с Христом» — «Горстью праха»).

Военный комендант, очевидно не отличавшийся религиозными чувствами, грубо поторапливал священника; это нашло отражение даже в записке жандармского полковника Васильева: «А г. комендант слишком и даже неделикатно торопил священника, особливо когда он исповедовал преступника».⁴¹

Затем началась инсценировка расстрела. Первых трех «преступников» — Петрашевского, Григорьева, Момбелли — облачили в саваны и привязали к столбам рядом с эшафотом. Петрашевский не удержался и сказал товарищам: «Господа! Как мы должны быть смешны в этих костюмах!». 16 солдат с заряженными ружьями стали напротив и по приказу прицелились.

То ли Николай I, то ли кто-то из высших военных чинов, распорядившись процедурой (скорее всего, именно царь), приказал окружить место казни батальонами и эскадронами тех полков, в которых служили

⁴¹ Петрашевцы. С. 154.

Казнь петрашевцев. Рисунок неизвестного художника (нач. XX в.?).

прежде некоторые стоявшие на эшафоте заключенные: Московского, Егерского, Конногренадерского. Пусть, дескать, получат сослуживцы горький урок!

По намеченному сценарию прискакал фельдъегерь с царским «прощением», ружья опустили, троих в саванах отвязали от столбов — и снова зачитали уже реальные приговоры всем выведенным. Конечно, самая потрясающая, самая контрастная судьба оказалась у Пальма: вместо расстрела — освобождение прямо здесь, на плацу, лишь с переменой гвардейской службы на армейскую. Петрашевского здесь же заковали в кандалы (заковывали долго, неумело, Петрашевский сам взялся завершить эту жуткую операцию и проделал ее успешно). Воспользовавшись замешательством, Петрашевский попросил какого-то начальствующего генерала разрешения проститься с товарищами, тот от неожиданности не запретил, и Петрашевский тогда обошел весь ряд, каждого поцеловал, поклонился всем и сел в кибитку. В сопровождении фельдъегеря и жандарма он отправлялся в далекую сибирскую каторгу. Почти все товарищи больше его никогда не увидят.

Остальных вернули в крепость, петербуржцам разрешили свидания с родными и в течение ближайших дней тоже развезли по всей стране.

Судебные процессы над социалистами происходили и в Западной Европе, но там они, по крайней мере, могли получать относительно подробное и относительно объективное освещение в прессе. В России же, благодаря глубокой тайне, в которой протекало следствие над петрашевцами, общество питалось слухами, чаще всего совершенно фантастическими. В письме к гр. А. Д. Блудовой Хомяков сообщал 16 мая 1849 г.: «Что вам сказать про здешние толки об вашем северном коммунизме? Слухи об намерениях клубов внушают негодование, а молодость клубистов внушает сострадание. Вообще рассказы очень темны и иные очень забавны. Я уж не говорю об уничтожении всех церквей и пр. и пр.; но мне довелось слышать от одной барыни . . ., что клубисты хотели перерезать всех русских до единого, а для заселения России выписать французов, из которых один какой-то, которого имени она не знает, считается у них Магометом».⁴²

Барыня, конечно, анекдотическая, но извращенные слухи бытовали не только в среде провинциальных невежд, до которых сведения о Фурье доходили в таком «мусульманском» облачении. И в столичных вельможных сферах случалось подобное. Любопытно при этом, что собственные вкусы и представления об алчности, о карьеризме переносились на благородных петрашевцев. П. А. Кузмин был ошарашен по выходе из крепости рассказами брата о сплетнях среди родственников: выдавалось за достоверное, что он, Павел Алексеевич, уже казнен, ибо он жаждал в будущем революционном правительстве места военного министра (и должен был его получить) и требовал смерти своего сослуживца, капитана Генерального штаба Кознакова, соперничества которого боялся.⁴³

---

⁴² Хомяков А. С. Соч. М., 1900, Т. 8. С. 393. — Ср. у Гоголя в «Записках сумасшедшего» в разделе «Мартобря 86 числа»: «Уже, говорят, во Франции большая часть народа признает веру Магомета». Интересно, не ходили ли по России уже и в 30-х годах сплетни о фурьеристских фаланстерах?

⁴³ Из записок генерал-лейтенанта П. А. Кузмина // Русская старина. 1895. № 4. С. 71—73.

Выше уже говорилось, что В. А. Энгельсон в статье «Петрашевский» приводил слухи, распространявшиеся в столичных дворянских кругах: «... в Петербурге ходили слухи, будто некоторые из них (петрашевцев. — *Б. Е.*) решили заколоть государя кинжалами в ночь на 21 апреля (3 мая) 1849 г. в публичном маскараде, который устраивался в зале дворянского собрания, и будто в этот вечер должна была быть лотерея, для чего они приготовили уже и билеты, на которых написаны были призывы к восстанию, — их они думали бросить в колесо. План Петербурга, где указаны были места для баррикад, был, говорят, найден у одного офицера. Передавали, что государь сказал коменданту Царского Села: «Представь себе, эти чудовища хотели не только убить меня, но и уничтожить всю мою семью».⁴⁴ Как здесь причудливо перемешались правда и вымысел!

С другой стороны, Н. Г. Чернышевский-студент записал в своем дневнике от 25 апреля 1849 г. о сообщении родственника А. Ф. Раева: «... рассказывал о том, как взяла полиция тайная Ханыкова, Петрашевского, Дебу, Плещеева, Достоевских и т. д. — ужасно подлая и глупая, должно быть, история; эти скоты, вроде этих свиней Бутурлиных и т. д., Орлова и Дубельта и т. д., — должны были бы быть повешены. Как легко попасть в историю, — я, например, сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы».⁴⁵

Чернышевский, однако, уже начинал новый период в истории русского социализма — и это особая тема.

---

⁴⁴ Петрашевцы в воспоминаниях. . . С. 95.

⁴⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 274.

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ПЕТРАШЕВЦЕВ В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Как видно из печатных, письменных, устных выступлений петрашевцев, на первом месте у них стояли общественные проблемы: крепостное право и административные реформы. Но если западноевропейские утопические социалисты были принципиально аполитичными и противопоставляли свои идеи как чисто социальные и мирные политической борьбе, то петрашевцы относились к соотношению социального и политического более сложно. Они учитывали печальный опыт декабристов и осуждали узкокружковую политическую борьбу, авантурные революционные акции без опоры на народ.

В то же время некоторые петрашевцы очень боялись крестьянского бунта при резкой политической перемене. Ахшарумов писал в 1848 г.: «Надо изменить правление, но осторожно, чтобы не произошел слишком сильный беспорядок, который бы вовлек народ опять в старое . . . освобождение народа угнетенного требует большой осторожности; терпевший долго народ и перенесший тысячи обид будет мстить».¹ Поэтому Ахшарумов ратовал за переходные стадии, в первую очередь — за создание конституционной монархии.

Петрашевцы, таким образом, постоянно подходили к политическим проблемам. Даже разграничивая понятия политической и социальной свободы, Петрашевский фактически соединял их в диалектическом единстве. В черновике выступления на одной из «пятниц» весной 1848 г., после доклада Н. Я. Данилевского, Петрашевский писал: «Слово свобода в 1-ю В<еликую> Ф<ранцузскую> Р<еволюцию> имело было употребление более для обозначения свободы п<олитической>, и ныне оно употребляется для обозначения св<ободы> социаль-

---

¹ Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 100—101.

ной, поэтому человека м<ожно> б<удет> почтеть <тогда> только пользующимся действительной свободой, когда для него не только будет возможно развитие полное и гармоничное всех потребностей его природы, но самое такое развитие б<удет> действительно. П<олитическая> С<вобода> будет иметь возможность т. П. Р. и социальной».²

М. Я. Поляков последние сокращения расшифровывает так: «т<олько> п<осле> р<еволюции> <стать> и социальной».³ Конъектуры вполне правдоподобные. Возможны, впрочем, и другие варианты, например: «таким образом сделать политическую революцию и социальной». Но в любом случае политическая и социальная свободы связываются Петрашевским с революцией. Как бы ни был он осторожен в прогнозах, как ни сопротивлялся несколько «левацкому» радикализму Спешнева, все-таки в конечном счете идеи Петрашевского *революционны*. В набросках речи на обеде в честь Фурье он четко сформулировал основной негативный принцип: «Мы осудили на смерть настоящий быт| общественный, надо приговор нам исполнить».⁴ В центре внимания — *общественный быт*, но смертный приговор — это уже акция политическая.

Среди ведущих петрашевцев существовали разногласия в сроках, но в целом отношение к революционному пути было довольно-таки однозначное. Толль объяснял Антонелли, «что цель их приготовить способных людей на случай какой-нибудь революции».⁵ Студент Н. Г. Чернышевский записал в своем дневнике 11 декабря 1848 г.: «После к Ханыкову, с которым более всего говорили о возможности и близости у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавши мне множество элементов возмущения, напр., раскольников, общинное устройство у удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и проч.».⁶ Конечно, нельзя не учитывать противостояния этим тенденциям со стороны «мирных» петрашевцев типа Баласоголо, Данилевского, братьев Дебу, Пальма и Ду-

² Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 523.

³ Философские и политические произведения петрашевцев / Подготовка текста и примеч. М. Я. Полякова. М., 1953. С. 395.

⁴ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 518.

⁵ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 428.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 196

рова и др., но все-таки общая тенденция и индивидуального, и кружкового развития была направлена к *насильственным* мерам и путям. Выше уже приводилась мысль весьма «мирного» Ахшарумова, высказанная им на обеде в честь Фурье: «Разрушить столицы, города и все материалы их употребить для других зданий. . .».

Поэтому петрашевцы, вольно или невольно, переходили от социальных вопросов к политическим, не отделяя одно от другого. Любопытно, что при начале знакомства с Антонелли, воспринимая его как неопытного ученика, Петрашевский стал внушать сперва именно радикальные *политические* идеи: вместо самодержавия должно быть «правление народное, правление представительное . . . Верховное правление народа должно быть представлено Совету, составленному из представителей племен, под председательством одного, избранного из их же среды по большинству голосов». В стране должна организоваться федеративная республика: «Целость России . . . поддерживается только военной силою и что, когда эта сила уничтожится или, по крайней мере, ослабнет, то все народы, составляющие Россию, разделятся на отдельные племена и что тогда Россия будет собою представлять нынешние Соединенные Штаты Северной Америки».⁷ Петрашевцы склонны были идеализировать политическое устройство Соединенных Штатов: в то время в масштабах большой страны, соизмеримой с Россией, это была единственная реальная демократическая и федеративная республика.

Подвляющее большинство петрашевцев в соответствии со своими демократическими идеалами отвергало самодержавный строй. К личности императора было тоже весьма отрицательное отношение, как уже видно было по высказываниям Петрашевского, Ястржембского, Катенев и др. Петрашевский, перечисляя Антонелли случаи дикого самоуправства Николая I, заключил, что считает его сумасшедшим.

Невоздержный на слова Катенев открыто призывал к цареубийству. Иногда это звучало как каламбурная шутка (у Г. П. Данилевского на стенах — портреты французских политических деятелей; Катенев при Наумове, «смеючись, спросил Данилевского, почему

⁷ Дело петрашевцев, Т. 3. С. 380, 383.

он не повесит нашего царя?»), а иногда вполне серьезно: «Увидя три бюста императоров: Петра 1-го, Александра и Николая, Катенев всячески над ними издевался и говорил, что первый из них был варвар, и когда Мазепа изменил ему и ушел, то он не могши его достать, расстрелял его портрет; второй даром проливал кровь, а о третьем нечего и говорить, так хорош. Стоило бы их всех привесить к потолку».⁸

Более основательные участники кружков ограничивались планом немедленной изоляции — при народном восстании — всей правящей верхушки. Черносвитов, обсуждая с Петрашевским и Спешневым подробности народного бунта, говорил, что «надо всех запереть и разом схватить». На вопрос об адресе этих слов Петрашевский отвечал, что он «не может быть другой, как относящийся к высшему правительству без исключения».⁹

Сам Петрашевский достаточно осторожно относился к авантюрным проектам, но радикальная антисамодержавная идеологическая атмосфера, царившая в кружке, невольно толкала молодых его членов на смелые планы. В показаниях учителя Мадерского есть не очень понятное место: «Разговаривая с Петрашевским о революции, я говорил, что в случае какой-либо революции нужно вмешать и великого князя, это было три года назад, когда я еще не понимал, как милостивы государь император и великий князь к своим оскорбителям».¹⁰ Речь, видимо, шла о Михаиле Павловиче. Что значит «вмешать» — не разъясняется, но по контексту фразы можно, например, предположить вариант на тему Черносвитова: «Надо всех запереть и разом схватить».

Пафос радикальной социально-политической деятельности приобретал у петрашевцев международный характер: они мечтали о союзах в борьбе за освобождение народов Кавказа, Сибири, поляков, украинцев, финнов. . . Как справедливо заметил на основании исследования европейского революционного движения В. А. Дьяков, «идея межнационального сотрудничества приобретала в программе и идеологии данной группы

⁸ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 84/28, № 55, ч. 3, л. 173 об., 176.

⁹ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 96, 105.

¹⁰ ЦГВИА. . . Ч. 38, л. 46.

тем больший удельный вес, чем радикальнее были ее позиции в социально-политической сфере».¹¹

Опять-таки при отсутствии диалектического метода в мировоззренческих построениях пафос всеобщности, «глобальности», общечеловечности идей и целей оттеснял на задний план национальную специфику, да и вообще национальные проблемы. Ястржембский, например, подчеркивал, что «прекрасное во всяком народе будет называться прекрасным».¹² Вал. Майков пошел еще дальше, стремясь доказать ограниченность и реакционность национальных черт и противопоставляя им общечеловеческие и космополитические положительные свойства: житель будущего гармонического общества, считал он, освободится от особенностей национального характера.¹³

Вал. Майков тем самым полностью солидаризовался с Петрашевским, который в статье «Национальность» («Карманный словарь иностранных слов. . .») подчеркивал: чем на более низкой ступени своего развития находится народ, «тем менее будут подходить по своему нравственному достоинству члены его к высокому типу истинного человека, принимаемому в космическом и космополитическом смысле, тем реже будет высказываться его национальность», с которой связывается уединенность, фанатизм и принесение в жертву «благополучия других народов для торжества своей национальности». В показании на следствии Петрашевский снова повторил, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей — для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди».¹⁴

Индустриальный и космополитический характер доктрин Фурье тем более не давал пищи и стимулов для разработки специфически национальных путей к социализму. Петрашевцы, правда, критиковали крайности

---

¹¹ Дьяков В. А. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов // Советское славяноведение. 1971, № 5, С. 56.

¹² Дело петрашевцев. Т. 3. С. 417.

¹³ Наиболее подробно эти идеи Вал. Майков развивал в статье «Стихотворения Кольцова» (1846). В обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский резко критиковал утопические идеалы Майкова с позиций реализма и историзма.

¹⁴ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 95.

учителя. Наиболее прозрачно, четко заявил об этом Ханыков на обеде в честь Фурье: «... увлекшись, сосредоточившись в новооткрытом мире, что простиительно, понятно в гении, наш учитель позабыл, пренебрег историческими преданиями, а если и касался их, то бегло и поверхностно. Нам, нашей школе, следует пополнить пробел в системе».¹⁵ Однако, как видно из дальнейшего текста, такая разработка нужна лишь узко практически, для приобщения к фурьеризму косного, невежественного большинства, живущего в современном обществе, т. е. нужна как прагматическое средство, а не как метод и цель. Это продолжение мысли Ханыкова обязательно нужно учитывать (обычно цитируется лишь сам факт критики им Фурье). В той же речи, когда Ханыков касается истории родины и современности, то в прошлом он усматривает социалистические и республиканские черты, а в России XIX в. — нет: «... общество мое, думал я про себя, прислушиваясь к толкам современных славян, где твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, где ты, народная вольница, великой государь Новгород, и ты, раздольная широкая жизнь удельных времен? Заунывною песнию, прерываемой порою задорной удалю былого, отвечала ты мне, угнетенная женщина...».¹⁶

Петрашевский более основательно рассуждал об особенностях русской жизни, однако и он подчеркивал чисто практическую, «переходную» необходимость учета специфики: «Наша mission как социалистов фурьеристского толку, в России не так легка, как может показаться она с первого взгляда... должны встретиться такие трудности, почти местные неудобства, которые никак не могли быть предвидены ни самим нашим учителем, ни его талантливыми истолкователями на Западе. Условие местности никогда не следует упускать из виду».¹⁷

Но Петрашевский даже применительно к практике почти не касался в своих исследованиях проблем русской крестьянской общины. Лишь однажды он дал ей краткую характеристику, перечисляя социалисти-

---

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 517.

ческие черты в современной жизни: «Бросьте ваши взоры на храмы божьи, где всякий бесплатно молится, гульбища, комнаты приюта, монастыри, казармы, публичные заведения для воспитания и т. д., везде, где только есть какое-либо удобство, доступное многим, вы найдете — дух социализма. Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей нерадивости не дошедшего до той нищеты, которая бы его лени соответствовала, ищите причину — вы найдете, что передел полей — общее пользование землею — и есть этому причина».¹⁸ В качестве защиты народа от капиталистического хищничества, от обнищания выдвигал «в славянском начале» общину и Головинский: «Так в России существует два рода собственности — *личная и общинная* — деревенская, т. е. крестьянская земля принадлежит не какому-либо отдельному лицу, а целому миру — общине, которая распределяет ее между мирянами».¹⁹ А Ханыков, как видно из дневниковой записи Чернышевского, соотносил общину с недовольством народа и с его революционными возможностями, но и эта мысль не была развита.

В этом отношении Герцен и Чернышевский в последующем десятилетии, а позднее — народники несравненно больше занимались национальной, русской особенностью — общиной, усматривая в ней зародыш будущего социалистического общества. Не нужно забывать, что Маркс и Энгельс даже в 1882 г., видя уже капиталистическое разрушение общины, все же не отрицали (при одном, впрочем, условии) возможности перехода от нее к коммунистической форме землевладения: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития».²⁰

Следует подчеркнуть, что далеко не все петрашевцы считали национальные черты и чувства проявлением невежества, чем-то второстепенным, преходящим, заменяемым общечеловеческими гармоническими свойствами. Среди участников кружков были и сознательные

---

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ Там же. Т. 3. С. 225.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 305.

или бессознательные противники космополитичных теорий об уничтожении наций, люди, горячо любившие родину и не стыдившиеся называть себя русскими и показывать свое внимание к отечественной истории, к национальным особенностям и т. п.: Достоевский, Пальм, Дуров, Баласогло. . . Да и сам Петрашевский в статье «Нация» «Карманного словаря иностранных слов. . .», излагая свое представление об утрате национальных признаков при достижении «высоты человеческого, космополитического развития», утверждает, что при таком переходе какая-либо народность может «внести свою собственную лепту в сокровищницу человеческих знаний. . . В этом смысле Россию и русских ждет высокая и великая будущность». Так что и Петрашевского нельзя отлучать от патриотизма.

Пожалуй, наиболее драматично связал любовь к родине с общечеловеческими идеалами Ястржембский, который говорил, «что он поляк душой и телом», что за свободу Польши готов позволить выпустить себе всю кровь по капле, но если бы он был уверен, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то он первый бы одним взмахом топора отрубил ей голову».²¹

Классовая, сословная дифференциация занимала некоторое место в концепциях петрашевцев: помимо постоянного внимания к положению и судьбам крестьянства со стороны большинства участников кружков, Петрашевский, как уже говорилось, весьма положительно относился к купечеству, вообще — к городскому мещанству, к разночинцам, желая «разбавить» засилье дворянства как самого привилегированного класса. Зато к духовенству, как правило, отношение было отрицательное. Помимо уже приводившихся уничтожительных реплик Петрашевского, Ястржембского можно еще добавить автобиографическое признание Баласогло: «С детских лет я получил непреодолимое отвращение к духовным лицам».²² А Баласогло отнюдь не был атеистом!

И уже формировалось представление о том, что социализм — это подлинно демократическая идеология, противостоящая другим идеологическим системам.

²¹ Дело петрашевцев. Т. 3. С. 431.

²² Там же. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 57.

Члены следственной комиссии, допрашивая петрашевцев, мешали в одну кучу разные системы, так как традиционный вопрос, который задавался каждому подсудимому, звучал так: «Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное или социальное направление?». Точнее бы сказать: «либерализм» или «социализм», но для вельможных следователей было все равно, что «социальный», что «социалистический», как равнозначны были и «либерализм» с «социализмом» — оба хуже, оба — против самодержавия. Но некоторые петрашевцы уже начинали противопоставлять социализм либерализму как идеологии антидемократической, выражающей интересы господствующих классов. Нечеткий мыслитель Баласогло сказал об этом несколько расплывчато: «... либералы, т. е. люди, для которых все равно, что бог, что сапог... Надо... бросить этих „порядочных людей“ с их белыми перчатками...».²³ Петрашевский же формулировал более системно. Либерализм в Западной Европе, с его точки зрения, это буржуазный и анархический принцип: «Борьба капиталов против капиталов, так сказать, пожрание большими капиталами или капиталистами маленьких, принесение личности человека в жертву капиталу... Либералы и банкиры суть властители (феодалы) в настоящее время в 3<ападной> Европе». Поэтому социализм «есть учение (начало), прямо противоположное либерализму».²⁴ Эти суждения в зародышевой форме предвещают ту острую борьбу, которую поведут демократы-шестидесятники против русского либерализма.

Нужно, однако, учитывать, что для Петрашевского и для его соратников-фурьеристов либерализм представлялся как идеология корыстно-сословная, а социализм — надклассовая, всеобщая, объединяющая всех людей в один лагерь единомышленников.

Большинство петрашевцев было просветителями, верившими в торжество разума и справедливости на земле, в торжество *истины* и *правды*. Истина одна для всех, поэтому можно всех убедить в ней. Даже цензоров, считал Петрашевский, «можно пробудить от усыпления, представляя истину за истину, и что тогда не

---

²³ Там же. С. 91.

²⁴ Там же. С. 91—92.

может быть, когда весь свет принимает $2 \times 2 = 4$, чтобы они одни говорили 5». ²⁵ При этом совершенно не принимается во внимание, что цензору, может быть, важнее истины его теплое местечко, и если начальство скажет, что дважды два — пять, то он будет неукоснительно проводить эту формулу в жизнь.

Конечно, просветительская вера в силу истины и убеждения часто приводила к легкомысленным планам и выводам. В споре на «пятнице» 1 апреля 1849 г. Головинский утверждал, что многие не понимают перво-степенной необходимости судебных реформ из-за 1) личности (т. е. корыстного использования современного несправедливого суда), 2) равнодушия, 3) невежества. Петрашевский же слишком просто отверг эти причины. Первая — «уничтожается сама уже по себе тем, что все сословия чувствуют необходимость перемены судопроизводства»; «Равнодушие уничтожается тем, когда на собраниях сословий будет внушаться мысль единства действия и показываться пути к достижению цели. Невежество уничтожается внушениями всем и каждому необходимости знания законов и толкованием им этих самых законов». ²⁶

Философские воззрения петрашевцев были выявлены недостаточно четко. Собственно философскими проблемами интересовались немногие: Петрашевский, Спешнев, Вал. Майков. Однако большинство участников кружков, подвергаясь влиянию общих идей эпохи, влиянию группы или более сведущих товарищей, дают нам возможность и отдельными прямыми высказываниями, и какими-то методологическими особенностями своих взглядов реконструировать их ведущие философские тенденции.

Проще всего определяется негативная часть. Подавляющее большинство петрашевцев выступало против мистики, почти всегда отождествляемой с религией. В подцензурной форме Петрашевский в «Карманном словаре иностранных слов. . .» так объяснял эту связь: «. . . мистицизмом называется целое учение, которого сущность заключается в убеждении в недостаточности обыкновенного пути познания (посредством анализа и синтеза) и в возможности другого, высшего познания,

²⁵ Там же. Т. 3. С. 442.

²⁶ Там же. С. 426—427.

которое открывает нам мир тайны. Мистицизм в этом смысле есть величайшее заблуждение. . .». Конечно, же, «высшее познание», «мир тайны» — это синонимы религиозного откровения. Отсюда вытекает подчеркнутый атеизм ведущих участников кружков: Петрашевского, Спешнева, Толля, Ястржембского, Момбелли. Как выразился в беседе с Антонелли Петрашевский: «Религии по собственному сознанию я не имею никакой».²⁷ Атеистическая атмосфера кружка была настолько сильна, что она разрушала прежние воззрения весьма религиозных людей, например Тимковского: «Вера моя поколебалась, и вскоре я дошел до совершенного отрицания веры христианской, сомневался даже в существовании самого бога».²⁸ При этом религия воспринималась как насильно навязываемая система, тем самым соотносящаяся с самодержавием (Ханыков говорил: «Религия, невежество — спутники деспотизма»)²⁹

Некоторые петрашевцы (Достоевский, Пальм, Акшарумов), правда, оставались верующими, но не в официальную церковь, а в социалистическое христианство в духе идей французского аббата Ламенне, Пьера Леру, Жорж Санд: Христос воспринимался как проповедник братства и равенства всех людей, противник властителей и богачей. А у атеистов и к Христу было отношение достаточно ироническое. В письме к Тимковскому от конца 1848 г. Петрашевский говорит о себе подобных: «. . . изгнали из себя старого человека, по словам известного демагога Христа, несколько неудачно кончившего свою карьеру».³⁰ Непонятно: то ли автор просто шутит, то ли намекает на какие-то просчеты Христа в содержании или форме его пропагандистской деятельности. А Спешнев вполне серьезно истолковывал поведение Христа как коммунистическое (с подчеркиванием не раздачи своего, а забирая чужого имущества). В противовес служителям церкви, любившим противопоставить «хищному» коммунистическому принципу «твое—мое» христианский человеколюбивый «мое — твое», Спешнев утверждал следующее: «. . .сам учитель (Христос. — Б. Е.) и его ученики не владели имуще-

---

²⁷ Там же. С. 387.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 420.

²⁹ Там же. Т. 3. С. 18.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 525.

ством и занимались собиранием . . . И когда они были голодны, они не стеснялись брать зерна на первом попавшемся поле . . . и если учителю требовался осел, чтобы ехать на нем, то он обычно велел брать для него первого, встретившегося на пути («каждому по его потребностям»; «потребность — вот подлинное право на потребление». См. Морелли, Кабе, Дезами и других коммунистов).³¹

Толль считал религию безнравственной, так как она воспитывает не этическую самоответственность человека, а страх перед наказанием. Петрашевский в «Карманном словаре иностранных слов. . .» трактовал термин «оптимизм» как синоним учения Лейбница о благодати божией, изложенного в «Теодицее» (якобы все земное зло сознательно ниспослано людям богом для испытания их твердости): «Это учение в истории развития человечества имеет преимущественное значение как весьма неудачная попытка защиты деизма противу сокрушительных нападений атеизма практического. . .».

Петрашевцы пропагандировали учение Фейербаха о человеке как центре вселенной (антропотейзм). Петрашевский писал в «Карманном словаре иностранных слов. . .»: «Натурализм . . ., все религии, которые представляют нам историческое развитие человечества,

---

³¹ Философские и социально-политические произведения петрашевцев. С. 490. — Большинство высказываний Спешнева, цитируемых в этой главе, мы заимствуем из черновики его писем, впервые опубликованных М. Я. Поляковым в сборнике произведений петрашевцев (1953). Публикатор назвал их условно: «Письма к К. Э. Хоецкому». В. Р. Лейкина-Свирская в статье «Петрашевец Н. А. Спешнев в свете новых материалов» оспаривает имя адресата и предлагает свое — лицейского товарища Спешнева В. А. Энгельсона (История СССР. 1978. № 4. С. 136). На наш взгляд, сомнительны оба имени: так как в одном из писем упоминается книга Прудона «Философия нищеты. . .», вышедшая в конце 1846 г., а Спешнев вернулся в Россию в июле 1846 г., маловероятно, чтобы он решился посылать за границу Хоецкому абсолютно бесцензурные письма и получать аналогичные от адресата; а Энгельсон в 1846—1848 гг. был петербургским чиновником. Нужна ли была опасная переписка? Разве что друзья фиксировали идеологические споры на бумаге или же обменивались письмами с помощью посыльных — в этом смысле, конечно, имя Энгельсона как адресата более вероятно. В чем абсолютно права В. Р. Лейкина-Свирская — это в том, что второе письмо Спешнева фактически состоит из двух совершенно отдельных писем.

считает только постепенным приготовлением человечества к *антропотейзму* или *полному самосознанию и сознанию жизненных законов природы*. А Спешнев, отдавая дань уважения Фейербаху и его антропотейзму с лозунгом «Человек человеку — бог», все же видит в его учении религиозный вариант и предполагает, что человечество не остановится на нем: «. . . антропотейзм — не конечный результат, а только переходное учение . . . он есть лишь путь, по которому Германия и наука придут к полному и безусловному отрицанию религии». ³²

Религии, мистике, косности, невежеству, слепой вере атеистически настроенные петрашевцы противопоставляли научные истины и логическое мышление. Они справедливо называли себя материалистами. Петрашевский, объясняя термин «материализм» в «Карманном словаре. . .», отмежевывается от «неразвитого и грубого» материализма (мы бы сказали — вульгарного), представители которого не подозревают, «что кроме явлений, познаваемых телесными чувствами, есть явления духовные, которые не занимают пространства, которых нельзя ни измерить, ни осязать». И в то же время материя — первична, «в мире нет ничего, кроме материи». Духовные явления создаются с помощью чувств («Ничто не входит в разумение, не пройдя сперва чрез чувства»), знания и теория — с помощью опыта и практики («. . . практика является предшественницей теории и обобщительницей частных фактов и явлений»).

Благодаря знакомству с гегелевским методом, Петрашевский смог включить в свою философскую систему воззрений элементы диалектики. В «Карманном словаре. . .» он так трактует слово «Оппозиция»: «. . . обнаружение в мире нравственном общего закона противодействия сил, под условием воздействия или взаимодействия которых совершается развитие всех форм бытия в природе». Характерно также утверждение всеобщей взаимосвязи: «Все в природе между собою находится в тесной связи и зависимости». Впрочем, в многообразной социально-политической и философской деятельности петрашевцы далеко не всегда практически применяли диалектику, и многие «оппозиции»

---

³² Там же. С. 496.

не разрешались у них гегелевской «триадой», т. е. снятием противоположности на более сложном витке развития (национальное и общечеловеческое, личное и общинное, случайное и закономерное и т. д.).

Особого внимания заслуживает воздействие позитивизма на философские взгляды петрашевцев. Основатель позитивизма Огюст Конт (1798—1857), математик и физик, в молодые годы (1818—1824) личный секретарь Сен-Симона, как философ стал особенно популярен в 40-х годах после выхода шеститомного «Курса позитивной философии» (1830—1842) и популярной книги «Дух позитивной философии» (1844). Сложные социально-политические изменения во Франции в начале XIX в., бурное развитие буржуазии и в то же время ее непрочное еще общественное положение способствовали созданию учений, в которых немалую роль играли различные компромиссы. В эти годы возникает эклектическая философия В. Кузена; не обошелся без идеологических компромиссов и Фурье.

Очень много «промежуточного» и в построениях Конта. Он решил стать в своей системе «над схваткой», над борьбой материализма и идеализма, отвергнув как «ненаучный» вопрос о первичности духа или материи, фактически сняв и проблемы причинности и сущности явлений. Изучение причинности, считал он, совершается на самой примитивной стадии развития человечества — *теологической*. На второй стадии *метафизической* занимаются абстрактными сущностями. И лишь на третьей — *позитивной* (т. е. положительной) — происходит на основе опыта научное изучение фактов и выведение соответствующих законов.

Интенсивное развитие точных, естественных наук в начале XIX в. дало опору Конту: он стремился основать позитивизм на методах точных наук, всячески возвышая математику и количественные методы, предполагая и социологию сделать точной наукой. Одновременно Конт ратовал за изучение истории науки, включал в метод познания процессуальность и историзм. Подобный эклектизм приводил к методологической многоаспектности: в позитивизме содержались черты самых различных философских методов — от субъективного идеализма до стихийного материализма.

Сложность и запутанная эклектичность этой системы явились причиной очень слабой разработанности темы

«Позитивизм в России». Правда, в последние годы появились соответствующие исследования, в том числе и специальная книга П. С. Шкуринова. Но и здесь содержание раздела о петрашевцах свидетельствует, что автор не занимался разработкой этого частного вопроса. Он пишет: «Характерным для петрашевцев было критическое отношение к контизму. Одни из них пропагандировали положения позитивизма, другие подвергали учение Конта критическому анализу, оставаясь по отношению к нему в целом нейтральными или не признавая его заслуживающим сколько-нибудь серьезного внимания. Вероятно, среди петрашевцев были и противники контизма. Ввиду неисследованности проблемы сколько-нибудь категорические суждения невозможны».³³

Непонятно, однако, как же при неисследованности проблемы и при отсутствии хотя бы одного примера критического анализа автор тем не менее осмеливается категорически утверждать характерность именно негативного отношения петрашевцев к позитивизму!

В действительности, позитивизм оказал большое влияние на русскую общественную мысль 40—50-х годов: он тогда истолковывался прежде всего как антиидеалистическая философия, как метод, основывающийся на строгих естественнонаучных данных — на практике, а не на умозрительности, часто даже как синоним материализма, тем более что Конт воспринимался как прямой ученик Сен-Симона, а ученик Конта Э. Литтре был известен не только как замечательный ученый, но и как революционер и демократ. Влиянию позитивизма подверглись и Герцен, и Огарев, и Белинский (хотя отношение их к новому учению было отнюдь не апологетическим); Чернышевский даже много позже, в статье «Июльская монархия» (1860), так характеризовал Конта: «. . . основатель положительной философии, единственной философской системы у французов, вер-

---

³³ Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 106—107. — В книге приводится немало новых фактов, но в целом она слишком схематична, конспективна; например, о замечательном русском позитивисте Г. Н. Вырубове сказано всего несколько абзацев, совершенно не упоминается об интереснейшей его статье «Позитивизм и Россия», приложенной к русскому переводу книги Э. Литтре «Несколько слов по поводу положительной философии» (Берлин, 1865).

ной научному духу, один из гениальнейших людей нашего времени». ³⁴ Лишь позднее у Чернышевского возникло скептическое отношение к позитивизму.

И на петрашевцев учение Конта оказало некоторое воздействие: необходимо с этой точки зрения более тщательное обследование их трудов, особенно — Петрашевского и Спешнева, как и более основательное изучение наследия главных русских позитивистов 40-х годов — Вал. Майкова и В. А. Милютина, близких к петрашевцам (несколько страниц в книге П. С. Шкуринова, посвященных этим деятелям, — опять-таки слишком схематичны и односторонни).

Герцен вообще был склонен считать петрашевцев позитивистами: «Наследники сильно возбужденной умственной деятельности сороковых годов, они прямо из немецкой философии шли в фалангу Фурье, в последователи Конта». ³⁵ Это явное преувеличение. В библиотеке Петрашевского были сочинения Конта. Однако прямое упоминание основателя позитивизма мы встречаем только у петрашевцев (да и то периферийных). Например, у Кашкина, в его «Речи о задачах общественных наук», содержится ссылка на «Курс позитивной философии». Думается, что Петрашевский в середине 40-х годов в отличие от Вал. Майкова еще не был знаком с трудами Конта, но некоторые положения позитивизма ему могли быть близки: в статьях «Карманного словаря» очень заметен пафос практики, опыта, ненависти к метафизической схоластике и т. п. У молодого Петрашевского был также явный интерес к «математизации» в общественной сфере (ср. записи от 14 апреля 1843 г.: «Математическое определение обязанностей родителей в отношении детей, в отношении к их нравственному и физическому быту», и от 29 апреля 1845 г.: «Рассуждение психологико-политико-экономическое, основанное на математических, физических и нравственных данных»). Поэтому, если в дальнейшем Петрашевский штудировал Конта, то идеи позитивизма могли бы оказать прямое воздействие на его воззрения: почва была достаточно подготовленной. Однако заключение и ссылка лишили Петрашевского возможности создавать философские исследования.

³⁴ Чернышевский П. Г. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 166.

³⁵ Герцен А. И. Собр. соч. 1956. Т. 10. С. 344.

У Спешнева в так называемых «Письмах к К. Э. Хоецкому» содержатся бесспорно контристские пассажи: критика метафизики, абстрактности и метафизической причинности, подчеркивание «различия позитивной точки зрения от метафизической» и релятивизма, относительности взглядов и вкусов каждого индивидуума. Все это свидетельства хорошего знакомства Спешнева с позитивизмом и использования позитивистского метода в основном в *критической* части его мировоззренческой системы (а в положительной он больше опирался на учения утопических социалистов и коммунистов).

Вполне вероятно знакомство Ястржембского с французским позитивизмом; в лекциях по политической экономии он опирался на английского позитивиста Д. С. Милля, ратовал за создание социологии как науки, за широкое включение в социологию и политэкономия статистику и т. д.

Материалистические основы мировоззрения петрашевцев находятся на магистральном пути русской демократической мысли от Белинского и Герцена к шестидесятникам. Позитивистские черты тоже будут более детально развиты поздними шестидесятниками, особенно Писаревым и Зайцевым. И вообще идеология петрашевцев представляет собой, как это бесспорно вытекает из их наследия, ранний этап в истории русского социализма, этап становления революционной демократии. Прямой путь от них идет к Чернышевскому и Добролюбову.

Чернышевский был в ранние студенческие годы учеником Ханыкова, но, конечно, еще более велико общее воздействие социалистических идей русских радикальных деятелей 40-х годов на шестидесятников и семидесятников, без этих идей невозможно понять творчество Чернышевского, Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова. А те из ранних русских социалистов, которым удалось миновать застенки и каторгу и творчески развивать революционно-демократические принципы в условиях последующих десятилетий (Герцен и Огарев в первую очередь), очень хорошо понимали, что если бы петрашевцам не были закрыты возможности нормальной социально-политической и научной деятельности, то и они стали бы в уровень с радикальными потомками. Огарев очень хорошо сказал об этом в пре-

дисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX в.» (1861): «... выросши из среды словопрений, общество (петрашевцев. — Б. Е.) поставило своим знаменем теоретическую задачу, которая еще не касалась народа, оставшегося хладнокровным к европейскому движению, смотревшего на него с равнодушием человека, который чувствует, что там идет не его дело, поставлена не его задача. Вероятно, если б общество Петрашевского продолжалось до нашего времени, оно сошло бы с теоретического пьедестала на народную почву и поняло бы, что строить историю можно только на имеющемся фундаменте и из данных материалов».³⁶

Совершенно не изученная тема — влияние петрашевцев на зарубежную общественную мысль. В. Сливовская привела в своей книге интересный факт, заимствованный из статьи Карела Крейчи; «Ф. М. Клацел и петрашевцы».³⁷ Оказывается, Ф. М. Клацел, видный чешский общественный деятель, издал в Брно в 1849 г. «Словарь для читателей газет, с объяснением слов иностранного происхождения» («Slovník pro čtenáře novin, v němž se vysvětlují slova cizího původu») — своеобразную энциклопедию революционной мысли, в которой явно заметно влияние словаря Петрашевского. Автор статьи предполагает знакомство и идейные связи Клацела со Спешневым и Хоецким в Дрездене и Праге; от них он мог получить оба выпуска «Карманного словаря иностранных слов. . .». Подобные случаи, возможно, были не единичны, однако тема требует специальной разработки.

Таким образом, петрашевцы оказались на переходе, на своеобразном перевале от дворянского к разночинному периоду русского освободительного движения. Они продолжили дело декабристов, в то же время критикуя ограниченность декабристских идеалов и методов. Интересно, что и биографически петрашевцы были непосредственно связаны с декабристами: Кашкин был сыном декабриста, а Петрашевский и Львов, познако-

---

³⁶ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 421.

³⁷ Krejčí Karel. Fr. Matouš Klácel a petraševci // Listy filologické. 1948. N 2/4. S. 232—236.

жившим с декабристами в Сибири, боролись там вместе с ними против местной администрации. В то же время дожившие до середины века декабристы (такие, как М. А. Фонвизин) внимательно штудировали на старости лет труды, излагающие воззрения утопистов, и сами пытались разработать на новом этапе демократические социально-политические принципы. Широко известны и личные, и творческие связи декабристов с Герценом и Огаревым. Так создавалась непрерывная преемственность радикальных традиций в поколениях XIX в., которая в дальнейшем не ослабнет, а лишь усилится при переходе к XX в.

Очень разнообразно складывались дальнейшие судьбы петрашевцев. Некоторые ушли из жизни очень быстро: Ханыков умер от холеры в 1853 г., в Орской крепости; Филиппов в действующей Кавказской армии умер от раны, полученной при штурме Карса (война с Турцией, в 1855 г.); сам *Петрашевский*, нелюбимый начальством, затравленный, неоднократно ссылаемый уже в самой Сибири (из городов — в поселки, из поселков — в дальние деревушки), умер в 1866 г. Но многие петрашевцы, несмотря на невзгоды каторги, ссылки, солдатчины, выдержали тяжелые физические и нравственные испытания и очень активно участвовали в гражданской и культурной жизни России второй половины XIX в. Из них вышло немало ученых (Львов, Данилевский), администраторов (Беклемешев, братья Дебу, Головинский), военных (Кузмин, Момбелли), общественных деятелей (*Спешнев*, Кашкин). Больше всего, пожалуй, — писателей, на которых идеи их молодости оказали неизгладимое влияние, творчество которых немислимо представить без радикальной закваски 40-х годов. И это необходимо учитывать по отношению к писателям любого масштаба — от великих гениев Достоевского и Салтыкова-Щедрина до значительно более скромных по результатам творческой деятельности — таких как Плещеев, Пальм, Дуров, Толль, Баласогло.

Понимали ли петрашевцы в начале своего пути, какую особую благородную и трагическую судьбу они избирали? Может быть, не все, но Петрашевский — несомненно. Вряд ли он пророчил себе будущее так, как Рылеев («. . .погибель ждет того, кто первый восстает на притеснителей народа»), но высокий трагизм избранничества, конечно, понимал. В наказаниях учителя Мадерского, жившего в квартире у основателя

«пятниц», сообщается, что приблизительно в 1846 г. по инициативе хозяина дома он, Мадерский, завел у себя литературные вечера, на одном из которых читали введение к „Дон-Кихоту“, написанное Петрашевским.¹ Что это — понимание сходства? Предчувствие драмы? Прославление героического поведения? Во всяком случае, на следствии Петрашевский прямо сравнил себя с легендарным Икаром: «. . .мысль моя — стать во главе разумного движения в народе русском — подобие попытки Икара. . .».²

Уже в самой драматической мужественности Петрашевского и его соратников заключается человеческая незаурядность — иначе и быть не может, в радикальном движении в условиях деспотических режимов трудно участвовать мелкому, трусливому характеру. А человеческая незаурядность, как правило, выражается не только в непреклонности, но и в творческих началах различных сфер: организационной, педагогической, научной, художественной. Недаром поэтому большинство петрашевцев были талантливыми людьми, стремившимися практически реализовать свои способности.

Талант — национальное достояние. Достояние и материальное (ибо таланты в области политики, науки и искусства приносят государству немалый доход), и — что еще более важно — духовное, культурное, значение которого не измерить никакими материальными критериями, настолько оно велико. Достоевский и Салтыков без ссылки и каторги на несколько лет раньше подошли бы к созданию своих шедевров и обогатили бы русскую литературу новыми замечательными произведениями. Сколько поэм и стихотворений, сколько картин внес бы в сокровищницу украинской культуры Шевченко! Львов и Черносвитов, может быть, стали бы выдающимися учеными-изобретателями: то, что им удалось сделать в науке — лишь малая толика возможного.³ А многие пострадавшие вообще не реали-

---

¹ ЦГВИА. . . Ч. 38, л. 41.

² Дело петрашевцев. Т. 1. С. 29.

³ Например, Черносвитов, находясь в Кексгольмской крепости (освобожден в 1854 г.), регулярно занимался техническим изобретательством: представил чертеж искусственной ноги для инвалидов, трудился над проектами воздухоплавательных аппаратов. Уже по выходе из крепости он опубликовал интересную

вовали себя, их талант был убит каторгой и ссылкой. Кем был бы Спешнев при свободном развитии способностей: философом, политиком, ученым, журналистом? Мы не знаем, но ясно, что его незаурядная натура ярко проявила бы себя в любой области. А как мало реализовал себя Петрашевский! Его способности организатора, учителя, юриста тоже были загублены на корню. Талант — национальное достояние, но царскому правительству никакого дела не было ни до духовных, ни даже до материальных его аспектов. Властям было важнее приобрести, пусть дорогой ценой, хотя бы относительный покой, хотя бы относительную уверенность в прочности своего существования, т. е. в отсутствии инакомыслящих, в отсутствии в стране тенденций к «прогрессу», к социально-политическим преобразованиям.

Историю, конечно, не остановить. Многовековой опыт учит: реакционные режимы наносят отечественной и мировой культуре непоправимый ущерб, стесняя и убивая таланты, однако любое проявление последних в различных сферах, и не только непосредственно в общественно-политической области, но и в науке и искусстве, любой творческий вклад обогащает сокровищницу человеческой культуры и расшатывает, разъедает самые, казалось бы, незыблемые преграды и тормоза, которые расставляются на их пути. Слава талантам! И особая слава мужественным людям, которые творят и действуют, несмотря ни на какие неблагоприятные условия, на пользу родины и человечества!

статью «О воздушных локомотивах», разработал подробный проект дирижабля с паровой тягой (Морской сборник, 1857. № 7. Часть неофициальная. С. 53—82+3 чертежа).

Приложение

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА ПЕТРАШЕВЦЕВ И ЛИЦ, С НИМИ СВЯЗАННЫХ

Адреса указываются, как правило, применительно к апрелю 1849 г., ко времени массовых арестов петрашевцев. Исключение делается для лиц, умерших к этому сроку (В. Н. Майков утонул в июле 1847 г.) или отсутствовавших в тот момент в Петербурге (М. Е. Салтыков сослан в Вятку в апреле 1848 г., Р. А. Чернссвитов уехал в Сибирь в феврале 1849 г., А. Н. Плещеев — в Москву в марте 1849 г.).

подавляющее большинство адресов выявлено впервые благодаря справкам, составленным, видимо, П. Д. Антонелли для подготовки к арестам. На основании этих справок — они ныне хранятся в ЦГАОР СССР (ф. 109, 1 эксп. III отд., оп. 1849, дело 214, ч. 1) — 20 апреля 1849 г. в Министерстве внутренних дел под руководством И. П. Липранди был составлен сводный «Список лицам, посещавшим с 11 марта 1849 года собрания Петрашевского по пятницам», впервые рассекреченный А. И. Герценом, опубликовавшим его в «Полярной звезде на 1862 г.» (Кн. 7, вып. 1, с. 47—61).

С помощью замечательного справочника Н. Цылова «Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов» (1849) удалось выявить точные адреса петрашевцев и их близких знакомых и идентифицировать их с современными нам улицами и домами.

В рубрике «Исторический адрес» сообщается о принадлежности дома лицу или ведомству, а также об этажности дома (иногда — домов: на участке могло находиться два или даже три дома; в котором из них квартировал петрашевец — не всегда известно). Для одно- и двухэтажных строений указывается материал: деревянный дом или каменный,

Фамилия, имя отчество	Исторический адрес	Современный адрес
Ахшарумов Владимир Дмитриевич	Вас. о-в, Большой пр., 9. Дом купца Ф. И. Юнкера, 4-этажный.	Большой пр., 8.
Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич	Наб. р. Мойки, 56. Дом Министерства иностраных дел, 2- этажный, каменный.	Не сохранился. Наб. р. Мойки, участок дома № 65.
Ахшарумов Николай Дмитриевич	В доме вместе с бра- том Владимиром Дмит- риевичем.	
Баласогло Александр Павтелеймонович	Галерная, 46. Дом Румянцевского музея, 2-этажный, каменный.	Красная, 45. Дом надстроен.
Баллин Николай Петрович	Наб. р. Фонтанки, 5. Училище правоведе- ния.	Наб. р. Фонтан- ки, 6. Дом пере- строен.
Барановский Александр Николаевич	Стремянная, 8. Дом академика К. П. Бег- горова, 5-этажный.	Стремянная, 7.
Безобразов Владимир Павлович	Моховая, 25. Дом же- ны ген.-лейтенанта А. К. Есаковой, 4- этажный.	Моховая, 30.
Белецкий Петр Иванович	Вас. о-в, 11-я линия, 19. Дом купца И. И. Траншеля, 4- и 2-этаж- ный.	Не сохранился. 11-я линия, уча- сток домов № 24 и 26.
Берестов Алексей Иванович	Вас. о-в, наб. Бол. Не- вы, 12. Дом купчихи М. А. Тершиной, 4- этажный.	Университетская наб., 21.
Бернардский Евстафий Ефимович	Галерная, 46. Дом Румянцевского му- зея, 2-этажный, ка- менный.	Красная, 45. Дом надстроен.
Ващенко Эраст Герасимович	Невский пр., 71. Дом купца И. Ф. Лопатица, 4- и 5-этажный.	Невский пр., 68. Дом перестроен.

Фамилия, имя, отчество	Исторический адрес	Современный адрес
Венедиктов Иван Иванович	Свечной пер., 6, квартира Ф. Н. Львова.	См. Львов Ф. Н.
Витт Николай Иванович	Загородный пр., 65. Дом придвор. камердинера Г. М. Горяинова, 1-этажный, деревянный.	Не сохранился. Загородный пр., участок дома № 74/76 (левая часть).
Головинский Василий Андреевич	Вас. о-в, Большой пр., 58. Дом кн. А. П. Голицыной, 2-этажный (каменный), и 1-этажный (деревянный).	Не сохранился. Большой пр., участок дома № 55.
Григорьев Николай Петрович	Гороховая, 39. Дом почет. гражданина И. М. Савастьянова, 3-этажный.	Ул. Дзержинского, 40.
Данилевский Григорий Петрович	Вас. о-в, Загибенин пер., 6. Дом купцов И. И. Загемеля и А. А. Берга, 2-этажный, каменный.	Волховской пер., 4.
Дебу Ипполит Матвеевич	Шестилавочная, 46. Дом жены поручика А. И. Головиной, 3-этажный и 1-этажный (деревянный).	Не сохранился. Ул. Маяковского, участок дома № 5 (левая часть).
Дебу Константин Матвеевич	Знаменская, 12. Дом архитектора А. В. Голле, 3-этажный и 1-этажный (деревянный).	Не сохранился. Ул. Восстания, участок дома № 36.
Деев Платон Алексеевич	Бол. Садовая, 116, квартира в доме М. В. Петрашевского.	См. Петрашевский М. В.
Дершау Федор Карлович	Вознесенский пр., 34. Дом купчихи А. К. Моровиц, 5-этажный.	Пр. Майорова, 33.
Достоевский Андрей Михайлович	Царскосельский пр., 6. Дом купцов А. П. и В. П. Нестеровых, 2-этажный, каменный.	Не сохранился. Московский пр., участок дома № 29.

Фамилия, имя, отчество	Исторический адрес	Современный адрес
Достоевский Михаил Михайлович	Невский пр., 109. Дом купца М. П. Неслинда, 3-этажный.	Не сохранился. Невский пр., участок дома № 104.
Достоевский Федор Михайлович	Вознесенский пр., 7. Дом купца Я. Х. Шяля, 4-этажный.	Пр. Майорова, 8/23
Дуров Сергей Федорович	Гороховая, 64. Дом купца С. Е. Ефимова, 3-этажный.	Не сохранился. Ул. Дзержинского, участок дома № 61.
Европеус Александр Иванович	Наб. р. Фонтанки, 160. Дом жены тайн. советника Н. Л. Трофимовой, 3-этажный.	Наб. р. Фонтанки, 185. Дом надстроен.
Егоров Петр Андреевич	Наб. р. Фонтанки, 168. Дом стат. советника С. Б. Вессели, 3-этажный.	Наб. р. Фонтанки, 193.
Зотов Владимир Рафаилович	Офицерская, 182—183. Дом купчихи М. Ф. Немковой, 4-этажный.	Ул. Декабристов, 27.
Кайданов Николай Иванович	Вас. о-в. 5-я линия, 21. Дом стат. советника В. И. Ростовцева, 2-этажный, деревянный.	Не сохранился. 5-я линия, участок дома № 28.
Катенев Василий Петрович	Вас. о-в, 4-я линия, 54. Дом купца Н. Я. Мосягина, 3-этажный.	Не сохранился. 4-я линия, участок дома № 47.
Кашкин Николай Сергеевич	Литейный пр., 78. Дом наследников ген.-лейтенанта А. П. Бергмана, 3-этажный.	Не сохранился. Владимирский пр., участок дома № 19.
Кознаков Николай Геннадиевич	Кабинетская, 4. Дом отца, ген.-майора Г. И. Кознакова, 2-этажный, каменный и деревянный.	Не сохранился. Ул. Правды, участок дома № 3.

Фамилия, имя, отчество	Исторический адрес	Современный адрес
Колошин Николай Николаевич	Пантелеймоновская, 11. Дом академика А. Х. Пеля, 4-этаж- ный.	Ул. Пестеля, 12.
Кропотов Дмитрий Андреевич	Вас. о-в, Кадетская линия. Первый кадет- ский корпус	Съездовская лп- ния, 1.
Кузмин Алексей Алексеевич	Михайловская, 2. Го- стиница «Кулон». Дом купца А. И. Клея, 4- этажный.	Ул. Бродского, 1. Гостиница «Европейская» (правая часть). Дом перестроен.
Кузмин Павел Алексеевич	Вас. о-в, 11-я линия, 19. Дом купца И. И. Траншеля, 4- и 2-этаж- ный (каменный и де- ревянный); кварта- ра П. И. Белецкого.	Не сохранился. 11-я линия, уча- сток домов № 24 и 26.
Ламанский Евгений Иванович.	Невский пр., 1—3. Главный штаб, квар- тира отца, И. И. Ла- манского.	Невский пр., 2— 4.
Ламанский Порфирий Иванович	То же.	То же.
Лейброк книгопродавец	Невский пр., 39. Книж- ный магазин. Дом ко- лж. секретаря Н. А. Рогова, 5-этажный.	Невский пр., 36.
Львов Федор Николасвич	Свечной пер., 6. Дом родственника, подпол- ковника Н. Е. Кастор- ского, 3-этажный, и 1-этажный (деревян- ный).	Не сохранился. Свечной пер., участок дома № 5.
Мадерский Александр Тимофеевич	Бол. Садовая, 116 квартира М. В. Петра- шевского.	См. Петрашев- ский М. В.
Майков Аполлон Николаевич	Бол. Садовая, 53. Дом полковника И. В. Авичкова, 5-этажный.	Садовая, 48.

Фамилия, имя, отчество	Исторический адрес	Современный адрес
Майков Валериан Николаевич	Бол. Садовая, 54. Дом жены ген.-майора К. М. Адам, квартира отца, Н. А. Майкова	Садовая, 51.
Милютин Владимир Алексеевич	Литейный пр., 72—74. Дом ген.-майора Б. А. Фридерикса, 5-этажный.	Владимирский пр., 13—15.
Момбелли Николай Александрович	Казармы лейб-гвардии Московского полка (квартал между Фонтанкой, Гороховой и Загородным пр.).	Наб. р. Фонтанки, 90; Загородный пр., 35 и жилые корпуса во дворе.
Ольдекоп Карл Карлович	Средняя Мещанская, 13. Дом коллеж. советника Ф. Ф. Семизорова, 3-этажный.	Гражданская, 14.
Пальчиков Александр Васильевич	Троицкий пер., 10. Дом купчихи Т. В. Бобковой, 3-этажный.	Не сохранился. Ул. Рубинштейна, участок дома № 11.
Петрашевский Михаил Васильевич	Бол. Садовая, 116. Собственный дом, 3-этажный и 2-этажный (деревянный).	Не сохранился. Садовая, участок дома № 109 (левая часть).
Плещев Алексей Николаевич	Литейный пр., 28. Дом вдовы ген.-майора Е. П. Пистолькорса, 3-этажный с мезонином.	Не сохранился. Литейный пр., участок дома № 29.
Пронин Василий Гурьянович	Вас. о-в, 5-я линия, 43. Собственный дом, 4-этажный.	Не сохранился. 5-я линия, участок дома 40.
Салтыков Михаил Евграфович	Наб. р. Мойки, 3. Дом коммерции советника И. А. Жадимировского.	Наб. р. Мойки, 8. Дом перестроен.
Серебряков Николай Алексеевич	Наб. р. Фонтанки, 146. Дом капитана, барона В. К. Кистера, 2-этажный, деревянный.	Не сохранился. Наб. р. Фонтанки, участок дома № 171 (левая часть).

Фамилия, имя, отчество	Исторический адрес	Современный адрес
Спешнев Николай Александрович	Кирочная 17. Собственный дом, 2-этажный, каменный.	Ул. Салтыкова-Щедрина, 14.
Толбин Василий Васильевич	Наб. Екатерининского канала, 62. Дом коммерции советника И. А. Жадимировского, 5-этажный.	Наб. канала Грибоедова, 69.
Толль Феликс Густавович	Гороховая, 11. Дом титуляр. советника Л. И. Штрауха, 4- и 5-этажный.	Ул. Дзержинского, 12.
Толстов Алексей Дмитриевич	Вас. о-в, 2-я линия, 4. Дом губерн. секретаря Е. Л. Бема, 2-этажный с мезонином, деревянный.	Не сохранился. 2-я линия, участок дома № 3.
Утин Борис Исаакович	Вас. о-в, Загибенин пер., 7. Дом купца П. И. Скосырева, 4-этажный.	Тучков пер., 5.
Ушаков Николай Аполлонович	Вас. о-в, наб. Бол. Невы, 83. Дом наследников стат. советника П. В. Усова, 4-этажный	Наб. лейтенанта Шмидта, 13. Дом надстроен.
Ханыков Александр Владимирович	Кирочная, 3. Дом жены каретного мастера Е. Б. Мельцер, 3-этажный.	Не сохранился. Ул. Салтыкова-Щедрина, участок дома № 4.
Цейдлер Михаил Иванович	Графский пер., 5. Дом отца, действ. стат. советника И. Б. Цейдлера, 3- и 2-этажный, каменный.	Не сохранился. Ул. Марии Ульяновой, участок дома № 3.
Черносвитов Рафаил Александрович	Захарьевская, 20. Дом надвор. советника Н. М. Гартинга, 3- и 2-этажный, каменный.	Не сохранился. Ул. Каляева, участок дома № 23.

Фамилия, имя, отчество	Исторический адрес	Современный адрес
Чириков Михаил Николаевич	Бол. Садовая, 116, квартира М. В. Пет- рашевского.	См.: Петрашев- ский М. В.
Шабишев Николай Николаевич	Бол. Садовая, 60. Дом матери, вдовы коллеж. советника К. Н. Шабишевой, 3- этажный.	Не сохранился. Садовая, участок дома № 55—57 (левая часть).
Шапошников Петр Григорьевич	Петербургская сторо- на, Большой пр., 429. Дом купца М. Т. Се- менова, 2-этажный с мезонином, деревян- ный.	Не сохранился. Большой пр., участок дома № 6—8 (правая часть).
Штрайдман Роман Романович	Вас. о-в, 14-я линия, 6. Дом матери, К. К. Штрайдман, 1-этаж- ный, деревянный.	Не сохранился. 14-я линия, уча- сток дома № 5 (левая часть).
Энгельсон Владимир Аристович	Знаменская, 14. Дом жены надвор. совет- ника А. П. Абросимо- вой, 4-этажный.	Ул. Восстания, 34.
Ястржембский Иван (Фердинанд) Львович	Загородный пр., без №, угол Царскосель- ского пр. Технологи- ческий институт	Загородный пр., 49.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов К. И. 9, 64
Абросимова А. П. 227
Адам К. А. 225
Аксаков К. С. 27, 31
Александр I 43, 201
Александр II 39, 183, 186, 189, 190
Алексеев М. П. 20
Алексей Петрович, царевич, 39, 190
Аничков И. В. 224
Анненков Н. Н. 224
Анненков П. В. 27, 117
Антонелли Д. И. 110
Антонелли П. Д. 6, 49, 94, 96, 99, 101, 103, 105, 106, 110—115, 117—119, 121, 136—138, 145, 156, 160, 165, 167—170, 172, 173, 184, 199, 200, 208, 220
Аристов И. П. 137
Аристотель 100
Афанасьев А. Н. 5
Ахшарумов В. Д. 221
Ахшарумов Д. Д. 4, 7, 12, 46, 64, 102, 113, 121, 131, 132, 134, 164, 170, 176, 192, 198, 200, 208, 221
Ахшарумов Н. Д. 221
- Бакунин М. А. 26
Баласогло А. П. 13, 14, 57, 62, 63, 90—92, 113, 122, 123, 165, 169, 173, 174, 180, 181, 192, 199, 205, 206, 217, 221
Бал(л)иян Н. П. 57, 145, 221
Бантыш-Каменский А. 52, 59, 108
Барановский А. Н. 54, 55, 57, 62, 63, 86, 90, 91, 102, 116, 177, 221
- Барановский П. И. 57
Бегров К. П. 221
Безобразов В. П. 130, 221
Безродный А. В. — см. Шаломытов Н. В.
Бекетовы Ал. Н., Ан. П., Н. Н. 37, 57
Беклемишев А. П. 5, 87, 88, 93, 177, 190, 217
Белецкий П. И. 145, 169, 172, 173, 176, 177, 221, 224
Белинский В. Г. 10, 12, 18, 21, 24—28, 31, 34, 35, 37, 38, 43, 51, 66, 67, 82—84, 98, 104, 117, 121, 128, 145, 146, 153, 186, 202, 212, 214
Белинский Г. Н. 43
Белозерский В. М. 40
Бельчиков Н. Ф. 6, 12, 182
Бем Е. Л. 226
Бенкендорф А. Х. 183
Беранже П. Ж. 71
Берви—Флеровский В. В. 37
Берг А. А. 222
Бергман А. П. 223
Берестов А. И. 97, 169, 170, 177, 221
Берков П. Н. 64, 70, 77, 80
Бернардский Е. Е. 97, 170, 176, 177, 221
Бестужев Н. А. 28
Беттихер Г. А. 38
Бешкин Г. Л. 6
Благовещенский Н. М. 97
Благосветлов Г. Е. 38
Блан Л. 42, 48, 71, 82, 93, 165
Блудова А. Д. 30, 196
Бобкова Т. В. 225
Богатов В. В. 10
Бортникова А. И. 10
Боткин В. П. 25, 145
Броневский Д. Б. 52, 59, 60

Булгария Ф. В. 20
Бурдин Ф. А. 97
Буташев-Петрашевский
М. В. 3—5, 7—10, 12—14,
26, 29, 33, 38, 41—64, 66,
70—79, 81, 82, 84—96, 98—
104, 106—123, 125—127,
130—136, 138, 141, 143, 147,
151, 152, 155—161, 163—
174, 176, 179—186, 191, 192,
194, 195, 197—203, 205—
213, 215, 217—220, 222, 224,
225, 227

Бутурлин Д. П. 84
Буцик А. К. 13
Бюрэ Э. 41

Валицкий А. 21
Валк С. Н. 6
Вальская Б. А. 10
Варн М. 143
Васильев А. П. 194
Ващенко Э. Г. 131, 132, 134,
135, 164, 177, 179, 190, 221
Введенский И. И. 38
Веймарн А. Ф. 191
Велланский Д. М. 151
Венедиктов И. И. 222
Веревкин П. В. 97
Вернадский И. В. 97
Верховский З. И. 168
Веселовский К. С. 47, 117
Вессели С. Б. 223
Висковатов П. А. 72, 162,
182
Витт Н. И. 38, 222
Водозовов В. В. 5
Возный А. Ф. 9, 10, 80, 81,
101, 109, 111, 114, 115, 169
Володин А. И. 7, 22, 35
Вольтер М. Ф. А. 39, 151
Востров В. В. 135, 139, 140,
143, 155, 171, 185

Гаврилов С. Г. 95
Гагарин Н. В. 106
Гагарин П. П. 4, 174, 175,
189
Галактионов А. А. 10
Гаргинг Н. М. 226
Гакстгаузен А. фон 29
Гегель Г. В. 100
Гедерштерн А. К. 174

Гельвеций К. А. 122
Гервег Г. 34
Герцен А. И. 4, 5, 10—12, 17,
18, 21, 24—26, 29, 31, 34,
37, 38, 42, 48, 51, 57, 82—
84, 117, 130, 162, 169, 189,
190, 204, 212—214, 216, 220
Гиппиус В. В. 21
Глазенап А. Р. 38
Глинка М. И. 97
Гоголь Н. В. 21, 26—28, 31,
35, 38, 41, 66, 82, 102—104,
121, 128, 151, 186, 196
Голенищев-Кутузов А. А. 162,
163
Голицын А. Ф. 174, 175
Голицына А. П. 222
Голле А. В. 222
Головина А. И. 222
Головинский В. А. 57, 118—
121, 130, 169, 172, 173, 192,
204, 207, 217, 222
Голуховский И. 151
Гольбах П. А. 71
Гольтгоер Ф. Г. 44
Горяинов Г. М. 222
Грановский Т. Н. 48, 51, 177,
178
Грибоедов А. С. 38, 151
Григорий, архиепископ казан-
ский 32
Григорович Д. В. 37, 83
Григорьев А. А. 21, 31, 34,
61, 64, 72
Григорьев Н. П. 4, 96, 103,
120, 126, 128—130, 163, 169,
170, 173, 176, 180, 185—
187, 192, 194, 222
Григорьев Петр — см. Ша-
пошников П. Г.
Гроссман Л. П. 23
Гулак Н. И. 40

Давыдов И. И. 48
Даль В. И. 117
Данилевский Г. П. 5, 135,
147, 148, 177, 200, 222
Данилевский Н. Я. 62, 87, 90,
93, 101, 123, 130, 132, 162,
169, 176, 177, 187, 192, 198,
199, 217
Дебу И. М. 12, 14, 89, 91, 94,
130—132, 134, 135, 164, 165,
169, 192, 199, 217, 222

Дебу К. М. 12, 88—91, 94,
123, 130—133, 135, 159, 161,
164, 165, 169—171, 174, 192,
197, 199, 217, 222
Деев П. А. 54, 63, 169, 177, 222
Дезами Т. 100, 209
Декарт Р. 100
Демор П. Ф. 58
Деркач С. С. 10
Дершау Ф. К. 69, 97, 122, 123,
222
Десницкий В. А. 6
Дмитерко Я. Д. 9
Добролюбов Н. А. 48, 75, 103,
214
Долгоруков В. А. 174, 175
Дондуков—Корсаков М. А. 62
Дорошкевич О. К. 11
Достоевский А. М. 222
Достоевский М. М. 6, 57, 103,
126, 129, 130, 174, 177, 197,
223
Достоевский Ф. М. 4—6, 23,
34, 37, 57, 61—64, 71, 72,
102—104, 121, 122, 126, 128—
130, 149, 158, 163, 168—
170, 176, 182, 191, 192, 194,
197, 205, 208, 217, 218, 223
Дроздов А. В. 24
Дружинин А. В. 41
Дубельт Л. В. 52, 59, 107,
121, 138, 144, 149, 150, 152,
167, 168, 171, 174, 175, 187,
188, 197
Дулов А. В. 11
Дурасов Ф. А. 191
Дуров С. Ф. 4, 5, 8, 14, 57,
89, 91, 92, 102, 104, 114,
115, 121—123, 125—130, 132,
135, 156, 163, 168, 169, 173,
177, 180, 199, 205, 217, 223
Дьяков В. А. 9, 11, 201, 202

Евграфов В. Е. 9
Европеус А. И. 131, 132, 135,
164, 177, 192, 193, 223
Европеус П. И. 164
Егоров Б. Ф. 7, 21
Егоров П. А. 55, 223
Екатерина II 39, 183
Ераков К. Н. 38
Есаков Е. С. 62, 131, 132, 134,
177, 179, 182, 190
Есакова А. К. 221

Ефимов С. Е. 223

Жадмировский И. А. 225, 226
Жадовская К. В. 116
Жадовская Ю. В. 116
Жеребцов Н. А. 29, 30
Житомирская С. В. 28, 29, 185
Жуковский В. А. 109, 189, 190

Зайончковский П. А. 21
Зайцев В. А. 103, 214
Закревский А. А. 32, 33, 178
Залебедский Э. 40, 41
Зануцци А. В. 55, 56
Зельдович М. Г. 10
Зильберфарб И. И. 22
Зиневич Н. А. 13
Зотов В. Р. 57, 58, 92, 97,
116, 123, 148, 223

Иллерицкий В. Е. 10

Кабэ Э. 71, 82, 100, 209
Кавелин А. А. 59
Кайданов В. И. 62, 86, 97,
164, 169, 223
Каллаш В. В. 61, 62
Кантемир А. Д. 176
Каплан Ф. 11
Кармалин Н. Н. 38, 39
Касторский Н. Е. 224
Катенев В. П. 5, 112, 116, 123,
135, 136, 138—140, 142,
146—149, 151, 152, 154, 155,
169, 172, 185, 192, 200, 201,
223
Каховский П. Г. 43
Кашевский Н. А. 97
Кашкин Н. С. 5, 12, 14, 123,
130—132, 134, 135, 142, 156,
163—165, 170, 177, 192, 193,
213, 215, 217, 223
Киреевский И. В. 15, 27, 28,
34
Киреевский П. В. 27
Кирилов Н. С. 33, 64, 65, 70,
72, 74, 78—81
Киселев П. Д. 29, 83, 87
Кистер В. К. 225
Клацел Ф. М. 215
Клей А. И. 224

- Клибанов А. И. 19
 Ковалевский П. М. 9
 Кознаков Г. И. 223
 Кознаков Н. Г. 196, 223
 Кокин Л. М. 13
 Коковкин Я. И. 109
 Колошин Н. Н. 40, 224
 Комарович В. Л. 6
 Консидеран В. 22, 58, 61, 165, 183, 185
 Константин Павлович, великий князь, 43
 Константинов В. 52, 59, 108
 Конт О. 131, 211—213
 Костомаров Н. И. 40
 Краевский А. А. 61
 Крейчи К. 215
 Критские В. И., М. И., П. И. 17
 Кропотков Д. А. 57, 58, 60, 91, 92, 94, 95, 119, 167—169, 176, 177, 180, 224
 Крылов А. Л. 66, 75—81
 Крылов И. А. 102, 103
 Кудрявцев П. Н. 177, 178
 Кузен В. 211
 Кузмин А. А. 169, 177, 196, 224
 Кузмин П. А. 14, 89, 94, 97, 109, 145, 165, 169, 171—173, 176, 177, 186, 187, 196, 217, 224
 Курочкин Ю. М. 109
 Кухельбекер В. К. 19
- Лавров П. Л. 214
 Лазарев В. В. 23
 Лазуренко В. Д. 9
 Ламанский Е. И. 126, 130, 224
 Ламанский И. И. 224
 Ламанский П. И. 100, 113, 126, 130, 169, 170, 173, 176, 177, 224
 Ламартин А. 148, 165
 Ламенне Ф. Р. 23, 128, 208
 Латкин П. Н. 62, 177
 Левенталь Э. И. 173
 Левин Ш. М. 22
 Левитов А. М. 10
 Лейбниц Г. В. 100, 209
 Лейброк А. 171, 224
 Лейкина—Свирская В. Р. 6—8, 13, 57, 73, 118, 209
- Лейхтенбергский герцог (Максимилиан) 33
 Ленин В. И. 19, 98
 Лермонтов М. Ю. 151
 Леру П. 64, 208
 Липранди И. П. 4, 9, 55, 81, 83, 97, 98, 106, 108, 110—112, 136—138, 140, 152, 166—168, 170, 172, 174, 175, 184, 188, 189, 191, 220
 Литтре Э. 212
 Лобанов-Ростовский И. А. 191
 Лопатин И. Ф. 221
 Луи-Филипп 83
 Лури И. 171, 172
 Львов П. С. 169
 Львов Ф. Н. 4, 38, 39, 41, 56, 91, 96, 99, 100, 102, 104, 106, 120, 126, 129, 158, 159, 161, 170, 176, 181, 186, 189, 190, 192, 217, 218, 222, 224
- Магомед 196
 Мадерский А. Т. 54, 89, 170, 177, 181, 185, 201, 217, 218, 224
 Майков А. Н. 63, 65, 72, 114, 116, 162, 163, 176, 182, 224, 225
 Майков В. Н. 21, 62, 64—73, 125, 178, 202, 207, 213, 220, 225
 Майков Н. А. 65
 Макиавели Н. 66
 Макшеев А. И. 38, 39
 Малеев А. И. 64, 70, 77, 80
 Малинин В. А. 10, 21
 Мальтус Т. Р. 91, 105
 Манцони А. 24
 Маркс К. 26, 82, 204
 Мартыновская В. С. 10
 Мельцер Е. Б. 226
 Милорадович М. А. 43
 Милюков А. П. 23, 38, 97, 126—129, 163
 Милютин В. А. 7, 62, 64, 72, 82, 115, 116, 125, 130, 176, 213, 225
 Милль Дж. С. 214
 Минаева Н. В. 10
 Мироненко С. В. 28, 29
 Михаил Павлович, великий князь 15, 78, 79, 105, 201
 Михайлов А. М. 62, 169, 176, 177

- Михайловская Н. М. 21
 Михайловский Н. К. 214
 Мицкевич А. 20, 24, 38
 Мишле Ж. 3
 Моисей 62
 Момбелли Н. А. 7, 13, 38, 39,
 91, 96, 113, 115, 126, 127,
 130, 144, 157, 159—161, 163—
 165, 169, 173, 181, 186, 190,
 192, 194, 208, 217, 225
 Мордвинов Н. А. 13, 23, 126,
 128—130, 163
 Морелли 209
 Морвиц А. К. 222
 Мосягин Н. Я. 223
 Муравьев-Амурский Н. Н. 4
 Муравьев-Апостол М. И. 152
 Мусин-Пушкин М. Н. 48,
 77, 79, 144
 Муханова М. С. 32
- Пабоков И. А. 170, 174—177
 Пагурный (Нагорный) А. Г.
 165
 Надеждин Н. И. 16, 20, 24
 Наполеон Бонапарт 73, 109,
 149
 Наумов Н. Ф. 41, 55, 81,
 107, 112, 116, 123, 135—
 138, 140—145, 147—152, 155,
 171, 172, 184, 200
 Некрасов Н. А. 37, 155
 Немкова М. Ф. 223
 Неслинд М. П. 223
 Нессельроде К. В. 153
 Нестеров А. П. 222
 Нестеров В. П. 222
 Нечаев С. Г. 144
 Нечаева В. С. 167
 Никандров П. Ф. 10
 Николай I 5, 15—17, 20, 29,
 30, 32, 33, 36, 43, 80, 84,
 85, 88, 106, 107, 110, 150,
 154, 166, 167, 169, 174, 175,
 178—180, 185, 187, 188, 191—
 194, 200, 201
 Никитин А. П. 38
 Никитина Ф. Г. 7, 9, 23, 128
 Нифонтов А. С. 83
- Оболенский А. Ф. 45
 Огарев Н. П. 17, 21, 24, 35,
 57, 212, 214—216
- Одоевский В. Ф. 21, 32, 33
 Оксман Ю. Г. 61, 62
 Ольдекоп К. К. 63, 91, 117,
 118, 170, 176, 177, 225
 Ольденбургский принц (Петр)
 108
 Орлик О. В. 22
 Орлов А. Ф. 88, 107, 108, 138,
 155, 167, 169, 172—174, 197
 Отт О. Ф. 131, 164
 Оуэн Р. 49, 71, 74, 100
- Павел I 39
 Пальм А. И. 4, 5, 8, 13, 57,
 62, 89, 102, 104, 114—116,
 120, 121, 125, 126, 130, 132,
 135, 156, 163, 169, 176, 177,
 192, 195, 199, 205, 208,
 217
 Пальчиков А. В. 130, 225
 Паскевич И. Ф. 166
 Пеллико С. 24
 Пель А. Х. 41, 224
 Перовский В. А. 53, 109
 Перовский Л. А. 56, 87, 107—
 110, 117, 166, 167, 187, 189,
 191
 Петр I 34, 73, 123, 201
 Петр III 39
 Петрашевская О. В. 185
 Петрашевская С. В. 58
 Петрашевская Ф. Д. 43
 Петрашевский В. М. 43
 Петрашевский М. В. — см.
 Буташевич—Петрашевский
 М. В.
 Петров А. М. 40
 Писарев Д. И. 103, 214
 Пистолькорс Е. П. 225
 Платон 100
 Плещеев А. Н. 5, 12, 23, 37,
 62—64, 88, 93, 97, 105, 122,
 126, 128—130, 135, 156, 162,
 169, 176—178, 192, 193, 197,
 217, 220, 225
 Плимак Е. Г. 35
 Покровский М. Н. 12
 Полевой Н. А. 16
 Политковский Д. Ф. 106, 145
 Поляков М. Я. 6, 199, 209
 Попов А. Н. 32
 Порох И. В. 13
 Порошин В. С. 48
 Потемкин А. М. 85, 88

- Прокофьев В. П. 13
 Пронин В. Г. 225
 Прудон П. Ж. 42, 48, 82, 105, 121, 122
 Пугачев Е. И. 154
 Пустильник Л. С. 13
 Путята Н. В. 33
 Пушкин А. С. 23, 24, 150, 153, 154
 Пущин И. И. 152, 158
 Пущина А. И. 158
 Пыпин А. Н. 4
- Радищев А. Н. 19
 Раев А. Ф. 197
 Раевский В. Ф. 63
 Райский Л. Г. 12
 Ришелье А. Ж. П. 183
 Рогов Н. А. 224
 Ростовцев В. И. 223
 Ростовцев Я. И. 174, 175
 Рубинштейн А. Г. 97
 Рылеев К. Ф. 217
 Рязановский Н. В. 11
- Саблин В. М. 4, 83, 98, 167
 Савастьянова И. М. 222
 Сагунский А. А. 168, 169, 171, 174—176
 Сакулин П. Н. 21, 22
 Салтыков-Щедрин М. Е. 5, 10, 45, 53, 54, 61—64, 84, 85, 104, 125, 178, 217, 218, 220, 225
 Самарин Ю. Ф. 27, 95, 153
 Санд Жорж 31, 41, 64, 122, 208
 Сарбей В. Г. 13
 Седдон Дж. 12
 Семевский В. И. 5, 7, 14, 43, 44, 47, 52, 54, 59, 62, 66, 69, 110, 135, 137, 138, 150, 167, 170, 176
 Семенов М. Т. 227
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 46, 78
 Семизоров Ф. Ф. 225
 Сен-Симон А. 21, 23, 24, 71, 74, 82, 211, 212
 Сергиенко Г. Я. 9, 13
 Серебряков Н. А. 62, 169, 176, 177, 225
 Сисмонди Л. 69
- Скосырев П. И. 226
 Скуратов Г. Л. 76
 Сливовская В. 11, 12, 215
 Смолий В. А. 13
 Сократ 62
 Спешнев Н. А. 6—8, 13, 14, 64, 82, 88—91, 94, 96, 100, 101, 123, 126, 129—132, 156—164, 169, 174, 176, 181, 185, 186, 192, 194, 199, 201, 207—210, 213—215, 217, 218, 226
 Станкевич Н. В. 172
 Стасов А. В. 72
 Стасов В. В. 125
 Степанов В. 54
 Строганов А. Г. 191
 Сунгуров Н. П. 17
 Сэй Ж. Б. 105
 Сю Э. 122
- Тальская О. С. 158
 Тарасов Б. Н. 23
 Терешина М. А. 221
 Тимковский А. И. 101, 176, 177
 Тимковский К. И. 5, 57, 96, 97, 99—102, 156, 164, 169, 174, 181, 192—194, 208
 Толбин В. В. 60, 97, 116, 122, 226
 Толль Ф. Г. 4, 13, 63, 95, 104, 112—115, 153, 165, 168, 169, 173, 174, 192, 199, 208, 209, 217, 226
 Толстов А. Д. 5, 41, 94, 107, 112, 123, 135—144, 147, 148, 150—155, 169, 172, 177, 226
 Толстой А. П. 191
 Толстой В. В. 153
 Толстой Н. В. 94, 95
 Траншель И. И. 221, 224
 Трофимов И. Т. 25
 Трофимова Н. Л. 223
 Трубецкой, князь, 153
 Тургенев И. С. 37, 82, 128
 Тхоржевский С. С. 13
- Уваров С. С. 16, 62, 79, 80, 84, 144
 Улыбшев А. Д. 19
 Унковский А. М. 52, 53, 59, 108

- Усакина Т. И. 10, 21
Усов П. В. 226
Утин Б. И. 5, 97, 135, 143,
149—151, 169, 177, 226
Ушаков Н. А. 86, 226
- Фалеева Ф. Д. — см. Пет-
рашевская Ф. Д.
Федосов И. А. 9
Федотов П. А. 97
Фейербах Л. 49, 71, 150, 209,
210
Филиппов П. Н. 8, 40, 96, 120,
126—128, 130, 162, 163, 168,
169, 181, 192, 217
Фихте И. Г. 25
Фонвизин И. А. 158
Фонвизин М. А. 28, 29, 216
Фонвизина Н. Д. 158, 185
Франц-Иосиф 166
Фридерикс Б. А. 225
Фруменков Г. Г. 10
Фультон Р. 73
Фурье Ш. 21, 22, 24—26, 48,
49, 57, 60—64, 71, 74, 75,
82, 90, 91, 93, 100, 110,
121—123, 130—132, 134, 160,
164, 165, 177, 182, 187,
196, 199, 200, 202, 203, 211,
213
- Ханыков А. В. 4, 7, 41, 62,
89, 91, 94, 123, 131—135,
139—141, 152, 153, 163—
165, 177, 192, 197, 199, 203,
204, 208, 214, 217, 226
Ханыков Я. В. 95, 139, 153
Хитрово В. И. 30
Ховрин Л. Н. 62, 176
Хоецкий К. Э. 161, 162, 209,
214, 215
Хомяков А. С. 27, 28, 30, 32,
196
Христос 25, 62, 128, 194, 208
- Цейдлер И. Б. 226
Цейдлер М. И. 226
Цешковский А. 105
Цылов Н. И. 220
- Чаадаев П. Я. 20, 23, 24, 27
- Чернышев А. И. 178
Чернышевский Н. Г. 10, 38,
197, 199, 204, 212—214
Черносвитов Р. А. 13, 50, 91,
96, 97, 101, 102, 156—159,
177, 184, 186, 191—193, 201,
218, 220, 226
Чириков М. Н. 54, 63, 170,
176, 177, 227
Чистов К. В. 19
Чистяков М. Б. 38
Чулков Г. И. 13
Чумиков А. А. 38
- Шабисhev Н. Н. 38, 227
Шабисheva К. Н. 227
Шаломытов Н. В. 55, 56
Шапошников В. М. 55, 112,
135—139, 143, 152, 153,
170—172
Шапошников П. Г. 3, 5, 9,
112, 135, 136, 138—140, 143,
147, 151—155, 169, 171, 172,
192, 193, 227
Шахматов Б. М. 7
Шевченко Т. Г. 40, 83, 157,
167, 218
Шевырин В. М. 12
Шекспир В. 152
Шестаков В. П. 18
Шиль Я. Х. 223
Шильдер Н. К. 15
Ширинский—Шихматов П. А.
79, 81
Шкуринов П. С. 212, 213
Штейн Л., фон 18
Штрандман К. К. 227
Штрандман Р. Р. 62, 64, 69,
125, 176, 227
Штраух Л. И. 226
Щеголев П. Е. 6
Щелков А. Д. 97, 130, 170, 177
- Щербатов М. М. 19
- Эванс Дж. 12
Эйдельман Н. Я. 5, 109
Энгельгардт Е. А. 45
Энгельс Ф. 28, 82, 204
Энгельсон В. А. 3, 4, 46, 60,
70, 71, 147, 150, 166, 171,
176, 197, 209, 227

Юнкер Ф. И. 221

Языков Д. Д. 38

Языков Н. Д. 38

Истржембский И. Ф. Л. 8, 64,
91, 92, 96, 99, 102, 105, 106,
114, 121, 168, 169, 174, 180,
192, 193, 200, 202, 205, 208,
214, 227

Яхонтов А. Н. 45

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Русская общественная мысль после 1825 г.	15
Глава 2. Становление взглядов Петрашевского	43
Глава 3. Деятельность кружка Петрашевского в 1845— 1847 гг.	59
Глава 4. «Пятницы» Петрашевского в 1847/48 г.	82
Глава 5. Последний год кружка: 1848/49-й	96
Глава 6. Другие кружки петрашевцев	125
Глава 7. Аресты петрашевцев. Следствие и суд над ними	166
Глава 8. Значение социально-политических и философ- ских воззрений петрашевцев в истории русской мысли и революционного движения	198
Эпилог	217
Приложения: Петербургские адреса петрашевцев и лиц, о ними связанных	220
Указатель имен	228

**Борис Федорович
Егоров**

«ПЕТРАШЕВЦЫ»

Утверждено к печати Редакцией серии
«Страницы истории нашей Родины»

Редактор издательства А. Ф. Варустина
Художник Е. В. Жудина
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректор Г. И. Суворова

ИБ № 33396

Сдано в набор 5.10.87. Подписано к печати 25.10.88.
М-42132. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1 офсет-
ная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 12,60 + 1,05 вкл. Усл. кр.-от. 13,90.
Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 50000. Тип. зак. № 2083.
Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение,
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.